

Учредитель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет». Журнал включает в себя авторские статьи по вопросам теории, истории и практики государственного и муниципального управления.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сухих В.А., д.экон.н. (гл. редактор)
Красильников Д.Г., д.полит.н., проф. (зам. гл. редактора)
Троицкая Е.А., к.полит.н. (отв. редактор)
Блусь П.И., к.геогр.н., доц., *Будалин Е.П.*, к.ю.н.,
Булахтин М.А., д.ист.н., *Зуева Е.Л.*, к.экон.н., доц.,
Новикова К.В., д.экон.н., проф.,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алтухов А.И., академик РАН, д.экон.н., проф., зав. отделом территориально-отраслевого разделения труда в АПК ФГБНУ «Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», Москва

Анимца Е.Г., член-корр. РАЕ, д.геогр.н., проф., зав. кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург

Запольский С.В., д.ю.н., проф., зав. сектором административного и бюджетного права ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук», Москва

Ирхин Ю.В., д.филос.н., проф., проф. кафедры политологии и политического управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственного управления при Президенте Российской Федерации», проф. кафедры теоретической и прикладной политологии ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва

Красильников Д.Г., д.полит.н., проф., проректор по стратегическому развитию, экономике и правовым вопросам, зав. кафедрой государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», председатель Общественной палаты Пермского края, Пермь

Мельник М.В., д.экон.н., проф., заслуженный деятель науки РФ, профессор департамента учета, анализа и аудита ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва

Новикова О.Ф., д.экон.н., проф., зав. отделом экономических проблем социальной политики Института экономики промышленности НАН Украины, Киев, Украина

Силин Я.П., д.экон.н., ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург

Сухих В.А., д.экон.н., председатель Законодательного Собрания Пермского края, Пермь

Шляхта Б., д.юрид.н., проф., зав. кафедрой философии политики в Институте политических наук и международных отношений Ягеллонского университета в Кракове, Польша

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-66778 от 08.08.2016 г.

Издается на кафедре государственного и муниципального управления историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

Территория распространения –
Российская Федерация,
зарубежные страны

Подписной индекс
в Объединенном каталоге
«Пресса России» – 41047.

Адрес
учредителя, издателя
и редакции
614990, Россия, г. Пермь,
ул. Букирева, 15

Тел. (342) 239-68-30
Сайт: ars-administrandi.com
E-mail: arsadmag@yandex.ru

Publisher: Perm State University.

The journal is devoted to the problems of theory, history and practice of public administration.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Anatoly I. Altukhov, member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of department of territorial and sectoral division of labor in the agricultural sector of the Russian Research Institute of Agricultural Economics, Moscow

Evgeny G. Animitsa, corresponding member of Russian Academy of Natural History, Doctor of Geography, Professor, Head of department of Regional, municipal economics and management of Ural State Economic University, Yekaterinburg

Yury V. Irhin, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of department of Political science of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor of department of Theoretical and applied political science of Russian State University for the Humanities, Moscow

Dmitry G. Krasilnikov, Doctor of Political Science, Professor, Vice-rector for strategic development, economy and law issues, Head of department of State and municipal government of Perm State University, Chairman of the Civic Chamber of Perm Krai, Perm

Margarita V. Melnik, Doctor of Economics, Professor, Honored scientist of Russia, Professor of department of Accounting, Account Analysis and Audit of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Olga F. Novikova, Doctor of Economics, Professor, Head economic problems of social policy department of Institute of Industrial Economics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

Bogdan Shlyakhta, Doctor of Law, Professor, Head of chair in Philosophy of Politics at the Institute of Political science and international relations, the Jagiellonian University in Krakow, Poland

Yakov P. Silin, Doctor of Economics, Rector of Ural State University of Economics, Ekaterinburg

Valery A. Sukhikh, Doctor of Economics, Chairman of Legislative Assembly of Perm Krai, Perm

Sergey V. Zapolsky, Doctor of Law, Professor, Head of department of Financial and Budget law of Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

EDITORIAL BOARD

Valery A. Sukhikh, Doctor of Economics, Legislative Assembly of Perm Krai – **Head Editor**

Dmitry G. Krasilnikov, Doctor of Political Science, Professor, Perm State University – **Deputy Head Editor**

Elizaveta A. Troitskaya, PhD (Political Science), Perm State University – **Editor-in-Chief**

Pavel I. Blus, PhD (Geography), Perm State University

Evgeny P. Budalin, PhD (Law), West-Ural Institute of Legal Studies

Maksim A. Bulakhtin, Doctor of History, Perm State University

Kseniya V. Novikova, Doctor of Economics, Professor, Perm State University

Elena L. Zueva, PhD (Economics), Associate Professor, Higher School of Economics (Perm Branch)

Journal is indexed by the list of the leading peer reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science

Published by department of State and municipal government of Perm State University.

Distributed in Russian Federation, foreign countries.

Subscription index in the common catalogue «Press of Russia» (<http://www.pressa-rf.ru>) – 41047.

Address of Publisher and Editorial Board: Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia.
Tel. +7(342)239-68-30. Web-site: ars-administrandi.com. E-mail: arsadmag@yandex.ru

© Редакционная коллегия, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕОРИИ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Борисова Н.В. Языковой территориальный режим: концептуализация понятия	5
Суханова П.А. Модели эффективных кластеров в условиях становления экономики инновационного типа: обзор зарубежных и отечественных подходов.	17

II. ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Якимова М.Н. Роль проектного управления в реализации государственной политики в период президентства Д.А. Медведева	29
Капогузов Е.А., Чупин Р.И. Социальный контроль качества государственных услуг: неoinституциональный подход	41

III. УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИЯМИ

Новичков Н.В., Башкирова О.В., Новичкова А.В. Стратегии поведения на международном рынке инновационных продуктов: патентный пул против единоличного владения портфелем патентов	52
--	----

IV. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

Гусева М.С., Амелькина Д.В. Государственная поддержка малого инновационного предпринимательства в кластере: потребности, ресурсы и возможности	66
---	----

Пиньковецкая Ю.С. Закономерности распределения предприятий в зависимости от численности работников	85
Нездойминов С.Г. Гостиничный бизнес Украины в условиях рыночных реформ	97
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	108

ТЕОРИИ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

УДК 81'27:323.1

Н.В. БОРИСОВА, к.полит.н., доцент кафедры политических наук
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», г. Пермь, ул. Букирева, 15
Электронный адрес: borisova_nv@psu.ru

ЯЗЫКОВОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ РЕЖИМ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ¹

Проблема обеспечения территориальной целостности во фрагментированных в этнолингвистическом отношении обществах сопряжена в практическом смысле с поиском рецептов и действенных механизмов недопущения и/или разрешения конфликтов. Одним из таких решений является институционализация языковой преференциальной политики как элемента этнической территориальной автономии. Данная политика обеспечивает сохранение и воспроизводство титульного для автономии языка. Тот или иной вариант языковой преференциальной политики создает, вероятно, различные системы институциональных соглашений относительно использования языка в сообществе и определяемых ими образцов языкового поведения и взаимоотношений в сообществе. Для характеристики такого рода системы институциональных соглашений предлагается использовать понятие «языковой территориальный режим». Особенности последнего зависят от конфигурации таких факторов, как характер, содержание, предметы, арены приложения и эффекты реализации языковой политики, характеристики субъектов, структурные и контекстуальные особенности этнической территориальной автономии. В статье представлена логика выделения «сильных», «слабых», а также «промежуточных» (средних) по своей силе языковых территориальных режимов.

Ключевые слова: языковая преференциальная политика; этническая территориальная автономия; языковой территориальный режим

DOI: 10.17072/2218-9173-2016-3-5-16

Известный американский социолог Р. Брубейкер утверждает: «Публичная жизнь как таковая не может быть а-лингвальной» [9]. Он отмечает, что язык создает и поддерживает непосредственную среду публичного дискурса, коммуникаций и приватной сферы жизнедеятельности человека. В исследовательской литературе существуют три традиции понимания языка и его роли в жизни общества: 1) язык как инструмент общения; 2) язык как инструмент,

¹ Исследование выполнено в Пермском государственном национальном исследовательском университете за счет гранта Российского научного фонда: проект №15-18-00034 «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств» (рук. П.В. Панов).

обеспечивающий доступ к определенной культуре [19]; 3) язык как ключевой элемент идентификации [12, р. 287]. Первые две можно условно обозначить как имеющие отношение к социолингвистике, которая понимает под языком постоянно изменяющуюся систему, выполняющую в обществе и культуре целый ряд функций (выражения, обозначения, познания, трансляции и коммуникации) [3].

В зависимости от того, какой методологической ориентации придерживается исследователь, формируется понимание третьей – идентификационной – роли (функции) языка в обществе. Сторонники примордиализма рассматривают язык как идентификатор этнической принадлежности его носителей и маркер ее границ. Они фактически настаивают на том, что язык предписан индивиду его происхождением и родственными связями. Д. Горовиц, соглашаясь с отдельными положениями примордиализма, указывает на то, что язык по сути является маркером этнической идентичности [14]. Такому пониманию роли языка примордиализмом противостоит конструктивистский взгляд. Конструктивисты обвиняют примордиализм в «эссенциализации языка», рассматривая язык в инструменталистском ключе – как результат рационального выбора индивидов [2, с. 32]. Здесь уместно обратиться к идеям Р. Брубейкера, который, изучая социально-политическую роль религии и языка, пишет, что язык (равно как и религия) является более важным по сравнению с этничностью доменом в процессе первичной социализации и «хотя язык нередко представляется как примордиальный феномен, таковым на самом деле не является, будучи изменчивым во времени» в разных контекстуальных условиях [9, р. 3]. Вслед за Р. Брубейкером Н. Борманн, Л. Цедерман и М. Вогт отмечают более значимую по сравнению с религией роль языка в разворачивании этнических конфликтов. Они обращают внимание, что языковые различия лучше (проще) осознаются индивидом, чем религиозные, особенно в случаях, если этническая идентичность основывается на лингвистической [8, р. 5].

А. Карла справедливо указывает на то, что язык как таковой не является предзаданным элементом развития идентичности индивидов. «Она формируется через практики и системы взаимодействия индивида и государства, личности и власти» [12, р. 287]. Речь в данном случае идет об инструментальной коммуникативной роли языка, посредством которой он становится политически значимым. Язык оказывается значимым как в инструментальном, так и символическом отношениях. Э. Лиу, ссылаясь на А. де Токвилля, отмечает, что политическая роль языка проявляется и в том, что он – [фактически] источник национального единства и инструмент для конструирования политического сообщества [17]. Сходной точки зрения придерживается и Сью Райт, которая считает, что язык является условием и одновременно элементом появления и развития национальных государств [22].

В рецензии на книгу «Традиции государства и языковые режимы», изданной под редакцией Л. Кардинал и С.К. Зоннтаг [11], Ю. Кубота пишет: «Язык есть политический феномен <...>, поскольку язык является предметом политического спора» [15]. В связи с этим, было бы ошибочным полагать, что сам язык, фрагментируя общество, может быть тем самым угрозой территориальной

целостности государства. Фрагментируя сообщество, стимулирует конфликт не собственно язык, а его политико-институциональный статус, являющийся результатом реализации языковой политики и имплементации конкретных публично-правовых решений относительно языка. Именно такой взгляд на феномен языка и связанные с ним политические курсы дает возможность обсуждать его политическое измерение.

Проблема обеспечения территориальной целостности во фрагментированных в этнолингвистическом отношении обществах сопряжена в практическом смысле с поиском рецептов и действенных механизмов недопущения и/или разрешения конфликтов. Помимо таких механизмов, как «power-sharing», широко распространена институционализация преференциальных политик (policies), направленных на защиту культуры и обеспечение особых прав этнических меньшинств. Подобные механизмы и политики являются составляющими элементами этнической территориальной автономии (далее – ЭТА) как институционального решения проблемы сохранения территориальной целостности государства и обеспечения прав этнических меньшинств. Преференциальная политика обеспечивает гарантии и учитывает предпочтения как ЭТА в целом, так и отдельных титульных и нетитульных этнических групп внутри нее. Объектом преференциальной политики выступает широкий спектр вопросов, центральное и нередко символическое место среди которых занимают преференции, связанные с такими базовыми основаниями выделения и спецификации ЭТА, как этничность, язык, религия. Американский политолог Э. Лиу, ссылаясь на Д. Горовица и П. Бурдые, отмечает, что признание языка означает наделение правами [на самобытность] его носителей [17, р. 12].

Под языковой политикой понимается политика (как система мер и действий), направленная на развитие языка, стимулирование или сдерживание контактов и конкуренции между языками в сообществе. Иными словами, языковая политика – это политика, которая имеет языковые эффекты. Языковая политика является преференциальной, если обеспечивает сохранение и воспроизводство титульного для ЭТА языка, а также (в некоторых случаях) миноритарных языков, носители которых относятся к нетитульным этническим группам внутри ЭТА. К. Уильямс выделяет три фактора, обуславливающих объем, содержание и период осуществления языковой преференциальной политики:

- 1) политический контекст определения, реализации и коррекции языковых стратегий (политических курсов);
- 2) отношения между политиками, чиновниками и группами интересов;
- 3) роль законодательных реформ, судебной практики в контексте защиты или модификации языковых стратегий [21, р. 102].

Преференции в сфере языка (в т.ч. наделение его официальным статусом) могут быть институционализированы и гарантированы как национальной конституцией, специальным национальным законом, так и субнациональными (региональными) или локальными нормативно-правовыми актами.

Институционализация права на язык обеспечивает выживание и воспроизводство его носителей и образуемых ими этнолингвистических сообществ. Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что воспроизводство

этнолингвистического сообщества (группы, меньшинства) требует такой конфигурации и направленности языковой преференциальной политики, которая не только обеспечивает реализацию права меньшинства на изучение языка и использование его в частной жизни, но и 1) организует комплексное школьное образование на языке меньшинства, который таким образом становится средством обучения [9, р. 8], и 2) делает язык средством коммуникации в публично-правовой сфере и практиках администрирования. Иными словами, происходит смена модуса языка с культурного на публичный. Здесь уместным будет привести пример каталанского языка, который до реформы 1982 г., преимущественно во франкистский период, хотя и был широко распространен в частном, бытовом общении в Каталонии, особенно в ее аграрных территориях, но не имел официального статуса, не был введен в программы школьного обучения. «Каталанцы говорили, общались, но не умели грамотно писать на родном [каталанском] языке»². Такое положение языка, отмечают эксперты, предопределило программу стандартизации (нормализации) каталанского языка, осуществленную последовательно в 1980–1990-е гг. Языковая политика в Каталонии, реализованная под лозунгом «Вернем каталанский»³, не только стандартизировала язык⁴, но и серьезным образом изменила языковую ситуацию в регионе.

Под языковой ситуацией, как правило, понимается «состояние языков в государстве в их территориально-социальном взаимоотношении в пределах целого государства или административно-территориальных регионов, или административно-политических образований» [5, с. 6–7]. Понятие «языковая ситуация» чаще всего используется в социолингвистике и отражает не только нормативный и публичный статус языка, но и указывает на его «жизнеспособность» с точки зрения его количественных (идиоматических) показателей [1]. Однако для описания политических результатов и эффектов институционализации преференций для этнической группы в сфере языка это понятие в полной мере не подходит. Более адекватным представляется использование понятия языкового территориального режима (далее – ЯТР) как элемента ЭТА, формируемого (устанавливаемого) в результате институционализации языковой преференциальной политики.

В исследовательской литературе относительно распространенным является понятие «языковой режим» (language regime) [6; 10; 17; 20]. Вместе с тем консенсус относительно его определения отсутствует. Как правило, исследователи связывают языковой режим с практикой функционирования политических институтов и процедур в политике. Понятие «языковой территориальный режим» является еще менее определенным. Так, Р. Брубейкер, используя его в одной из своих работ для характеристики сложившейся в Квебеке практики реализации языковой политики [9, р. 9], не дает ему определения. Определение этого понятия требует обращения к типологии языковых режимов, предложенной Э. Лиу. Она наряду с иными типами языковых режимов

² Интервью № 1. 26.10.2016. Барселона, Испания // Из лич. арх. автора.

³ “Bring back Catalan” // Интервью № 1. 26.10.2016...

⁴ Процедуры и процессы стандартизации языка являются неотъемлемым элементом как процесса национального строительства государства, так и процесса автономизации регионов в составе лингвистически гетерогенных государств [1].

выделяет “*power-sharing*” языковой режим, который характеризуется правовым признанием нескольких языков равнозначными вне зависимости от того, является ли группа–носитель языка миноритарной или же доминирующей в этнической структуре сообщества [17, р. 15]. Иными словами, институционализация этого типа режима увязана с формированием политических институтов “*power-sharing*”, являющихся в свою очередь основополагающим элементом ЭТА. Таким образом, ЯТР представляет собой систему специальных институциональных соглашений по вопросам использования языка, которые устанавливают образцы взаимодействия между членами регионального (территориального) сообщества [7].

Л. Кардинал указывает на то, что «формируемый в контексте властных отношений, политики перераспределения и установления гегемонии языковой режим имеет три измерения: функциональное, символическое и политико-правовое» [10, р. 4]. Первое измерение (функциональное) касается языкового планирования, под которым, как правило, понимают собственно реализацию языковой политики [1]. Различают два вида языкового планирования: планирование относительно корпуса языка (*corpus language planning*) и планирование относительно статуса языка (*status language planning*) [13, р. 5]. Решения, касающиеся норм и правил используемого сообществом языка, составляют планирование относительно корпуса языка. Эти решения чаще всего связаны с грамматикой и лексикой языка и редко имеют сколько-нибудь политическое значение. Вместе с тем именно к таким решениям следует относить реформы языка, включающие, например, смену алфавита или разрешение параллельного использования в письменной речи двух и более алфавитов. Показательными в этом плане оказываются как примеры замены арабской вязи в конце 1920-х гг. на латиницу в Турции или переход Молдавии с кириллицы на латиницу при сохранении кириллического скрипта в Приднестровье после развала СССР, так и неудавшиеся попытки латинизации алфавита в Чечне и Татарстане в 1990-е гг. в период децентрализации в России и максимального ослабления федерального центра. Последние два случая, полагаем, следует рассматривать не столько как функциональное измерение языковой политики, сколько как символическое воплощение требований регионализма и сецессии, безусловно сопряженные с разрешением проблемы сохранения территориальной целостности государства.

Планирование относительно статуса языка включает решения, касающиеся политико-правового положения языка, а также организации системы его преподавания и изучения. Здесь уместным будет привести пример энтитетов Боснии и Герцеговины (Республики Сербской и Федерации Боснии и Герцеговины), где сложившаяся с сербским, хорватским и бошняцким языками ситуация является одним из маркеров крайне конфликтных этнических отношений, подтверждая тезис о том, что Босния и Герцеговина (БиГ) как национальное государство в его нынешней конструкции является крайне неустойчивым, «странным государством», суверенитет которого «размывается сразу на двух уровнях», поскольку высокий уровень фракционализации и институционально оформленной сегментации системы управления страной разрушают внутренний государственный суверенитет [4]. Дейтонские мирные соглашения 1995 г. подорвали единство политики в области образования,

не сформировав единых образовательных целей, не определив общих ценностей, основанных на позитивном отношении к своей стране и патриотических чувствах [18], и обусловили институционализацию сегрегированной системы школьного образования в БиГ. В Республике Сербской обучение ведется исключительно на сербском языке, в то время как в Федерации Боснии и Герцеговины была установлена двойная (разделенная) система образования. В пяти бошняцких кантонах образование осуществляется на бошняцком языке; в трех хорватских жупаниях – на хорватском. А в смешанных кантонах создана особая образовательная система, воплощением которой стал феномен «двух школ под одной крышей». Такие школы имеют разные входы для детей из бошняцких, сербских или хорватских семей; школьный двор разделен на две части. Решения в отношении языка, подобные реализованным в БиГ, являются политически релевантными, поскольку составляют одновременно содержание, предмет языковой политики, а также имеют, безусловно, политические последствия с точки зрения функционирования политики.

«Символическое измерение языкового режима, – считает Л. Кардинал, – проявляется в свойственных ему репрезентациях и символах, в то время как политико-правовое – в институционализированных правилах, требованиях и нормативном признании практик использования языка членами сообщества в различных сферах жизнедеятельности сообщества» [10, р. 4]. Примером политико-правового измерения языкового режима является случай швейцарской франкофонной Юры, которая в результате череды референдумов (в 1970-е гг.) и долгих согласований получила в 1994 г. статус кантона, выделившись из состава немецкоязычного Берна. Став кантоном, Юра, как и иные кантоны Швейцарии, получила право на монолингвизм – приоритетное использование во всех сферах жизнедеятельности сообщества кантона французского языка как одного из трех государственных языков страны. В настоящее время на улицах, в школах и храмах Юры (за исключением одного муниципалитета) крайне затруднительно встретить немецкоязычную речь. Закрепилось и нормализовано французское название ее столицы – Делемон, в то время как немецкое название упоминается в туристических справочниках много реже. Городское пространство Делемона преимущественно франкофонно: названия магазинов, улиц, административных зданий исключительно на французском языке. И лишь на стенах отдельных зданий в Делемоне сохранились таблички с историческими справками на немецком и французском языках, являющиеся своеобразными «осколками» наследия власти Берна.

Аналогичным является пример франкофонной Валле д'Аосты, где официальным региональным языком еще в 1909 г. был признан французский. Публично-правовое пространство Аосты, самой маленькой автономии Италии, является преимущественно франкофонным, о чем свидетельствуют и названия улиц⁵, и вывески магазинов, и указатели на зданиях учреждений органов публичной власти. К служащим, занятым в органах региональной (местной) власти, больницах и иных публичных учреждениях, обязательно предъявляется требование знать французский язык. Вместе с тем СМИ, а также публичные политики, партии являются италияязычными, да и сам французский

⁵ Лишь на части табличек само слово «улица» написано на двух языках, в то время как их названия исключительно на французском.

не является языком межличностной коммуникации в регионе⁶. На улицах Аосты в основном слышна итальянская речь, а в небольших деревушках распространён франко-провансальский язык патуа. Однако обучение на всех ступенях школы ведётся исключительно на французском языке, итальянский же изучается в качестве предмета. Вероятно, сохранение за французским языком официального статуса обусловлено как символическими мотивами защиты исторической памяти о длительной борьбе вальдастанцев за автономию, так и прагматическими стимулами обеспечения коммуникации с соседней Францией⁷. Пример Валле д'Аосты является прекрасным подтверждением тезиса Т. Агарина о соотношении символической и прагматической языковой политики [6, р. 366].

Символическое измерение языкового режима отсылает нас к мысли, что язык как идентификационный маркер имеет символический статус: пока язык жив, живо и сообщество. Здесь интересными оказываются идеи А. Карла о том, что символическая языковая политика нередко продуцирует как языковую сегрегацию [12, р. 292] (пример Федерации БиГ), так и формирование фактического монолингвизма внутри языкового сообщества. В последнем случае показательным является пример испанской Каталонии, где билингвальное региональное сообщество (признан государственным испанский (кастильский) язык и региональным – каталанский) имеет тенденцию к постепенному превращению в монолингвальное, что обусловлено фактически монолингвальной образовательной системой. Эксперты отмечают, что включение в образовательные программы начальной и средней школы 2–3 часов кастильского языка с точки зрения уровня грамотности населения Каталонии недостаточно⁸.

Приведенные выше примеры показывают, как тот или иной вариант языковой преференциальной политики создает, вероятно, различные системы институциональных соглашений относительно использования языка в сообществе и определяемых ими образцов языкового поведения и взаимоотношений в сообществе. Б. Ладо отмечает, что языковую политику можно характеризовать как набор не только административных регулятивных мер, но и ее «неявных форм, представленных в системе образования, мифах, пропаганде и языке публичного пространства» [16, р. 135]. Наиболее интересным представляется язык публичного пространства (язык улиц, торговых центров, школ, рынков, офисов), а также частных сфер жизни современного человека. Изучение этого пространства затруднено, поскольку сложно измерить реальный масштаб распространения языка, силу и глубину его укорененности в сообществе. Такое исследование потребует обязательного обращения к качественным методам сбора эмпирических данных, привлечения инструментария антропологического наблюдения.

Представляется, что не только характер языковой политики, ее субъектный состав, но также структурные и контекстуальные характеристики ЭТА⁹

⁶ Интервью № 1. 20.10.2016. Аоста. Италия // Из лич. арх. автора.

⁷ Эксперты в интервью отмечают, что жители Валле д'Аосты нередко обращаются, например, за медицинской помощью и другими публичными сервисами в городки соседней альпийской Франции.

⁸ Интервью № 1. 26.10.2016...

⁹ Исторические условия появления и институционализации ЭТА, ее социально-демографические и экономические характеристики.

обуславливают особенности ЯТР. Тип режима можно определить исходя из характеристики двух его измерений: *глубины* и *универсальности* регулирования вопросов использования языка на трех основных аренах общественных и межличностных взаимодействий: 1) образование, 2) управление, 3) масс-медиа и публичное коммуникативное пространство. Комбинация этих измерений позволяет установить разные по силе типы ЯТР.

Набор возможных решений относительно использования языка в политико-правовой сфере широк. Вероятны ситуации, когда язык титульной группы ЭТА имеет статус официального языка (равного), признанного национальной конституцией и региональным статутом; используется органами власти на всех уровнях, включая судопроизводство и охрану правопорядка (например, оба энтитета в БиГ или Квебек в Канаде). В других случаях язык титульной группы ЭТА имеет статус официального регионального языка и используется всеми органами власти, включая судопроизводство и охрану правопорядка (например, Каталония и Страна Басков в Испании). Или язык титульной группы ЭТА не имеет статуса официального регионального языка или имеет статус официального регионального языка, но используется только в делопроизводстве (например, Пенджаб в Индии).

Аналогична логика выделения и характеристики критериев для построения типологизации ЯТР и для сферы образования. Может быть институционально закреплено в качестве обязательного требование организации обучения на языке титульной группы ЭТА на всех ступенях образования и на всей территории автономии (Квебек в Канаде, Каталония в Испании). Или нормативно закреплены и практически реализуются одновременно несколько моделей билингвального обучения, в т.ч. и модель обучения на языке титульной группы ЭТА на начальной и средней ступенях обучения (Андхра Прадеш и Телангана в Индии, Воеводина в Сербии). Наконец, язык титульной группы ЭТА может преподаваться лишь факультативно на любой из ступеней обучения, но преимущественно в начальной школе (Пенджаб и Нагаланд в Индии).

Что касается такой арены общественных и межличностных взаимодействий, как масс-медиа и публичное коммуникативное пространство, то можно встретить случаи, когда региональное правительство финансирует медийное вещание на языке титульной группы ЭТА, определяя долю программ, выходящих на этом языке, а обязательное название и написание топонимов на языке титульной группы ЭТА нормативно закреплено региональным законодательством (например, Каталония в Испании). Региональное правительство в иных случаях определяет только долю программ, выходящих на языке титульной группы ЭТА, право названия и написания топонимов на языке титульной группы является опциональным (Валле д'Аоста). И, наконец, возможно отсутствие закрепленного за региональным правительством права регулирования языковых аспектов медийного вещания на территории ЭТА; нормативно закреплено в качестве опционального право вещания на языке ЭТА в качестве частной инициативы; требование и право названия и написания топонимов на языке титульной группы отсутствует (Сабах и Саравак в Малайзии).

Таким образом, конфигурация предложенных вариаций содержания, предметов, арен приложения и эффектов реализации языковой политики

позволяет выделить «сильные», «слабые» режимы, а также, вероятно, широкий спектр «промежуточных» (средних) по своей силе языковых территориальных режимов. При этом их сила может рассматриваться как маркер силы (политического веса) этнической территориальной автономии.

Список литературы

1. Вахтин Н., Головкин Е. Социолингвистика и социология языка: учеб. пособие. СПб.: Изд. центр «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского университета в СПб, 2004. 336 с.
2. Германова Н. Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике // Вестник МГЛУ. 2009. № 557. С. 24–41.
3. Кульжанова Г. Язык политики как социолингвистический феномен [Электронный ресурс]. URL: www.policy03.narod.ru/29.doc (дата обращения: 31.10.2016).
4. Соколова Е. Босния и Герцеговина: опыт несuverенной демократии // Неприкосновенный запас. 2007. № 6 (56). С. 145–155.
5. Тихонова Р. Языковая ситуация и языковая политика как понятия социолингвистики. Самара: СГПУ, 2007.
6. Agarin T. Flawed Premises and Unexpected Consequences: Support of Regional Languages in Europe // Nationalism and Ethnic Politics. 2014. Vol. 20, № 3. P. 349–369.
7. Borisova N., Sulimov K. Linguistic Territorial Regimes in Multi-lingual Ethnic Territorial Autonomies [Manuscript. Non published].
8. Bormann N.-C., Cederman L.-E., Vogt M. Language, Religion and Civil War // Journal of Conflict Resolution. 2015. August. P. 1–28.
9. Brubaker R. Language, Religion and the Politics // Nations and Nationalism. 2013. Vol. 19, № 1. P. 1–20.
10. Cardinal L. Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.recode.info/wp-content/uploads/2013/02/Cardinal-Linda-2012-RECODE.pdf> (дата обращения: 31.10.2016).
11. Cardinal L., Sonntag S. State Traditions and Language Regimes. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2015. 282 p.
12. Carla A. Living Apart in the Same Room: Analysis of the Management of Linguistic Diversity in Bolzano // Ethnopolitics. 2007. Vol. 6, № 2. P. 285–313.
13. Gadelii K. Language Planning: Theory and Practice. Evaluation of Language Planning Cases Worldwide [Электронный ресурс]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0011/001184/118456eo.pdf> (дата обращения: 31.10.2016).
14. Horowitz D. Ethnic Group in Conflict. Berkley: University of California Press, 1985. 707 p.
15. Kubota Y. State Traditions and Language Regimes // Current Issues in Language Planning. 2016. June. P. 1–5.
16. Lado B. Linguistic Landscape as a Reflection of the linguistic and Ideological Conflict in the Valencian Community // International Journal of Multilingualism. 2011. Vol. 8, № 2. P. 135–150.

17. Liu A. Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015. 256 p.
18. Pašalić-Kreso A. The War and Post-War Impact on the Educational System of Bosnia and Herzegovina // International Review of Education. 2009. Vol. 55, № 1–2. P. 67–88.
19. Patten A. Political Theory and Language Policy // Political Theory. 2001. Vol. 29, № 5. P. 691–715.
20. Pool J. Language Regimes and Political Regimes // Language Policy and Political Development / ed. by B. Weinstein. Norwood, New Jersey: Ablex, 1990.
21. Williams C. Perfidious Hope: The Legislative Turn // Regional and Federal Studies. 2013. Vol. 23, № 1. P. 101–122.
22. Wright S. What is Language? A Response to Philippe van Parijs // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2015. Vol. 18, № 2. P. 113–130.

Статья получена 10.11.2016

References

1. Bahtin, N. and Golovko, E. (2004), *Sociolingvistika i sociologija jazyka* [Sociolinguistics and sociology of language], publishing center “Gumanitarnaja Akademija”, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v SPb, St. Petersburg, Russia.
2. Germanova, N. (2009), “Constructed languages of imagined communities: the problem of national languages in the western linguistics”, *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, no. 557, pp. 24–41.
3. Kul'zhanova, G. (2001), “Language policy as a sociolinguistic phenomenon” [Online], available at: www.policy03.narod.ru/29.doc (Accessed 31 October 2016).
4. Sokolova, E. (2007), “Bosnia and Herzegovina: the experience of non-sovereign democracy”, *Neprikosnovennyj zapas*, no. 6, pp. 145–155.
5. Tihonova, R. (2007), *Jazykovaja situacija i jazykovaja politika kak ponjatija sociolingvistiki* [The language situation and language policy as the concepts of sociolinguistics], Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, Samara, Russia.
6. Agarin, T. (2014), “Flawed premises and unexpected consequences: support of regional languages in Europe”, *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 20, no. 3, pp. 349–369.
7. Borisova, N. and Sulimov, K. (non published), *Linguistic territorial regimes in multi-lingual ethnic territorial autonomies*.
8. Bormann, N.-C., Cederman, L.-E. and Vogt, M. (2015), Language, religion and civil war, *Journal of Conflict Resolution*, August, pp. 1–28.
9. Brubaker, R. (2013), Language, religion and the politics, *Nations and Nationalism*, vol. 19, no. 1, p. 1–20.
10. Cardinal, L. (2012), *Language regimes in Canada and in Quebec: from competition to collaboration?* [Online], available at: <http://www.recode.info/wp-content/uploads/2013/02/Cardinal-Linda-2012-RECODE.pdf> (Accessed 31 October 2016).

11. Cardinal, L. and Sonntag, S.K. (2015), *State traditions and language regimes*, McGill-Queen's University Press, Montreal & Kingston, Canada.
12. Carla, A. (2007), "Living apart in the same room: analysis of the management of linguistic diversity in Bolzano", *Ethnopolitics*, vol. 6, no. 2, p. 285–313.
13. Gadelii, K.E. (1999), *Language planning: theory and practice. Evaluation of language planning cases worldwide* [Online], available at: <http://unesdoc.unesco.org/images/0011/001184/118456eo.pdf> (Accessed 31 October 2016).
14. Horowitz, D. (1985), *Ethnic Group in Conflict*, University of California Press, Berkley, USA.
15. Kubota, Y. (2016), "State traditions and language regimes", *Current Issues in Language Planning*, June, pp. 1–5.
16. Lado, B. (2011), "Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian community", *International Journal of Multilingualism*, vol. 8, no. 2, pp. 135–150.
17. Liu, A. (2015), *Standardizing diversity: the political economy of language regimes*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, USA.
18. Pašalić-Kreso, A. (2009), "The war and post-war impact on the educational system of Bosnia and Herzegovina", *International Review of Education*, vol. 55, no. 1–2, pp. 67–88.
19. Patten, A. (2001), "Political theory and language policy", *Political Theory*, vol. 29, no. 5, p. 691–715.
20. Pool, J. (1990), "Language regimes and political regimes", in Weinstein, B. (ed.), *Language policy and political development*, Ablex, Norwood, New Jersey, USA, p. 241–261.
21. Williams, C. (2013), "Perfidious hope: the legislative turn", *Regional and Federal Studies*, vol. 23, no. 1, pp. 101–122.
22. Wright, S. (2015), "What is language? A response to Philippe van Parijs", *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, vol. 18, no. 2, pp. 113–130.

Received 10 November 2016

THE CONCEPT OF LINGUISTIC TERRITORIAL REGIME

Nadezhda V. Borisova

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

E-mail: borisova_nv@psu.ru

Solving the problem of territorial integrity of ethnolinguistically-fragmented societies requires one to look for the effective mechanisms to prevent conflict resolution. Language preferential policy institutionalization being an element of ethnic territorial autonomy is one of these decisions. This policy preserves and reproduces titular language of ethnic territorial autonomy. Any given version of language preferential policy is likely to produce different systems of both institutional agreements towards titular language usage and language behavior patterns in ethno-linguistic community. The paper is devoted to the conceptualization of linguistic

territorial regime as a system of special institutional arrangements of linguistic issues, which are established to shape human interaction in the regions. The configuration of such structural and contextual factors as content, target, arenas and effects of language preferential policy implementation, specific features of its actors and agents, ethno-linguistic structure society determine the type of regime. The paper categorizes «strong», «weak» and «middle» regimes.

Key words: language preferential policy; ethnic territorial autonomy; linguistic territorial regime

МОДЕЛИ ЭФФЕКТИВНЫХ КЛАСТЕРОВ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ ИННОВАЦИОННОГО ТИПА: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПОДХОДОВ¹

Становление экономики инновационного типа предполагает новые подходы к эффективному экономическому развитию стран и территорий. Традиционные программы промышленного развития требуют применения новых инструментов, активизирующих инновационную деятельность предприятий. Одним из подтвердивших свою эффективность инструментов регионального экономического развития является кластерный подход. Кластер по своей сути предполагает эффективность как неотъемлемую характеристику его участников. Для опережающего развития российских регионов кластеры могут стать источниками генерации инновационных товаров и услуг и обеспечить глобальную конкурентоспособность российского производства и науки. Анализ моделей кластеров позволит определить структуру кластера, закономерности развития и факторы, влияющие на его эффективное развитие.

Автором проведен анализ моделей кластеров ведущих зарубежных исследователей – О. Сольвелла, Е. Фезера, К. Кетельса, Дж. Линдквиста. Определены основные структурные элементы моделей кластера: производственные компании, научные институты, органы власти. Выявлен и описан основной механизм обеспечения эффективности кластера – интенсивность процессов трансфера знаний и технологий, процессов коммерциализации. Проанализирован процесс институционализации кластера. Результаты анализа показывают, что формирование кластерных инициатив (институционализация кластера) является признаком кластеризации экономики. Структура кластера позволяет определить элементы, воздействуя на которые можно влиять на эффективность и развитие кластера.

Ключевые слова: кластер; кластерное развитие; внутрикластерное взаимодействие; мультикластер; модель воронки; институционализация кластера; кластерные инициативы; система взаимосвязей; кластеризация экономики

DOI: 10.17072/2218-9173-2016-3-17-28

Экономическая ситуация, сложившаяся в мире в целом, ускоряющиеся экономические циклы подъема и спада, возрастающая глобальная конкуренция предъявляют новые вызовы для развития российских регионов. С 2000-х годов все большее внимание для целей инновационного экономического развития привлекают не столько страны в целом, сколько территории, регионы, обладающие определенной производственной специализацией и инновационным потенциалом. Свою экономическую эффективность показывает также и активное межфирменное взаимодействие компаний, находящихся в непосредственной близости и работающих в одной или смежных сферах, – кластеры. Тесное сотрудничество малых и средних предприятий дает синергетический эффект при разработке инновационных товаров и услуг, повышает

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-12-59011.

эффективность деятельности компаний по отдельности и положительно влияет на социально-экономическое развитие территории в целом.

Кластерный подход, показавший свою эффективность на уровне территориального развития в европейских странах, привлекает внимание российских ученых и политиков. Для российских регионов особенно важно в настоящее время определить основные подходы к экономическому инновационному развитию, чтобы не остаться за бортом международной конкуренции. Зарубежный опыт кластерного регионального развития, подходы к развитию кластеров именно сейчас особенно актуальны для России.

Для целей экономического развития российских регионов возможно применение успешных практик кластерного развития, при этом нужно сформировать четкое представление об инструментах развития кластеров. Для этого необходимо понимание структуры кластера, основных закономерностей кластерного развития, факторов, влияющих на его эффективность. Анализ моделей кластеров позволяет определить основные структурные элементы и их взаимосвязи, воздействуя на которые можно влиять на формирование и развитие кластера.

Большое количество зарубежных исследователей (D. Doloreux, R. Shearmur [9], R. Claudio, V. Riccardo [7], K. Ketels, G. Lindqvist, Ö. Sölvell [11; 13] и др.) определяют кластер как взаимодействие различных участников при производстве и распространении инновационной продукции. Они особо отмечают конкурентоспособность результатов этого взаимодействия, что предполагает и эффективность внутрикластерных процессов.

Базовая модель кластера представлена О. Сольвеллом (рис. 1) [13].

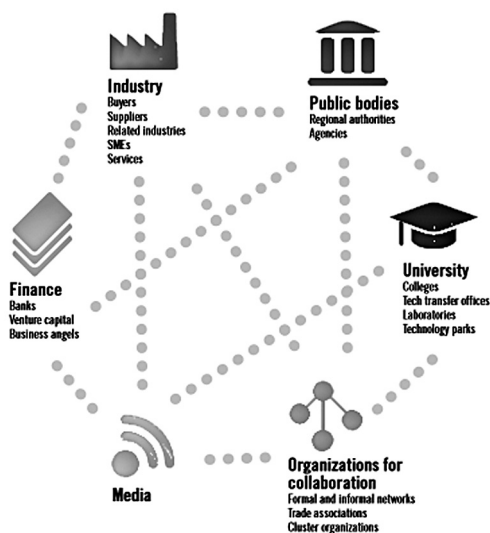

Рис. 1. Участники кластера

Участниками кластера по О. Сольвеллу являются:

– крупный, средний и малый бизнес. Компании–конкуренты, поставщики товаров и услуг, потребители и компании связанных технологий, использующие общие факторы, такие как рабочая сила и технологии;

- финансовые организации, включая традиционные банки, венчурный капитал, частный капитал, бизнес-ангелы;
- государственные участники: национальные министерства и агентства, региональные органы власти, местные сообщества;
- образовательные учреждения, включая колледжи, университеты, исследовательские институты, офисы трансфера технологий, научные парки;
- частные и государственно-частные организации (НКО, торговые палаты);
- медиа, необходимые для создания бренда кластера и «историй» кластера.

Все участники взаимодействуют друг с другом, при этом в данной модели не определяются основные направления связей. Модель описывает общую интенсивность связей и взаимодействий между всеми участниками кластера. О. Сольвелл особо отмечает, что простое наличие вышеперечисленных участников и институтов не является кластером, кластер выявляется через наличие связей между участниками, выраженность взаимодействия между ними, через взаимодействие с внешней средой. Уровень динамики развития эффективного кластера определяется интенсивностью и плотностью связей между его участниками.

К классическим моделям кластера относится модель Е. Фезера [10] (рис. 2). Он рассматривает кластер со стороны предложения и спроса, указывает на необходимые программы воздействия на кластер как на производителя товаров и услуг и как на потребителя.

Программы:

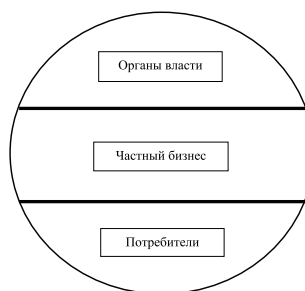
- связи университетов и индустрий, технологический трансфер, коммерциализация;
- инкубаторы;
- взаимодействие между покупателями и поставщиками, конференции, демо-шоу;
- техническое сопровождение;
- венчурный капитал.

Цепочка добавленной стоимости / предложение

Программы:

- регулирование и усиление;
- стоимость ресурсов;
- покупка;
- поставки;
- налоговые кредиты;
- образование, маркетинг, инициативы;
- услуги по переработке.

Потребители / спрос

Рис. 2. Модель кластера Е. Фезера

По Е. Фезеру, кластер является поставщиком товаров, услуг, ресурсов (человеческих, производственных, финансовых и пр.). Важнейшим элементом формирования «предложения» кластера является взаимодействие науки и индустрий, процесс трансфера и коммерциализации исследований и разработок.

К. Кетельс и Дж. Линдквист предлагают свою модель кластера (рис. 3) [11]. По их мнению, в центре кластера находится производственное предприятие, вокруг которого возникают различные взаимосвязи с четырьмя основными секторами: исследовательскими организациями, образовательными учреждениями, источниками капитала и государственными организациями.

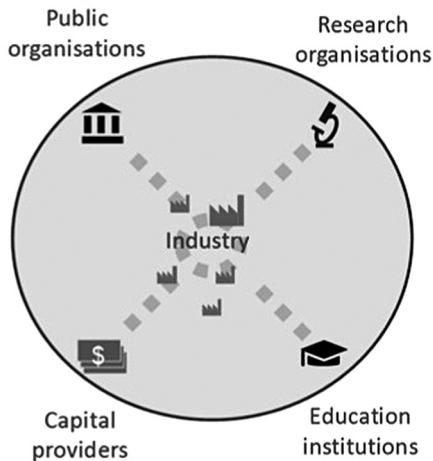

Рис. 3. Участники кластера по К. Кетельсу и Дж. Линдквисту

В российских регионах, традиционно ориентированных именно на промышленное развитие и обладающих хорошим производственным ресурсом, данная модель кластера наиболее органична к применению. Через поддержку и развитие взаимодействия промышленного предприятия с другими основными группами участников кластера возможно повышение конкурентоспособности предприятия и стимулирование инновационной деятельности.

Основная причина того, что кластеры тесно связаны с инновациями, состоит в том, что там, где сосредоточено большое количество промышленных предприятий, различные участники могут поддерживать друг друга, ресурсы могут при необходимости быстро перекомпоновываться. При этом участники должны взаимодействовать таким образом, чтобы обеспечивать мобильность ресурсов и навыков, включая технологические разработки.

К. Кетельс, О. Сольвелл также подчеркивают интегрированность кластера в международный рынок и его связь с другими кластерами.

Российские исследователи в основном принимают во внимание вышеуказанные модели, акцентируя вопросы развития, оценки, методик выявления кластеров. Отметим модель инновационного кластера Д.Л. Напольских [4; с. 36] (рис. 4), которая имеет свои особенности. В данной модели сразу обозначены детерминанты и внешние факторы, влияющие на формирование инновационного мультикластера.

Д.Л. Напольских выделяет два основных типа инновационных кластеров: 1) агломерация, которая формируется вокруг одного вида деятельности и объединяет предприятия смежных отраслей, 2) конгломерат, объединяющий

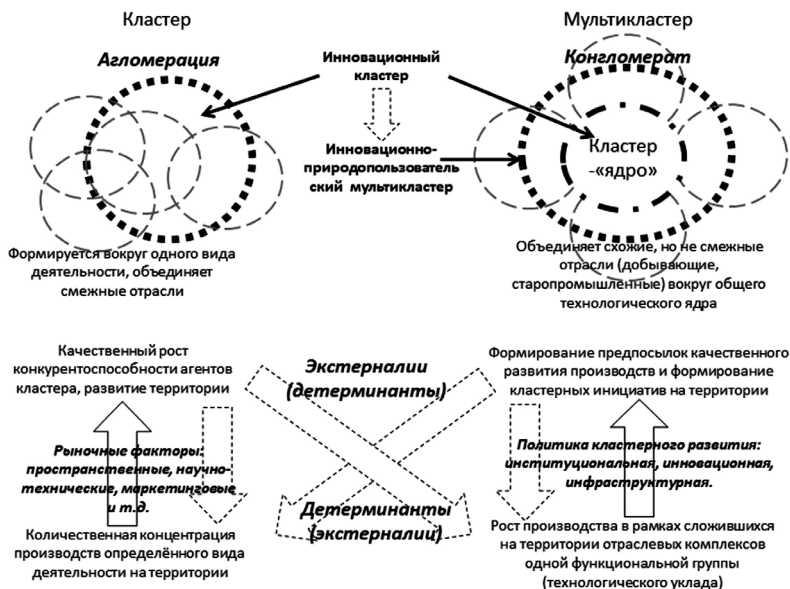

Рис. 4. Детерминанты и экстерналии формирования инновационных мультикластеров

вокруг технологического «ядра» схожие, но не смежные отрасли.

В модели намечены основные детерминанты и экстерналии формирования инновационных мультикластеров. К ним отнесены рыночные факторы и политика кластерного развития. Применительно к данной модели не совсем ясно, кто является участником кластера кроме производственных предприятий, какова внутренняя структура кластера. Важно, что Д.Л. Напольских выделяет политику кластерного развития как важный фактор развития кластера. Кластер развивается не только при взаимодействии с внешней средой, но и через влияние внешних факторов.

Зарубежные исследователи (D. Doloreux, R. Shearmur, R. Claudio, Ö. Sölvell, K. Ketels, G. Lindqvist и др.) связывают развитие кластера с развитием кластерных инициатив. Жизненный цикл последних (политика кластерного развития по Д.Л. Напольских) (рис. 5) – это институционализация процессов коопера-

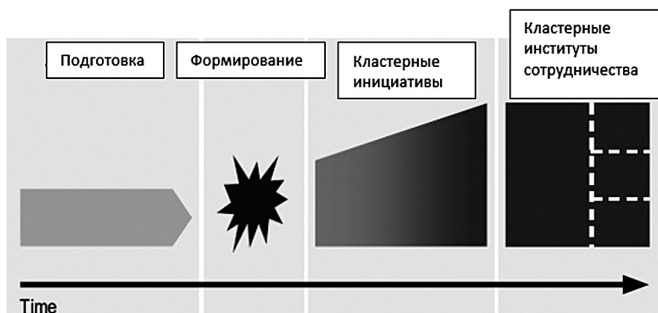

Рис. 5. Жизненный цикл кластерных инициатив [14]

ции и сотрудничества. Кластерные инициативы проходят путь от заинтересованности какого-либо участника или политической инициативы к институционализированным кластерным инициативам, учитывающим интересы всех участников кластера – компаний, исследовательских организаций, финансовых институтов, органов государственной власти.

О. Сольвелл, К. Кетельс предлагают модель воронки (рис. 6) [14], которая описывает общенациональную среду, в которой действует и развивается фирма. Национальная среда, по их мнению, состоит из трех уровней: кластер, микроэкономическая бизнес-среда (конкурентная среда) и общее бизнес-окружение.

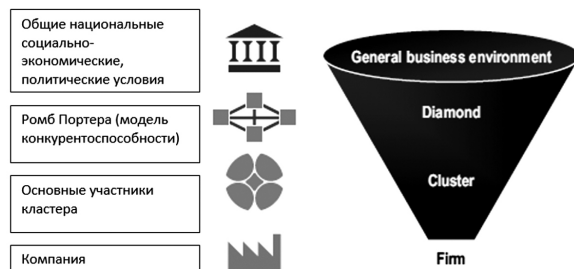

Рис. 6. Модель воронки

Эта модель описывает кластер со стороны отдельной компании, на которую влияют ряд внешних факторов различного уровня, от ближайшего окружения бизнес-среды до макроэкономических общих факторов.

Особо отмечается, что динамичность кластера является основной причиной формирования успешной микроэкономической бизнес-среды. Исходя из большей или меньшей динамичности кластера определяется его глобальная конкурентоспособность (рис. 7).

Рис. 7. Статические и динамические кластеры

В зависимости от страны микроэкономические компоненты варьируются по силе и динамизму. Сильные группы компаний – кластеры («двигатели, моторы») – выходят на уровень международной конкурентоспособности, более слабые действуют только на локальном уровне.

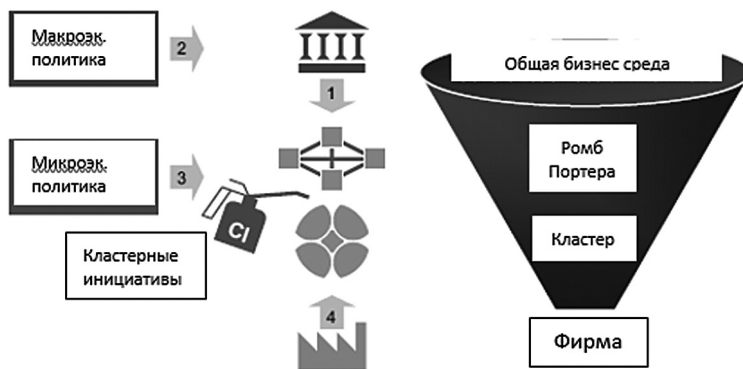

Рис. 8. Бизнес-среда и изменяющие силы влияния [14]

Вышеприведенная модель бизнес-среды и изменяющих сил влияния (рис. 8) показывает воздействие макроэкономической политики на predetermined исторические, географические и культурные условия. С экономической точки зрения макроэкономическая политика влияет на общую бизнес-среду, микроэкономическая политика (в том числе кластерные инициативы как связующее и организующее звено) – напрямую на конкурентные преимущества и кластеры. Стратегии компаний и предпринимательская активность являются дополнительными проактивными силами, формирующими кластеры и общество. Кластерные инициативы или политика развития кластера служат инструментом, позволяющим усилить внутрикластерное взаимодействие, интенсифицировать взаимодействие кластера с внешней средой, вывести его на уровень международной конкурентоспособности. Через процессы узкой (или «умной») специализации кластер формирует свой индивидуальный производственный, технологический профиль и создает конкурентные преимущества, являющиеся стимулом к эффективному, инновационному развитию.

Успешные кластеры связаны с глобальными рынками, именно на них, а не на региональном или национальном уровне, они конкурируют с другими кластерами. Глобальные рынки обеспечивают доступ к рабочей силе определенной квалификации, кодифицированным технологиям, финансовым капиталам и прочим ресурсам. Компании в кластерах, в свою очередь, имеют доступ к специализированным и передовым факторам производства. При этом ключевым для кластера является постоянное взаимодействие с внешней средой (локальной, глобальной) через привлечение новых компаний, венчурного капитала, высококвалифицированной рабочей силы.

Российские исследователи определяют региональный инновационный кластер как совокупность учреждений и организаций различных форм собственности, находящихся на территории региона и осуществляющих создание и распространение новых знаний, продуктов и технологий, а также

организационно-правовые условия их хозяйствования, определенные совокупным влиянием государственной научной и инновационной политики, региональной политики, проводимой на федеральном уровне, и социально-экономической политики региона [1; 14]. Научные организации являются основой научно-технологических комплексов, а исследовательские коллективы разных секторов науки составляют среду, генерирующую знания [2].

Структурными элементами инновационного кластера являются [1]:

- научные организации федерального подчинения, осуществляющие исследовательскую деятельность преимущественно в соответствии с национальными приоритетами научно-технического развития;
- научные организации регионального подчинения, деятельность которых в первую очередь направлена на решение задач научно-технического развития данного региона;
- высшие учебные заведения, осуществляющие подготовку высококвалифицированных кадров для экономики региона;
- предприятия, осуществляющие инновации (инновационно-активные предприятия);
- малые инновационные предприятия;
- организации инновационной инфраструктуры;
- органы управления региональным научно-техническим комплексом.

Анализ зарубежных и отечественных моделей кластеров позволяет определить общие положения:

1. Кластер – это некоторое количество участников.
2. Основные участники кластера – это производственные компании, научные институты, органы власти. Безусловно, кластер включает в себя и других участников. К ним часто относят финансовые институты, общественные организации, СМИ, организации инновационной инфраструктуры и др. Состав участников зачастую различается в разных кластерах в зависимости от его специализации, от социально-экономических условий региона.
3. Основа кластера – это система связей, внутренних взаимодействий, взаимодействий с внешней средой. Ключевой стартовый механизм заключается во взаимодействии трех основных участников кластера: предприятие – наука – органы власти. Оно обеспечивает интенсивное производство и распространение инновационной продукции. Это взаимодействие реализуется через процессы трансфера знаний и технологий, коммерциализации, диффузии инноваций, через инструменты региональных программ поддержки развития инновационной экономики.

ЕС и Региональный комитет ЕС [8, p. 101] большое внимание уделяют процессам институционализации кластера. Формирование кластером собственной политики развития является очевидным признаком кластеризации экономики. Институционализация может происходить как «сверху-вниз», так и «снизу-вверх». При институционализации «сверху» преимущества данного процесса заключаются в определении четких стратегических количественно-измеримых целей, обеспечении согласованности с различными программами развития и поддержки. При процессе «снизу» к преимуществам можно отнести четкую самоидентификацию участников кластера и высокий уровень мотивации компаний, в него входящих.

Российские исследователи (Т.В. Миролюбова, Т.Ю. Ковалева, И.Н. Корабейников, С.М. Спешиллов, О.В. Дмитриенко, Л.М. Счастьева, Е.С. Куценко) считают, что повышение эффективности функционирования региональных кластеров выражается в комплексном и сбалансированном развитии трех аспектов:

- 1) территориального,
- 2) видового,
- 3) научно-инновационного [3].

При этом приоритетные аспекты повышения эффективности кластера связаны с типом кластера:

- экономическая активность внутри родственных секторов, привязанных к научным, образовательным учреждениям;
- вертикальные производственные цепочки, узко определенные сектора;
- высокий уровень агрегации отраслей промышленности.

Результаты анализа моделей эффективных кластеров показывают, что участниками являются множество компаний: производители и поставщики, научно-исследовательские организации и вузы, финансовые организации и банки, органы государственной власти и консалтинговые компании, профессиональные и общественные организации. Это позволяет говорить о глубокой интеграции кластера в экономику региона. В свою очередь, взаимодействие большого количества компаний и учреждений позволяет утверждать, что в кластерной структуре достаточно полноценно отражается региональная структура экономики [6].

Анализ зарубежных и отечественных моделей эффективных кластеров дает возможность выделить ключевые факторы успеха для развития кластера:

1. *Взаимодействующее партнерство.* Взаимодействие, которое генерирует формальные и неформальные потоки знаний, информации внутри кластера. Доступ к неявному знанию, что содействует коллективному обучению и конкурентоспособному функционированию отдельной компании. Успешные кластеры характеризуются развитой, плотной системой коммуникаций, взаимодействий и взаимоотношений. Ключом к росту малых компаний в кластере является усиление их позиций через кооперацию и сотрудничество посредством формального и неформального взаимодействия [12]. Доверие и межличностные коммуникации чрезвычайно важны для развития, обеспечивая кластер серьезным социальным капиталом.

2. *Инновационная технология.* Для динамично развивающегося кластера необходимы развитие продукта и развитая структура исследований. Инновации обеспечивают кластеру место в авангарде рынка, серьезная исследовательская база снабжает идеями и продуктами на будущее. Продвижение инноваций и НИОКР – это различные, но взаимосвязанные задачи. Инновации обычно относят к продукту или развитию процесса, НИОКР – к появлению нового знания. В наилучшем варианте успешные инновации являются результатом НИОКР.

3. *Человеческий капитал.* Общеизвестно, что успешные кластеры способны формировать конкурентоспособные навыки как на уровне менеджмента и управления, так и на уровне рабочей силы. Это является ключевым

фактором, привлекающим компании в кластер и удерживающим их в нем. Количество и качество доступной рабочей силы – важнейший компонент для развития эффективного кластера.

Для субъектов Российской Федерации в условиях становления экономики инновационного типа важно уделять внимание вопросам кластерного развития, применять соответствующие инструменты, определять факторы, ему способствующие. Большое значение следует придавать формированию и интенсификации внутрикластерных связей между основными участниками кластера – предприятием – наукой – органами власти; а также процессам институционализации кластеров. Все это поможет обеспечить опережающее экономическое развитие регионов. Эта позиция находит политическую поддержку, в ряд федеральных и региональных программ [5] включены разделы, посвященные развитию кластеров.

Список литературы

1. *Инновационно-технологические кластеры стран-членов МЦНТИ* (информ. материал) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icsti.su/uploaded/201304/cluster.pdf> (дата обращения: 05.12.2016).
2. *Казанцев А.К., Никитина И.А.* Инновационные кластеры в региональных стратегиях [Электронный ресурс]. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-351511.html> (дата обращения: 05.12.2016).
3. *Корабейников И.Н., Спешников С.М., Дмитриенко О.В., Счастьева Л.М.* Обоснование приоритетных направлений эффективного развития региональных кластеров различной типологии // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2009. № 5. С. 55–61.
4. *Напольских Д.Л.* Инновационный кластер как фактор модернизации экономики старопромышленного региона // Новый университет. Сер. «Экономика и право». 2014. № 7–8. С. 35–39.
5. *Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года* [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 08 дек. 2011 г. № 2227-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/ (дата обращения: 08.12.2016).
6. *Суханова П.А.* Индикативная оценка региональной инновационной системы с учетом кластерного подхода: дисс. ... канд. экон. наук. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2015.
7. *Claudio R., Riccardo V.* Foresight and Innovation in the Context of Industrial Clusters: The Case of Some Italian Districts // Technological Forecasting & Social Change. 2008. Vol. 75, № 6. P. 817–833.
8. *Clusters and Clustering Policy: a Guide for Regional and Local Policy Makers* [Электронный ресурс]. URL: <http://cor.europa.eu/en/documentation/studies/Documents/Clusters-and-Clustering-policy.pdf> (дата обращения: 07.12.2016).
9. *Doloreux D., Shearmur R.* Maritime Clusters in Diverse Regional Contexts: The Case of Canada // Marine Policy. 2009. Vol. 33, № 3. P. 520–527.
10. *Feser E.J.* Old and New Theories of Industry Clusters // Clusters and Regional Specialisation / ed. by M. Steiner. London, Pion Press, 1998. P. 18–40.

11. Ketels Ch., Lindqvist G., Sölvell Ö. Strengthening Clusters and Competitiveness in Europe. The Role of Cluster Organizations [Электронный ресурс]. URL: <http://gosbook.ru/node/84334> (дата обращения: 07.12.2016).
12. *Networks of Enterprises and Local Development: Competing and Cooperating in Local Productive Systems*. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1996. 254 p.
13. Sölvell Ö. *Clusters. Balancing Evolutionary and Constructive Forces*. Stockholm: Ivory Tower Publishers, 2008. 141 p.
14. Sölvell Ö., Lindqvist G., Ketels C. *The Cluster Initiative Greenbook*. Stockholm: Ivory Tower Publishers, 2003. 93 p.

Статья получена 16.12.2016

References

1. International Centre for Scientific and Technical Information (2013), "Innovative-technological clusters of ICSTI member countries", available at: <http://www.icsti.su/uploaded/201304/cluster.pdf> (Accessed 5 December 2016).
2. Kazancev, A.K. and Nikitina, I.A. (2011), *Innovative clusters in regional strategies* [Online], available at: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-351511.html> (Accessed 5 December 2016).
3. Korabeinikov I.N., Spechilov S.M., Dmitrienko O.V. and Schastieva L.M. (2009), "Justification of the priority directions of effective development of regional clusters of different types", *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 5, pp. 55–61.
4. Napolskikh, D.L. (2014), "Innovative cluster as a factor of the modernization of the economy of the traditionally-industrialized region", *Novyy universitet, series "Ekonomika i pravo"*, no. 7–8, pp. 35–39.
5. ConsultantPlus (2011), *Ob utverzhdenii Strategii innovacionnogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda* [On approval of strategy of innovative development of the Russian Federation for the period till 2020], Order of Government of the Russian Federation no. 2227-R dated 8 December 2011, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/ (Accessed 8 December 2016).
6. Sukhanova, P.A. (2015), "Indicative assessment of the regional innovation system taking into account the cluster approach", PhD Thesis, Economics and Management of the National Economy: regional economics, Perm State University, Perm, Russia.
7. Claudio, R. and Riccardo, V. (2008), "Foresight and innovation in the context of industrial clusters: the case of some Italian districts", *Technological Forecasting & Social Change*, vol. 75, no. 6, pp. 817–833.
8. European Committee of the Regions (2010), "Clusters and clustering policy: a guide for regional and local policy makers", available at: <http://cor.europa.eu/en/documentation/studies/Documents/Clusters-and-Clustering-policy.pdf> (Accessed 7 December 2016).
9. Doloreux, D. and Shearmur, R. (2009), "Maritime clusters in diverse regional contexts: the case of Canada", *Marine Policy*, vol. 33, no. 3, pp. 520–527.
10. Feser, E.J. (1998), "Old and new theories of industry clusters", in Steiner, M. (ed.), *Clusters and regional specialization*, Pion Press, London, UK, pp. 18–40.

11. Ketels, Ch., Lindqvist, G. and Sölvell, Ö. (2012), *Strengthening Clusters and Competitiveness in Europe. The Role of Cluster Organizations* [Online], available at: <http://gosbook.ru/node/84334> (Accessed 7 December 2016).

12. *Networks of enterprises and local development: competing and cooperating in local productive systems* (1996), Organization for Economic Cooperation and Development, Paris, France.

13. Sölvell, Ö. (2008), *Clusters. Balancing evolutionary and constructive forces*, Ivory Tower Publishers, Stockholm, Sweden.

14. Sölvell, Ö., Lindqvist, G. and Ketels, C. (2003), *The Cluster Initiative Green-book*, Ivory Tower Publishers, Stockholm, Sweden.

Received 16 December 2016

EFFICIENT CLUSTER MODELS IN CONDITIONS OF INNOVATIVE ECONOMY: THE REVIEW OF FOREIGN AND DOMESTIC APPROACHES

Polina A. Sukhanova

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

E-mail: Polina-suh@yandex.ru

The innovative economy implies new approaches to efficient economic development of countries and territories. Traditional programs of industrial development require new tools, fostering the innovative activity of enterprises. One of the instrument of regional economic development that proved its efficiency is the cluster approach. The cluster itself implies efficiency, as an integral characteristic of the cluster members. For the innovative development of Russian regions clusters can be identified as an issue of innovative products and services and can ensure the global competitiveness of the Russian industry and science. The analysis of clusters allows to determine the structure of the cluster, patterns of cluster development, key factors for efficient development. Through the influence on the structural elements of the cluster it's possible to stimulate its development.

The author analyzes cluster models of leading foreign researchers – O. Solvell, E. Feser, C. Ketels, J. Lindqvist. Key structural elements of the cluster models are identified – they are production companies, research institutes, authorities. The author identifies and describes the main mechanism of the efficient cluster development - it is the intensity of the processes of transfer of knowledge and technologies, the commercialization process. The article analyzes the process of institutionalization of the cluster. The results show that cluster initiatives (institutionalization of the cluster) is a sign of clustering of the economy. The structure of the cluster allows to determine the elements key for the efficiency and development of the cluster.

Key words: cluster; cluster development; inter-communications; the multicluster; funnel model; institutionalization of the cluster; cluster initiative; network; the clustering of the economy

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

УДК 65.01:342.9

М.Н. ЯКИМОВА, ассистент кафедры государственного и муниципального управления

ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, ул. Букирева, 15

Электронный адрес: mari.yakimova@gmail.com

РОЛЬ ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА Д.А. МЕДВЕДЕВА

Статья посвящена описанию опыта применения проектного управления для решения государственных задач в период президентства Д.А. Медведева. Исследованная практика стала второй попыткой федеральных органов власти профессионально управлять проектами. Представляется интересным оценить подходы к организации подготовки и исполнения правительственных проектов с точки зрения их соответствия требованиям методологии проектного управления, описанной Руководством РМВОК. Удалось выявить не только частные успехи и проблемы проектов, призванных воплотить в жизнь основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 г., но и возникающие в процессе внедрения трудности, связанные с российским административно-государственным аппаратом.

Преимуществом проведенного исследования является его новизна, оценка соответствия проектов целям государственной политики, а также использование при подготовке статьи методических материалов и «закрытых» сведений федеральных органов власти.

Ключевые слова: государственная политика; проект; проектное управление; основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года

DOI: 10.17072/2218-9173-2016-3-29-40

В 1970–1980-е годы системы управления ряда стран Северной Америки, Европы, Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки и Австралию захлестнула волна преобразований. Под прессом глобальных общественных сдвигов, обнаживших неспособность существовавшей административной модели реализовывать востребованный временем курс развития государства, формировался тренд ее модернизации. На основе идей конкуренции, приватизации, саморегулирования рынка складывались концептуальные основания реформ. Практика внедрения инструментов управления бизнесом в деятельность органов власти, распространяемая под флагом нового государственного менеджмента, в 2000-е гг. появилась и в России.

Программно-целевой подход, стратегическое планирование и управление, бюджетирование, ориентированное на результат, и прочие элементы менеджмента вошли в число средств реализации государственной политики. Стали применяться проекты, масштаб ведения которых еще на старте административной реформы демонстрировал устойчивую тенденцию популяризации этого инструмента. Наличие признанной профессиональным сообществом менеджеров методологии проектного управления, регламентирующей порядок действий на каждой стадии ведения деятельности, и возможность получения результата в условиях ограниченности ресурсов рассматривались субъектами государственной политики как главные преимущества проекта.

Можно выделить три ключевых этапа в истории использования проектов федеральными органами власти современной России. На первом этапе, с 2005 по 2008 гг., проектное управление впервые апробировалось в рамках реализации приоритетных национальных проектов. В это время инициаторам его применения, по признанию А. Дворковича, так и не удалось создать «действительно проектную» систему работы с пятью «национальными приоритетами» [3]. На втором этапе развития проектного управления (2009–2012 гг.), в период президентства Д.А. Медведева, интерес к инструменту усилился, что отразилось в создании более 40 проектов, призванных воплотить в жизнь основные направления деятельности Правительства РФ до 2012 г. И, наконец, третий, современный этап развития проектного управления, связан с возвращением В. Путина на пост главы государства. Отличительными чертами применения инструмента в этот период стал повышенный интерес к мегапроектам, а также создание методологической, правовой и организационной инфраструктуры для популяризации проектного управления в деятельности органов власти.

В настоящей статье будут выделены достоинства и недостатки организации применения проекта федеральными органами исполнительной власти на втором из отмеченных этапов. Подготовка проектов, принятых во исполнение основных направлений деятельности Правительства РФ на период до 2012 г., осуществлялась частично с учетом требований методологии проектного управления и являлась безуспешной попыткой чиновников профессионально управлять проектами.

Вступление в 2008 г. Д.А. Медведева на президентский пост сопровождалось обновлением политической повестки дня государственной политики. Под влиянием мирового экономического кризиса, который в России оказался более глубоким, чем в большинстве стран, а также в результате охлаждения отношений с европейскими государствами после грузино-осетинского конфликта в повестке дня государственной политики оказались такие проблемы, как «неэффективная экономика, полусоветская социальная сфера, неокрепшая демократия, негативные демографические тенденции, нестабильный Кавказ» [7].

Соответственно, цели государственной политики до 2012 г. в экономическом плане сводились к преодолению последствий мирового экономического кризиса, созданию «инновационной экономики, инвестиционно привлекательной, социально ориентированной и эффективной», обеспечению технологического развития страны [12]. В социальном – к исполнению государственных социальных гарантий, обновлению социальной структуры,

развитию человеческого потенциала, в том числе путем распространения современных технологий образования, и т.д. [12].

К задачам политического характера, в свою очередь, относились приоритеты как внешней, так и внутренней направленности. Формирование положительного имиджа России и повышение ее авторитета на международной арене, обеспечение безопасности и независимости государства, защита национальных интересов составляли первую, внешнюю, группу задач. Обеспечение развития демократии посредством наибольшего вовлечения населения в политическую жизнь общества, повышение прозрачности и гибкости отношений между государством и гражданином, снижение уровня коррупции, повышение эффективности работы судебной и правоохранительной системы были включены во вторую, «внутренний», перечень ориентиров политического развития.

В число «особых» внутренних задач политического толка включалась также задача по обеспечению преемственности курса государственного развития и сохранению институтов власти. Работать над выполнением всех государственных обязательств, которые взяла на себя наша страна под руководством В. Путина, Д. Медведев обещал, еще будучи участником предвыборной гонки [8]. И в ходе президентских выборов 2008 г., как отмечалось в СМИ, «процесс смены власти оказался предсказуемым, а с таким трудом обретенная страной стабильность – практически гарантированной» [1].

Разнородность состава целей государственной политики, а также необходимость проведения «постепенных, продуманных, поэтапных перемен» [7], вероятно, и определили изменение подхода к использованию проекта как инструмента реализации государственной политики. Выбранную для применения проекта при В. Путине тактику «форсированного марш-броска» сменила стратегия «основательных и разносторонних преобразований». Вместо четырех приоритетных национальных проектов высшим руководством страны планировалось реализовать 48 [12], каждый из которых, по замыслу идеологов, представлял собой отдельное направление деятельности государства [13]. Управление проектами, как отмечают чиновники федеральных ведомств, стало использоваться в качестве средства «точечного» решения большого количества социально-экономических и политических задач, выделенных на среднесрочную перспективу [13].

В связи с этим при инициации проектов федеральным органам власти вменялась необходимость учитывать положения Концепции долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2012 г, Основных направлений деятельности Правительства РФ, Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ, президентских и правительственных поручений по проектам и прочих стратегических документов [9, п. 7]. В результате, правительственные проекты стали ориентироваться на:

- развитие человеческого потенциала (например, проекты «Формирование здорового образа жизни», «Поддержка семьи», «Развитие дошкольного и общего образования», «Развитие пенсионной системы»);

- развитие экономических институтов и усиление конкурентности предпринимательской среды (например, проекты «Развитие конкурентных рынков и защита конкуренции», «Развитие малого и среднего предпринимательства»);

- распространение инноваций, ускоренное развитие науки, технологий и высокотехнологических производств (например, проекты «Формирование эффективной национальной инновационной системы», «Комплексная модернизация профессионального образования»);
- построение информационного общества (например, проекты «Стратегические компьютерные технологии и программное обеспечение», «Электронное правительство»);
- обеспечение национальной безопасности (например, проекты «Обеспечение антитеррористической защищенности страны», «Модернизация пограничной инфраструктуры»).

Таким образом, требование о соблюдении взаимосвязи проектов со стратегическими ориентирами развития государства формально исполнялось. Оказывалась и необходимая методическая поддержка исполнения проектов. Базовые принципы организации ведения проектов, их планирования, информационно-аналитического и методического сопровождения, оценки результативности и отчетности, управления рисками и т.д. впервые фиксировались в Положении о порядке организации исполнения проектов по реализации Основных направлений деятельности Правительства РФ на период до 2012 г. [15]. Более широкий спектр рекомендаций и ключевых терминов по применению элементов проектного управления содержали Методические указания по разработке карт проектов. В документе описаны и раскрыты такие понятия, как «система целей проекта», «индикатор проекта», «ключевые события проекта», «риски проекта», «календарный план проекта» и т.д. Содержались требования к ведению целеполагания проекта, формулировке его целей, мероприятий, обоснованности индикаторов и пр. Посредством принятия упомянутых Методических указаний впервые была закреплена общая терминология проектного управления.

Не было реализовано на практике, однако, требование о подготовке паспортов проектов на этапе их инициации. Их заменяли карты проекта, которые включали в себя такие типовые разделы паспорта проекта, как цели, участники, даты начала и окончания, результаты, мероприятия проекта. Представляя собой «основной плановый документ» [15, ст. 2], карта проекта также содержала информацию о взаимосвязи целей, мероприятий, целевых индикаторов проекта с его финансовым обеспечением, ключевые события проекта, отражающие этапы его реализации, и достигаемые на каждом из них наиболее значимые результаты [15, ст. 6].

Для экспертизы карт проектов их исполнители готовили сопроводительные документы, во многом дублирующие сами карты. Федеральным органам власти предписывалось разработать общие сведения о проекте и календарный план ключевых событий проекта [9, п. 8]. Первый из отмеченных документов в большей степени отвечал требованиям, предъявляемым к паспорту проекта, и содержал данные о наименовании проекта, его исполнителях, целях, задачах, ожидаемых результатах, индикаторах, рисках и др. Второй – календарный план – практически полностью дублировал табл. 3 карты проекта, предполагая внесение информации о сроках реализации конкретных мероприятий. Отдельно для экспертизы карты проекта рекомендовалось готовить таблицу с

информацией о финансовом обеспечении проекта, что также повторяло данные табл. 4 карты проекта.

Тем не менее отметим ряд достижений при организации планирования проектов. Главным образом, федеральным органам власти предлагалось впервые составить не только такой плановый документ, как карта проекта, которая не использовалась при реализации приоритетных национальных проектов, но и календарный план ключевых событий проекта. Представляя собой таблицу с информацией об основных вехах, мероприятиях, задачах, приоритетных, взаимоувязанных между собой направлениях, календарный план выступал в качестве базового инструмента организации взаимодействия участников проекта для достижения поставленных целей.

Кроме того, результатом планирования проектов стала практики учета и управления их рисками. Исполнителям проектов предлагалось принимать во внимание достаточно широкий спектр рисков, начиная от общих – макроэкономических, финансовых, временных, трудовых и т.п. – и заканчивая специфическими [9, ст. 35]. Информация о рисках, возникающих в ходе реализации проектов, включалась в ежеквартальный отчетный доклад Правительству РФ.

Определенные успехи в развитии проектного управления также были достигнуты в части организации мониторинга и контроля хода реализации проектов. Во-первых, отчетность об исполнении проекта готовилась с учетом оценки достижения целевых индикаторов, перечня мероприятий, выполненных и не выполненных (с указанием причин) в установленные сроки, анализа факторов, повлиявших на ход его исполнения, перечня проблемных проектов и предложений об их дальнейшем исполнении и т.д. [15, ст. 29, 32].

Во-вторых, с целью повышения качества планирования и контроля исполнения правительственных проектов федеральным органам власти следовало применять специализированную информационную систему «ГАС «Управление».

В-третьих, велось привлечение экспертов к оценке исполнения проектов. Согласно данным начальника отдела организации работы с внешними экспертами Аналитического центра при Правительстве РФ, эксперты занимались анализом практики реализации портфеля проектов, средств, расходуемых на целевые задачи, составляли прогноз наступления рисков, прогноз возможности недостижения результатов и снижения качества ожидаемого конечного эффекта и т.д. [6]. Собранная информация предоставлялась ответственным лицам в федеральных органах власти для принятия решений по вопросам корректировки хода исполнения проектов.

В-четвертых, была создана и велась Аналитическим центром при Правительстве РФ база данных о ходе исполнения проектов. Это, на наш взгляд, самое важное достижение в организации мониторинга и контроля хода реализации проектов. Применение этого инструмента можно расценивать как своеобразную попытку федеральных органов власти сформировать рекомендуемую Руководством РМВОК базу накопленных знаний [16, с. 530]. База данных содержала информацию о картах проектов, их корректировках, реализации и т.д. [15, ст. 36]. Создавалось хранилище информации об извлеченных уроках и результатах решений по отбору проектов и их исполнению.

Тем не менее, несмотря на наличие успехов в организации исполнения проектов, федеральные органы власти столкнулись с рядом трудностей.

Главным образом, многие из правительственных проектов являлись инструментом реализации текущей деятельности федеральных органов власти, а не средством создания уникального продукта, как того требует методология проектного управления. Так, содержание проектов «Развитие дошкольного и общего образования», «Развитие пенсионной системы», «Обеспечение антитеррористической защищенности страны» представляли собой ключевые функции соответствующих федеральных структур. А, например, проект «Развитие библиотечного дела» вообще включал в себя мероприятия, являющиеся по сути текущей деятельностью Минкультуры России: обеспечение регулярного пополнения фондов общедоступных библиотек, формирование и активное использование структурированных библиографических и полнотекстовых ресурсов библиотек, комплексная реализация программы сохранения библиотечных фондов страны в части разработки современных технологий и технических средств, обеспечивающих сохранность документов библиотек при их выдаче, копировании и экспонировании и т.д. [17].

Кроме того, организационная структура управления проектами, как и в период ведения приоритетных национальных проектов, была сформирована в соответствии с бюрократическими принципами. Отсутствовал проектный офис, не применялась профессиональная терминология при обозначении ролей участников проектной деятельности, соблюдалась строгая иерархичность и соподчиненность при построении структуры управления проектами [15]. В частности, устанавливалось, что рабочая группа проекта, выполнявшая функции команды проекта, должна была возглавляться руководителем (заместителем руководителя) федерального органа исполнительной власти, ответственного за его исполнение, и включать в себя представителей участников проекта на уровне не ниже директоров департаментов федеральных министерств и заместителей руководителей федеральных служб и федеральных агентств [15, ст. 4]. Отсутствовали условия для соблюдения принципов «горизонтального управления», возникающего в ходе применения профессиональной методологии проектного управления.

При этом согласно упомянутому выше Положению о порядке организации исполнения проектов федеральному органу власти – ответственному исполнителю проекта вменялось осуществлять текущее управление проектом на основе самостоятельно определяемых форм и методов [15, ст. 38]. Ни методические указания, ни положение не содержали минимального объема информации о накопленных теорией и практикой управления проектами технологиях ведения проектов. В указанные документы были включены сведения только о базовых понятиях проектного управления, а также об основополагающих принципах организации планирования, отчетности, координации деятельности соисполнителей проектов. Не была отражена необходимость управления каждой из областей знаний управления проектами с использованием общепринятых подходов и инструментов, которые, к примеру, отражены в Руководстве РМВОК.

В условиях отсутствия достаточного объема знаний и опыта разработки проектов их исполнители вынуждены были решать целый ряд проблем при подготовке проектной документации.

Согласно информационно-аналитическому материалу «Характеристика качества подготовки карт проектов», одним из самых распространенных недостатков карт проектов являлось их неполное или частичное соответствие требованиям нормативной и методической базы (35 из 45 [17]). Кроме того, исполнители испытывали значительные трудности при определении и формулировке индикаторов результативности проектов. Часть разработчиков не могли увязать цели проекта с задачами и мероприятиями по их реализации. А создавать карты для ряда проектов, например, «Формирование здорового образа жизни», «Сохранение и укрепление здоровья населения, развитие здравоохранения», «Развитие авиационной промышленности и двигателестроения», вообще не рекомендовалось по причине возможности принятия нормативных правовых актов, которые могут существенно повлиять на содержание проекта.

Помимо этого, разработчики не всегда согласовывали проектную документацию с другими участниками или определяли содержание проектов таким образом, что их результаты не позволяли оценивать деятельность Правительства РФ («Развитие библиотечного дела», например). Ввиду того, что часть правительственных проектов фактически представляла собой текущую деятельность органов власти, для некоторых из них было «объективно невозможно выделить необходимое количество ключевых событий для большинства мероприятий проекта», необходимых для достижения целей и задач проектов [17].

В свою очередь, трудности в разработке содержания проектов во многом обусловили несоблюдение сроков утверждения карт проектов. Согласно данным начальника отдела организации работы с внешними экспертами Аналитического центра при Правительстве РФ, по состоянию на май 2011 г. из уточненных 46 проектов, заявленных в рамках Основных направлений деятельности Правительства РФ, было утверждено 22 проекта [6]. В 2010 году на утверждение Председателя Правительства РФ можно было представлять карты лишь 3 проектов, согласованных со всеми участниками и получивших положительное заключение по итогам экспертизы («Качественное и доступное жилье», «Развитие сельского хозяйства», «Противодействие незаконному обороту наркотиков») [17]. И это при том, что в соответствии с постановлением Правительства РФ карты проектов необходимо было представить до 10 декабря 2009 г. [11, ст. 2]. Отсутствие опыта и необходимых знаний в сфере разработки проектов, необходимость согласования основной проектной документации с другими участниками проектов в условиях забюрократизированности российского административно-государственного аппарата, считаем, являлись основными факторами отставания в сроках их подготовки.

Более того, проекты, вошедшие в Основные направления деятельности Правительства до 2012 г., воспринимались официальной властью в лице В.В. Путина как база государственных программ [2]. Ориентир перевода проектов в статус госпрограмм предопределил отсутствие необходимости в использовании специализированной методологии проектного управления.

Закладывалась возможность более позднего получения планируемых результатов, поскольку российский политический режим и взятый Д.А. Медведевым курс на «поддержание стабильности» позволяли переводить приоритетные национальные проекты в статус постоянных.

При этом, с помощью проектов, как того требовали приоритеты государственной политики, не удалось создать эффективную и инновационную экономику, отличающуюся развитой конкурентностью предпринимательской среды, повсеместным распространением инноваций, функционированием информационного общества, повышением эффективности отраслей экономики, снижением энергоемкости производства и увеличением производительности труда. В 2012 году доля организаций промышленного производства и сферы услуг, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных Росстатом организаций, составила лишь 9,1% [10]. С 2010 по 2013 годы неизменно низким оставался удельный вес занятых в секторе ИКТ в общей численности занятого населения – 2,1%, только 14% органов государственной власти и местного самоуправления использовали веб-сайт при оказании государственных услуг [10]. Рост производительности труда в разы отставал от роста заработной платы. За 7 месяцев 2012 г. зарплаты во всех секторах обрабатывающей промышленности (это 2/3 всей промышленности России) выросли в среднем на 10%, а производительность труда – всего на 4% [14]. Динамика предпринимательской активности населения, несмотря на положительный характер все так же обладала довольно низкими уровнем и темпами роста [18].

Ожидаемых кардинальных сдвигов в социальной сфере не произошло. Социальная структура российского общества, согласно исследованиям, осталась такой же невосприимчивой к изменениям внешних условий, как и в конце периода длительной рецессии 1990-х гг. – в преддверии экономического подъема 2000-х гг. [4, с. 74]. Вырос общий уровень заболеваемости населения (новообразования, заболевания нервной системы, крови, эндокринной системы, врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения и др.): с 113 877 до 114 721 тыс. чел. с 2009 по 2013 гг. соответственно [5]. Несмотря на наличие цели создания системы образования «инновационного характера», в 2009–2013 гг. уменьшилось число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, при подготовке квалифицированных рабочих, служащих, с 63,6 до 36,3 тыс. шт. соответственно [19].

Тем не менее описанная практика внедрения элементов проектного управления в деятельность федеральных органов власти характеризовалась наличием ряда достижений. В сравнении с периодом реализации приоритетных национальных проектов были предприняты попытки ориентироваться на решение стратегических задач развития России, применять «полупрофессиональную» проектную документацию, управлять рисками проектов, а также накапливать опыт проектного управления. Формировалась единая терминология проектного управления, внедрялись базовые инструменты его планового и финансового обеспечения, развивалась методическая основа ведения проектов. Посредством использования инструмента решалась и заложенная в политическую повестку дня задача по обеспечению преемственности курса государственного развития и сохранению институтов власти.

Развитие применения проектного управления российским административно-государственным аппаратом с возвращением В. Путина на третий президентский пост велось с учетом накопленного опыта управления проектами в органах власти.

Список литературы

1. 8 лет роста, победа на думских выборах и появление тандема Путин – Медведев (13 янв. 2008) [Электронный ресурс]. URL: www.itv.ru/news/2008/01/13/195213-8_let_rosta_pobeda_na_dumskih_vyborah_i_poyavlenie_tandema_putin_medvedev (дата обращения: 01.11.2016).
2. Вступительное слово В.В. Путина на заседании Правительства Российской Федерации 20 мая 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.premier.gov.ru/events/news/10650/photolents.html> (дата обращения: 02.11.2016).
3. Дворкович А.В. Выступление на научно-практическом семинаре «Национальные проекты: тактическая технология или стратегический выбор?» (30 марта 2006) [Электронный ресурс]. URL: http://www.politeia.ru/politeia_seminar/10/39 (дата обращения: 04.11.2016).
4. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / под ред. А.А. Аузана, С.Н. Бобылева. М.: ПРООН в РФ, 2011. 146 с.
5. Заболеваемость населения по основным классам болезней в 2000–2013 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/zdrav/zdr2-1.xls (дата обращения: 07.11.2016).
6. Материалы семинара-совещания с руководителями аналитических служб аппаратов законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4893/19628> (дата обращения: 11.11.2016).
7. Медведев Д.А. Россия, вперед! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5413#sel=> (дата обращения: 08.11.2016).
8. Медведев обещает преемственность политики Путина [Электронный ресурс]. URL: <http://old.rian.ru/politics/20080302/100443068.html> (дата обращения: 07.03.2016).
9. Методические указания по разработке карт проектов по реализации основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации до 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicplanning/government/method> (дата обращения: 09.11.2016).
10. Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/monitor_rf.xls (дата обращения: 05.11.2016).
11. О порядке организации исполнения проектов по реализации основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 17 окт. 2009 г. № 815. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/96471/> (дата обращения: 05.11.2016).

12. *Об утверждении основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года и перечня проектов по их реализации* [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17 нояб. 2008 г. № 1663-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_81994/ (дата обращения: 07.11.2016).

13. *Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации* [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicPlanning/government/> (дата обращения: 07.11.2016).

14. *Платят не по делу. Рост зарплат сильно опережает производительность труда* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/08/28/zarplata.html> (дата обращения: 05.11.2016).

15. *Положение о порядке организации исполнения проектов по реализации Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года* [Электронный ресурс]: утв. постановлением Правительства Рос. Федерации от 17 октября 2009 г. № 815. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/96471/> (дата обращения: 05.11.2016).

16. *Руководство к Своду знаний по управлению проектами* (Руководство РМВОК). 5-е изд. М.: Олимп-Бизнес, 2013. 586 с.

17. *Характеристика качества подготовки карт проектов* // Из арх. Министерства экон. развития Рос. Федерации.

18. *Чепуренко А. Пессимизм на старте* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/01/31/pessimizm.html> (дата обращения: 05.11.2016).

19. *Электронные средства обучения в профессиональных образовательных организациях, осуществляющих подготовку квалифицированных рабочих, служащих* [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/np-obr2.doc (дата обращения: 07.11.2016).

Статья получена 19.11.2016

References

1. The official site of "Pervyj kanal" (2008), "8 years of growth, the victory in the Duma elections and the emergence of the tandem Putin – Medvedev", available at: www.1tv.ru/news/2008/01/13/195213-8_let_rosta_pobeda_na_umskih_vyborah_i_poyavlenie_tandema_putin_medvedev (Accessed 1 November 2016).

2. Archive of the official site of the 2008–2012 prime minister of the Russian Federation Vladimir Putin (2010), "V.V. Putin's keynote speech on meeting of the Russia Federation Government", available at: <http://archive.premier.gov.ru/events/news/10650/photolents.html> (Accessed 2 November 2016).

3. Dvorkovich, A.V. (2006), "Statements on a scientific and practical seminar "National projects: a tactical or strategic choice of technology?" [Online], available at: http://www.politeia.ru/politeia_seminar/10/39 (Accessed 4 November 2016).

4. Auzan, A.A. and Bobylev, S.N. (ed.) (2011), *Doklad o razvitii chelovecheskogo potenciala v Rossijskoj Federacii za 2011 god* [Report on Human Development in the Russian Federation in 2011], PROON in RF, Moscow, Russia.

5. The official site of the Federal State Statistics Service (2014), "Disease of the population by main disease classes in 2000–2013", available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/zdrav/zdr2-1.xls (Accessed 7 November 2016).
6. The official site of Federal Assembly (2011), "Proceedings of the seminar-meeting with the head of the analytical service of the legislative (representative) and executive authorities of the subjects of the Russian Federation", available at: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4893/19628> (Accessed 11 November 2016).
7. Medvedev, D.A. (2009), "Go Russia!" [Online], available at: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5413#sel=> (Accessed 8 November 2016).
8. The official site of "RIA Novosti" (2008), "Medvedev promises continuity of Putin's policies", available at: <http://old.rian.ru/politics/20080302/100443068.html> (Accessed 7 November 2016).
9. The official site of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (2009), "Guidelines for the development of draft maps for the implementation of the Russian Federation Government's basic activity directions till 2012", available at: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicPlanning/goverment/> (Accessed 9 November 2016).
10. The official site of the Federal State Statistics Service (2016), "Monitoring the development of the information society in the Russian Federation", available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/monitor_rf.xls (Accessed 5 November 2016).
11. Garant (2009), *O poryadke organizacii ispolneniya projektov po realizacii osnovnykh napravlenij deyatel'nosti Pravitel'stva Rossijskoj Federacii na period do 2012 goda* [On the order of organization of project execution for the implementation of the Russian Federation Government's basic activity directions till 2012], Government resolution no. 815 dated 17 October 2009, available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/96471/> (Accessed 5 November 2016).
12. ConsultantPlus (2008), *Ob utverzhdenii osnovnykh napravlenij deyatel'nosti Pravitel'stva Rossijskoj Federacii na period do 2012 goda i perechnya projektov po ix realizacii* [On approval of the Russian Federation Government's basic activity directions till 2012 and a list of their projects], Order of Government of the Russian Federation no. 1663-R dated 17 November 2008, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_81994 (Accessed 7 November 2016).
13. The official site of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (2015), "The Russian Federation Government's basic activity directions", available at: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicPlanning/goverment/> (Accessed 7 November 2016).
14. The official site of "Rossiyskaya Gazeta" (2012), "Pay isn't about the case. Wage growth is much faster than productivity", available at: <http://www.rg.ru/2012/08/28/zarplata.html> (Accessed 5 November 2016).
15. Garant (2009), *Polozhenie o poryadke organizacii ispolneniya projektov po realizacii osnovnykh napravlenij deyatel'nosti Pravitel'stva Rossijskoj Federacii na period do 2012 goda* [Regulations on the procedure of organization of project execution for the implementation of the Russian Federation Government's basic activity directions till 2012], approved by Government resolution no. 815 dated 17 October 2009, available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/96471/> (Accessed 5 November 2016).

16. *Rukovodstvo k svodu znanij po upravleniyu proektami (Rukovodstvo PMBOK)* [Aguide to the project management body of knowledge. (PMBOK® Guide)] (2013), 5th ed., Project Management Institute, Newtown Square, USA.

17. *Harakteristika kachestva podgotovki kart proektov* [Characteristics of drafting maps quality] (non published), the Ministry of Economic Development of the Russian Federation.

18. Chepurensko, A. (2012), "Pessimism at the start" [Online], available at: <http://www.rg.ru/2012/01/31/pessimizm.html> (Accessed 5 November 2016).

19. The official site of the Federal State Statistics Service (2014), "E-learning in vocational educational institutions that train skilled workers, employees", available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/np-obr2.doc (Accessed 7 November 2016).

Received 19 November 2016

THE ROLE OF PROJECT MANAGEMENT IN THE IMPLEMENTATION OF STATE POLICY IN THE PRESIDENCY OF DMITRY A. MEDVEDEV

Mariya N. Yakimova

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

E-mail: mari.yakimova@gmail.com

The article describes the experience of using project management elements for solving state problems during the presidency of Dmitry A. Medvedev. The studied practice of using projects is the second attempt of federal authorities to manage projects professionally. It is interesting to evaluate the approaches of the preparation and execution of government projects in order to understand if selected project management methods correspond project management methodology described in the PMBOK Guide. Because of this, it is possible to identify cases of successful local projects and problems and typical difficulties in Russian administrative system project management practice.

Advantages of the study are its novelty, the assessment of accordance of public policy with the projects objectives and using of methodical and "closed" materials of the federal authorities during the research.

Key words: public policy; project; project management; the Russian Federation Government's basic activity directions till 2012

УДК 316.334.2:338.24

Е.А. КАПОГУЗОВ, д.экон.н., доцент, заведующий кафедрой
экономической теории и предпринимательства
ФГБОУ ВО «Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского»,
г. Омск, просп. Мира, 55а
Электронный адрес: egenk@mail.ru

Р.И. ЧУПИН, к.соц.н., научный сотрудник лаборатории экономических
исследований Омской области
Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского
отделения РАН, г. Омск, просп. Маркса, 15
Электронный адрес: roman-chupin@ya.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ: НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД¹

В статье рассматриваются теоретико-методологические аспекты институционализации социального контроля в сфере производства государственных услуг, обосновывается целесообразность эмпирической проверки теоретических гипотез и обрисовываются исследовательские задачи для эмпирического социологического исследования. Показана междисциплинарность дискурса о сущности социального контроля, раскрыты его исторические аспекты и предпосылки принятия соответствующего федерального закона. Представлен анализ понятия «институционализация», охарактеризован его неустойчивый характер. Изучены основные недостатки существующей системы оценки качества государственных услуг. На основе неинституционального подхода определена исследовательская задача – выявить барьеры институционализации социального механизма оценки качества государственных услуг, произведена декомпозиция задач полевого социологического исследования. Предложены направления для последующих научных изысканий в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: государственные услуги; социальный контроль; институционализация; качество государственных услуг; новый государственный менеджмент

DOI: 10.17072/2218-9173-2016-3-41-51

В ходе реформ в духе нового государственного менеджмента, реализовавшихся как в развитых (странах ОЭСР) [26], так и в развивающихся странах, странах с переходной экономикой, большое внимание уделяется социальному контролю качества и эффективности производства государственных услуг. Вопрос о необходимости данного контроля за деятельностью государства встал в ходе эволюции представлений о его роли в экономике [22; 23]: от «всеобщего благоденствия» до иных концепций (компактного, координирующего, адекватного государства) [12], базирующихся на наличии «провалов государства» [5; 22].

При этом варианты обеспечения качества услуг различаются в зависимости от господствующей парадигмы в государственном управлении: бюрократической, менеджеристской или координационной [13]. Степень развития

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ и Правительства Омской области (научный проект № 16-12-55018 «Институционализация социального механизма оценки качества и эффективности производства государственных услуг в регионе»).

гражданского общества, политической конкуренции определяет предпосылки для реализации задач управления по результатам [2] и вовлечения потребителей в процесс обеспечения качества в сфере производства государственных услуг. Благодаря социальному (иногда употребляется термин «общественный») контролю, как показывает зарубежный опыт, возможно существенное повышение качества и доступности государственных услуг, прежде всего, за счет снижения транзакционных издержек и потребителей, и производителей (государственных учреждений).

Содержательно социальный контроль за деятельностью государства и его органов включает внутренний (бюрократический) контроль, контроль, осуществляемый как отдельными гражданами, так и специализированными организациями. Для последних функция контроля является либо основным содержанием их деятельности, либо значимым элементом в ней. Стоит отметить, что функция социального контроля реализуется через намеренное создание условий для зависимых от желания оснований действий экономических агентов путем воздействия на не зависимые от желания основания действий [14].

Вместе с тем, осуществление социального контроля связано с возникновением ряда сложностей как теоретического, так и практического характера. К первым относятся проблема рационального неведения, в первую очередь, со стороны потребителей, проблемы лоббизма, безбилетника и др. Нормативное решение может быть различным: от использования принципов лотерей при выборе представителей общественности, вовлеченных в принятие решений власти, до системы «социальных лифтов», предполагающих процесс обучения представителей стейкхолдеров с целью улучшения качества взаимодействия власти и общества [7].

Термин «социальный контроль» имеет много общего с термином «общественный контроль», который закреплен в федеральном законе от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [20]. Согласно ст. 4 указанного закона под ним понимается «деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях *наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений*». Тем самым сущность контроля фактически сводится к мониторингу деятельности и к последующей реакции на создаваемые (или уже созданные) формальные институты и реализованные решения. Субъектами общественного контроля (ст. 9) выступают общественные палаты и общественные советы, формирование которых устанавливается как данным нормативным правовым актом, так и подзаконными документами.

Достаточно очевидно, что проблема социального контроля носит междисциплинарный характер. Эта тема интересует ученых всех обществоведческих направлений: философов, юристов, политологов и экономистов, но предметное поле научного дискурса отличается как по используемым предпосылкам, так и по содержанию круга обсуждаемых проблем. Исследования в данном направлении начались еще в XIX в., а сам термин «социальный контроль» восходит к работам обществоведа Ж.Г. Тарда, юриста по образованию и по роду

своей основной деятельности, но внесшего наибольший вклад в исследования в области субъективно-психологического направления в западной социологии. Он рассматривал социальную реальность через подражание (имитацию), выявлял отличия «публики» от «толпы» и подчеркивал значение масс-медиа в формировании общественного мнения. Природу социального контроля он изучал в контексте реабилитации преступников, их социализации и адаптации. Данная идея была впоследствии подхвачена американскими социологами Э. Россом и Р. Парком, понимавшими социальный контроль с позиций принуждения членов общества (используя негосударственное принуждение) к поведению в соответствии с общепринятыми в социуме нормами. Классик социологии Т. Парсонс также имел близкую к подходам Росса и Парка позицию, определяя социальный контроль как процесс, с помощью которого через наложение санкций нейтрализуется девиантное поведение. В этой связи исправление девиантов предполагается через три этапа: изоляция, обособление и дальнейшая реабилитация, что должно в конечном счете обеспечить их успешную социализацию.

С позиции правоведов вопросы социального контроля находятся в русле проблемы легальности. Обсуждаемые вопросы касаются соответствия компетенций государственного и общественного контроля [9]; отдельных аспектов вмешательства общественности в сферу правоприменения и законности исполнения закона, например в пенитенциарной системе; анализа проблем девиантологии и криминологии в целом и общественного контроля за несовершеннолетними, в частности; соотношения с существующей системой законодательства и встраивания общественного контроля в механизмы государственного управления [24].

Вопросы социального (общественного) контроля как раздела социальной теории являются предметом осмысления и в социальной философии. В исследовании Е.М. Кузнецовой [17] под ним понимается целенаправленное управленческое воздействие субъекта социального контроля на объект с целью формирования у последнего желаемых моделей поведения, мировосприятия и нравственных ориентиров. Такой подход во многом близок к экономико-управленческой парадигме, считающей контроль одной из функций процесса управления, наряду с организацией, мотивацией и планированием. Автором отмечаются такие задачи социального контроля, как:

- создание граничных рамок (условий), которые направляют поведение объекта и в которых поведение объекта рассматривается как желаемое и допустимое;
- обеспечение посредством специфических методов и инструментов поведенческой активности объекта, направленной на достижение заданной извне цели;
- выявление и пресечение отклонений от норм социально допустимого поведения.

Значимость социального контроля, в том числе применительно к деятельности государства, подчеркивается и в современном российском социологическом дискурсе [1; 6; 21]. Очевидность необходимости нормативного регулирования в конечном счете и привела к принятию упомянутого выше федерального закона, в котором, однако, реализован «ограничительный принцип» [4].

Нормативный фактор успешности реализации функций общественного контроля предполагает наличие ряда внутренних и внешних условий и факторов. Как отмечают О. Мамедова и А.Н. Байкова [18], к внешним факторам общественного контроля можно отнести:

- уровень общественной активности (развитости гражданского общества);
- уровень правового регулирования;
- уровень информационного обеспечения.

Отметим взаимосвязанность всех факторов. При отсутствии общественной заинтересованности (к примеру, потребителей) нет возможности осуществлять контроль. Отсутствие правового регулирования создает институциональный вакуум для осуществления легальных действий и резко повышает транзакционные издержки взаимодействия государственных и негосударственных субъектов. Не менее очевидным является и информационный фактор. Во многом именно им объясняется значимость развития «открытых правительств», раскрытия информации о деятельности государственных органов и т.д.

Становление эффективного социального контроля требует его *институционализации*. Авторы статьи полагают, что категория «институционализация» не является устоявшейся. Согласно позиции О.С. Белокрыловой, корни термина имеют социологический характер: «Вслед за Бергером и Лукманом институционализацию следует содержательно характеризовать в контексте трех ее субстанций: взаимная типизация опривыченных действий; историчность и контроль; объективная реальность, т.е. массовость поведения экономических субъектов, превращение норм и правил в массовую институциональную практику. В дополнение к этим общеэкономическим характеристикам процесса институционализации в его структуру, на наш взгляд, необходимо включать также четвертую составляющую – механизм принуждения экономических субъектов к исполнению правил и норм» [3, с. 5]. О.С. Белокрылова подчеркивает этапность процесса институционализации, с закреплением со стороны государства контроля за использованием практик и технологий их применения.

Достаточно абстрактным является определение категории «институционализация» в работе В. Зуба. Под ним понимается процесс правового и организационного закрепления системного подхода, обеспечивающего сбалансированность и общее направление роста организации [11]. Историчность и последовательность, предлагаемая как необходимый атрибут процесса институционализации, сочетается с хабитуализацией [8], но приобретает характер института, когда становится массовым явлением и переходит от отдельных частных практик к широко распространенным и одобряемым обществом поведенческим рутинам. Согласно Дж. Прескотту и С. Миллеру, в конечном счете некое частное «что-либо» становится «распространенным и узаконенным социальным институтом общества» [15]. Тем самым рабочим определением институционализации в рамках неоинституционального подхода становится ситуация формализованного закрепления неформальных социальных практик, придание им статуса института², решающего определенную социальную проблему.

² В нортовской традиции понимания данной категории как правил игры с механизмом принуждения к их исполнению.

Таким образом, обозначенные методологические проблемы в сфере институционализации социального контроля, в том числе над деятельностью государства, свидетельствуют о непростом характере категории «социальный контроль». Применительно к сфере производства государственных услуг, как уже ранее отмечалось, социальный контроль является значимым элементом реформ как в зарубежных странах, так и в России в части, касающейся механизмов повышения качества и доступности государственных услуг. При этом выделяется как внутриорганизационный путь повышения их качества, так и внешний (т.н. гражданская гипотеза). В первом случае повышение эффективности достигается за счет институционализации менеджеристских инструментов (изменение механизма мотивации агентов за счет квази-рыночных институтов). Как правило, в этом случае речь идет об изменении административной культуры за счет внедрения стандартов и регламентов, а также осуществления внутреннего контроля за их исполнением [19]. Гражданская гипотеза предполагает рост эффективности за счет вовлечения граждан и предприятий в процесс производства общественных благ на всех фазах принятия политико-управленческого решения. Это имеет положительное влияние на фактическое и воспринимаемое качество государственных услуг и, соответственно, удовлетворенность граждан.

Значимость общественного контроля, успешно зарекомендовавшего себя в ряде стран, привела к принятию в России упомянутого федерального закона. Но первые итоги его применения являются достаточно противоречивыми [4], в связи с чем необходим поиск путей, позволяющих перейти от «фасадной» демократии и формального согласования позиций власти и потребителей государственных услуг к реальному вовлечению людей в процесс повышения их качества.

В 2008 году под руководством Е.А. Капогузова было проведено пилотное социологическое исследование, включающее опрос потребителей по услугам, предоставляемым на территории отделов Управления Министерства труда и социального развития Омской области в Центральном и Советском административных округах г. Омска (в многофункциональных центрах предоставления услуг). Ключевыми институциональными проблемами, выявленными в ходе исследования, оказались слабость инфорсмента (механизма принуждения к исполнению правил) в сфере производства и потребления государственных услуг, высокие транзакционные издержки судебного механизма и коллективных действий при внесудебном инструментарии воздействия на качество услуг (в том числе вследствие проблемы безбилетника и информационной асимметрии). На наш взгляд, в условиях неразвитой институциональной среды, которая характерна для России и других стран постсоветского пространства, происходит замещение неэффективных с позиций общественного благосостояния формальных норм и механизмов принуждения (политических, судебных) неформальными связями и механизмами.

Мониторинг качества государственных услуг в Российской Федерации имеет уже более чем десятилетнюю историю. В соответствии с концепцией административной реформы в 2006–2010 гг. основной целью мониторингов было выявление удовлетворенности населения. Между тем анализ результатов проведенного в 2008 г. всероссийского мониторинга выявил проблему

манипулируемости результатами оценки [13]. Существующая в настоящее время система мониторинга также далека от идеала [16; 25] и на практике осуществляется преимущественно административным способом без использования механизмов социального контроля.

Таким образом, представляется целесообразным проведение нового социологического исследования, посвященного изучению барьеров институционализации социального механизма оценки качества государственных услуг. Применительно к исследовательской задаче оно рассматривается с функциональной точки зрения как *формализованное закрепление неформальных социальных практик, придание им статуса института, решающего определенную социальную проблему*.

Применительно к обозначенной тематике барьеры институционализации социального механизма оценки качества государственных услуг можно классифицировать следующим образом:

- ресурсные, связанные с недостатком финансовых и производных ресурсов, необходимых для совершенствования системы оценки;
- информационные, связанные с существующей неполнотой и асимметрией информации об особенностях производства услуг, резервах оптимизации издержек и возможностях потребителей;
- институциональные, связанные с несовершенством формальных институтов (в частности стандартов, административных регламентов) и наличием неформальных институциональных ограничений. Последнее имеет серьезное значение как ключевой сдерживающий фактор.

Также в ходе социологического исследования целесообразно выявить содержание системных и культурных изменений, происходящих в институциональной среде производства государственных услуг, наиболее значимые для потребителей признаки (атрибуты) качественной государственной услуги, информационные, организационные и иные барьеры доступа к услугам; определить, в какой степени потребители ощущают результаты институциональных изменений, проводимых в сфере производства государственных услуг, существует ли потребность в создании специализированных структур защиты прав потребителей государственных услуг.

Дальнейшей теоретико-методологической задачей является разработка качественной классификации, проведение детализации и выявление транзакционных издержек производства государственных услуг при различных институциональных альтернативах их получения (лично, через МФЦ, через Единый портал государственных и муниципальных услуг, через посредников – профессиональных консультантов). При переходе в нормативную плоскость данный вопрос требует институционализации такого механизма через выработку рутин внесудебных форм воздействия.

Кроме того, детальный анализ существующих процессов на примере массовых услуг позволит дополнить инструменты их совершенствования, как предусмотренными нормативной базой, так и предлагаемыми в литературе [10]. Анализ институциональных альтернатив позволит выявить структуру транзакционных издержек и будет способствовать созданию основы для дальнейшего анализа и институционального проектирования в исследуемой сфере.

Список литературы

1. Акулич М.М., Батырева М.В. Социальный контроль как механизм повышения качества предоставления государственных и муниципальных услуг. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Социология. 2013. № 4. С. 104–116.
2. Барбер М. Приказано добиться результата. Как была обеспечена реализация реформ в сфере государственных услуг Великобритании. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 393 с.
3. Белокрылова О.С. Используем методологию институционализма // Journal of Economic Regulation (Вопр. регулирования экономики). 2013. Т. 4, № 3. С. 5.
4. Белокрылова О.С., Вахтина М.А. На пути к гражданскому обществу. В России принят закон об общественном контроле // Journal of Economic Regulation (Вопр. регулирования экономики). 2014. Т. 5, № 4. С. 14–25.
5. Белокрылова О.С., Вахтина М.А. От «провалов рынка» к «провалам государства»: еще раз к вопросу о социальной справедливости в экономике // Journal of Economic Regulation (Вопр. регулирования экономики). 2016. Т. 7, № 2. С. 6–19.
6. Бутова Т.В., Овсянникова Т.К. Сущность общественного контроля в современной России // Науч. зап. молодых исследователей. 2015. № 3. С. 49–54.
7. Бычкова О. Публика и принятие правительственных решений: кому нужны «народные» обсуждения и консультации? // Вопр. экономики. 2014. № 6. С. 63–80.
8. Важенин С.Г., Важенина И.С. Конкурентное сосуществование территорий в экономическом пространстве. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. 78 с.
9. Ветчинова В.Ю. Реформа государственной службы и общественный контроль // Политика, экономика и инновации. 2016. № 1 (3). С. 8–11.
10. Загоруйко А.Е. Детализированные предложения по совершенствованию системы оказания государственных и муниципальных услуг [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gosbook.ru/node/21474> (дата обращения: 05.05.2016).
11. Зуб А.Т. Стратегический менеджмент. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, 2008. 420 с.
12. Капогузов Е.А. Дискретные институциональные альтернативы реформ государственного управления в странах с развитой и развивающейся институциональной средой // Journal of Institutional Studies (Журн. институцион. исслед.). 2016. Т. 8, № 3. С. 102–115.
13. Капогузов Е.А. Институциональная структура производства государственных услуг: от веберианской бюрократии – к современным реформам государственного управления. Омск: Изд-во ОмГУ, 2012. 408 с.
14. Капогузов Е.А., Чупин Р.И. Социальный контроль в сфере качества пищевых продуктов в России: теория и практика саморегуляции // Journal of Economic Regulation (Вопр. регулирования экономики). 2016. Т. 7, № 2. С. 38–48.

15. *Конкурентная разведка. Уроки из окопов* / под ред. Дж.Е. Прескотта, С.Х. Миллера. М.: Альпина Паблишер, 2003. 336 с.
16. *Костина С.Н.* Проблемы организации мониторинга качества государственных услуг // Актуал. проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления. 2014. № 4. С. 263–267.
17. *Кузнецова Е.М.* Социальный контроль как элемент социального управления: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск: типография ИП Макшеевой Е.А., 2006. 18 с.
18. *Мамедова Н.А., Байкова А.Н.* Общественный контроль в сфере государственных и муниципальных закупок: теоретические и практические основы. М.: МЭСИ, 2015. 312 с.
19. *Мониторинг качества предоставления государственных услуг* [Электронный ресурс]. URL: http://ar.gov.ru/gos_uslugi_03_monitoring_kachestva_predostavleniya_gos_uslug/index.html (дата обращения: 08.05.2016).
20. *Об основах общественного контроля в Российской Федерации* [Электронный ресурс]: федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/70700452/> (дата обращения: 26.08.2016).
21. *Переходов В.А.* Социальный контроль над государственной властью: за и против // Известия Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Социология. Политология. 2013. Т. 13, № 2. С. 31–36.
22. *Радыгин А., Энтов Р.* «Провалы государства»: теория и политика // Вопр. экономики. 2012. № 2. С. 4–30.
23. *Танци В.* Роль государства в экономике: эволюция концепций // Мировая экономика и междунар. отношения. 1998. № 10. С. 51–62.
24. *Шапкина Е.А.* Общественный контроль как механизм участия в государственном управлении // Мониторинг правоприменения. 2015. №4 (17). С. 28–32.
25. *Южаков В.Н.* Качество государственных и муниципальных услуг: усилия и результаты административной реформы // Вопр. гос. и муницип. управления. 2014. № 1. С. 52–70.
26. *Pollitt Ch., Bouckaert G.* Public Management Reform: a Comparative Analysis: New Public Management, Governance, and the Neo-Weberian State. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2011. 352 p.

Статья получена 05.12.2016

References

1. Akulich, M.M. and Batyreva, M.V. (2013), "Social control as mechanism of improving the quality of public and municipal services", *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov, series "Sociologija"*, no 4. pp. 104–116.
2. Barber, M. (2011), *Prikazano dobit'sya rezul'tata. Kak byla obespechena realizaciya reform v sfere gosudarstvennyx uslug Velikobritanii* [It's ordered to get results. How implementation of reforms in the UK public service has been provided], Izdatel'skij dom Vysshej shkoly jekonomiki, Moscow, Russia.
3. Belokrylova, O.S. (2013), "Use of institutional methodology", *Journal of Economic Regulation*, vol. 4, no. 3, p. 5.

4. Belokrylova, O.S. and Vakhtina, M.A. (2014), "On the way to civil society. In Russia the law on public control is adopted", *Journal of Economic Regulation*, vol. 5, no. 4, pp. 14–25.
5. Belokrylova, O.S. and Vakhtina, M.A. (2016), "From the "market failures" to "state failures": once again to the issue of social justice in the economy", *Journal of Economic Regulation*, vol. 7, no. 2, pp. 6–19.
6. Butova, T.V. and Ovsyannikova, T.K. (2015), "The essence of social control in modern Russia", *Nauchnye zapiski molodyx issledovatelej*, no. 3, pp. 49–54.
7. Bychkova, O. (2014), "Public and government decisions: who needs the "popular" discussion and consultation?", *Voprosy Ekonomiki*, no. 6, pp. 63–80.
8. Vazhenin, S.G. and Vazhenina, I.S. (2013), *Konkurentnoe sosushhestvovanie territorij v e'konomicheskom prostranstve* [Competitive coexistence of areas in the economic space], Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.
9. Vetchinova, V.Y. (2016), "Reform of the civil service and public control", *Politika, e'konomika i innovacii*, no. 1, pp. 8–11.
10. Zagoruiko, A.E. (2016), "Detailed proposals for improving the system of providing state and municipal services" [Online], available at: <http://www.gosbook.ru/node/21474> (Accessed 15 May 2016).
11. Zub, A.T. (2008), *Strategicheskij menedzhment* [Strategic Management], 2nd ed., rev. and ext., TK Welbi, Moscow, Russia.
12. Kapoguzov, E.A. (2016), "Discrete institutional alternatives of public administration reforms in countries with developed and developing institutional environment", *Journal of Institutional Studies*, vol. 8, no. 3, pp. 102–115.
13. Kapoguzov, E.A. (2012), *Institucional'naya struktura proizvodstva gosudarstvennyx uslug: ot veberianskoj byurokratii – k sovremennym reformam gosudarstvennogo upravleniya* [Institutional structures of production the public services: from Weberian Bureaucracy to modern public administration reform], Omsk State University, Omsk, Russia.
14. Kapoguzov E.A. and Chupin, R.I. (2016), "The social control of Food Quality in Russia: theory and practice of self- regulation", *Journal of Economic Regulation*, vol. 7, no. 2, pp. 38–48.
15. Prescott, J.E. and Miller, S.H. (ed.) (2003), *Konkurentnaya razvedka. Uroki iz okopov* [Proven Strategies in Competitive Intelligence. Lessons from the Trenches], Translated by Lisovskij, A.V., Alpina Publisher, Moscow, Russia.
16. Kostina, S.N. (2014), "Problems of organization of monitoring the quality of public services", *Aktual'nye problemy sociologii molodezhi, kul'tury, obrazovaniya i upravleniya*, no. 4, pp. 263–267.
17. Kuznetsova, E.M. (2006), "Social control as an element of social management", Abstract of Ph.D. dissertation, Social philosophy, Omsk State Technical University, Omsk, Russia.
18. Mamedova, N.A. and Baikova, A.N. (2015), *Obshchestvennyj kontrol' v sfere gosudarstvennyx i municipal'nyx zakupok: teoreticheskie i prakticheskie osnovy* [Public control in the field of public procurement: the theoretical and practical foundations], Moscow State University of Economics, Statistics, and Informatics, Moscow, Russia.

19. Administrative Reform Portal (2016), "Monitoring of quality of public services delivery", available at: http://ar.gov.ru/gos_uslugi_03_monitoring_kachestva_predostavleniya_gos_uslug/index.html (Accessed 8 May 2016).

20. Garant (2014), *Ob osnovax obshhestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii* [On the foundations of social control in the Russian Federation], federal law no. 212-FZ dated 21 July 2014, available at: <http://base.garant.ru/70700452/> (Accessed 26 August 2016).

21. Perekhodov, V.A. (2013), "Social control over state power: pro and contra", *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya, series "Sociologiya. Politologiya"*, vol. 13, no. 2. pp. 31–36.

22. Radygin, A. and E'ntov, R. (2012), "Government failures: theory and policy", *Voprosy E'konomiki*, no. 12, pp. 4–30.

23. Tanzi, V. (1998), "Role of the state in the economy: evolution of concepts", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 10, pp. 51–62.

24. Shapkina, E.A. (2015), "Social control as a mechanism of participation in governance", *Monitoring pravoprimeneniya*, no. 4, pp. 28–32.

25. Yuzhakov, V.N. (2014), "Quality of public and municipal services: the efforts and results of the administrative reform", *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*, no. 1, pp. 52–70.

26. Pollitt, Ch. and Bouckaert, G. (2011), *Public management reform: a comparative analysis: new public management, governance, and the neo-weberian state*, 3rd ed., Oxford University Press, Oxford, UK.

Received 5 December 2016

SOCIAL CONTROL OF THE PUBLIC SERVICE QUALITY: NEO-INSTITUTIONAL APPROACH

Evgeny A. Kapoguzov

Dostoevsky Omsk State University, 55a Prospekt Mira, Omsk, 644077, Russia
E-mail: egenk@mail.ru

Roman I. Chupin

Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the RAS,
15 Prospekt Marksa, Omsk, 644010, Russia
E-mail: roman-chupin@ya.ru

The article discusses the theoretical and methodological aspects of the institutionalization of social control in the production of public services, the expediency of empirical testing of theoretical hypotheses and outlines research tasks for empirical sociological research. The interdisciplinary discourse about the nature of social control discloses the historical aspects of the category and shows prerequisites to introduce the corresponding federal law. The analysis of „institutionalization“ category is characterized by its unsettled character. The paper describes the main shortcomings in the current evaluation of the quality

system for public service delivery, outlines the barriers for its implementation (resource, information, institution). Based on the neo-institutional approach, the purpose of the research is to identify the barriers to the institutionalization of social quality evaluation mechanism of public service, the tasks for field sociological research are decomposed. The areas for further scientific research in this sphere are shown.

Key words: public services; social control; institutionalization; quality of public services; New Public Management

УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИЯМИ

УДК 338(100):339.166.5

Н.В. НОВИЧКОВ, д.экон.н., профессор, Почетный работник науки и техники Российской Федерации, профессор Российского государственного университета туризма и сервиса (РГУТиС), советник Министра культуры Российской Федерации
Министерство культуры Российской Федерации, г. Москва, Малый Гнезниковский пер., 7/6, стр. 1, 2
Электронный адрес: novichkov@gmail.com

О.В. БАШКИРОВА, к.экон.н., заместитель начальника отдела микроэлектроники и перспективных проектов
ФГУП «Научно-исследовательский и экспериментальный институт автомобильной электроники и электрооборудования», г. Москва, ул. Кирпичная, 41
Электронный адрес: shedu@inbox.ru

А.В. НОВИЧКОВА, к.экон.н., доцент кафедры «Управление и маркетинг»
Нижегородский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 46
Электронный адрес: ale-novichkova@yandex.ru

СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОМ РЫНКЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОДУКТОВ: ПАТЕНТНЫЙ ПУЛ ПРОТИВ ЕДИНОЛИЧНОГО ВЛАДЕНИЯ ПОРТФЕЛЕМ ПАТЕНТОВ

В современных экономических реалиях интеллектуальная собственность компании выступает гарантом ее инновационного развития. Вопрос наиболее эффективного управления этим видом собственности при внедрении прорывных, высокорискованных инноваций стоит на повестке дня. Разработка механизмов вывода новых продуктов на рынок, обеспечивающих превосходство над конкурентами, выступает как актуальная научная проблема. В статье проводится анализ стратегий управления интеллектуальной собственностью фирм и оценка влияния выбранных управленческих инструментов на их инновационную активность. В результате объединения усилий участников инновационного процесса (неаффилированных экономических субъектов – резидентов разных государств) посредством образования патентного пула, имеющего целью вывод продукта на глобальный рынок, компания-актор инноваций получает весомые преимущества (повышенное качество продукта, его соответствие требованиям потребителя) и снижает риски неопределенности, характерные для рынка инноваций.

Ключевые слова: инновационная сеть; патентный пул; развитие организационной структуры; структура патентного портфеля; инновационный производственный цикл

DOI: 10.17072/2218-9173-2016-3-52-65

Производственный процесс, по мнению ряда авторитетных исследователей [5; 10; 11; 12], более не доминирует в процессе создания ценности. Наиболее значимым фактором, обеспечивающим инвесторам наибольший доход, являются инновации в случае их рыночного успеха. Это означает, что компании вынуждены обращать пристальное внимание на управление своей интеллектуальной собственностью. Результаты НИОКР занимают значительное место среди объектов интеллектуальной собственности фирмы, выступают основой ее инновационного прогресса на глобальном рынке. Технологические, продуктовые инновации при условии их уникальности формируют новые рыночные ниши, в отдельных случаях – целые рынки, что сказывается на доходах компании – в этом случае компания получает инновационную ренту [4; 6]. Здесь встает вопрос наиболее быстрого вывода инновации на рынок, что в современных условиях зачастую требует участия нескольких экономических субъектов в инновационном процессе.

Инновационно активная фирма эволюционирует в сложной и подвижной среде, выстраивая отношения не только с традиционными субъектами экономических отношений (государственными, финансовыми институтами, рынками, сообществами, продавцами, потребителями и конкурентами), но и активными акторами инноваций [4] – разработчиками, инженерными лабораториями, финансовыми институтами и их новыми инструментами венчурного финансирования. Участие в инновационном процессе целого ряда экономических субъектов приводит к возникновению «сложных отношений» между ними [8], к которым добавляются отношения между конкурентами, инновациями и интеллектуальной собственностью. Возникают вопросы ответственности и прав владения и использования инноваций. Перед фирмой встает задача решить данные вопросы, с учетом достижения цели – максимально быстрого и минимально затратного вывода инновации на рынок.

Рис. 1. Участники инновационного цикла

На рисунке 1 представлены основные участники инновационного процесса при разработке новации (левая часть) и вывода ее на рынок (производства инновации – правая часть).

Значительное время инновационного процесса занимает разработка новации, получение патента. При этом если вопросы юридического характера допустимо адресовать разным конторам, отношения с которыми могут носить разовый характер, то акторов инноваций, ответственных за ее разработку (отображенными на левой половине рис. 1), целесообразно не только сделать постоянными участниками процесса, но и закрепить сотрудничество с ними при помощи специализированных управленческих инструментов. В отдельных случаях возможно применение такого механизма управления интеллектуальной собственностью, как патентный пул¹.

Победить на рынке прорывных инноваций: патентный портфель или патентный пул?

Рассмотрим логические модели инновационных стратегий фирм, работающих на рынке ультразвуковых противонакипных устройств, которые глобальный рынок воспринимает как прорывную инновацию.

Ультразвуковые противонакипные устройства – это система (генератор + преобразователь), которая монтируется на внешнюю поверхность бойлеров и теплообменного оборудования для очистки и предотвращения образования накипи на стенках бойлеров из-за примесей, содержащихся в воде. В СССР этот тип энергосберегающего оборудования ставился в обязательном порядке на все бойлеры всех производств. В переходный период из-за недостаточного финансового обеспечения эта практика фактически прекратилась, но в конце 1990-х гг. на базах исследовательских институтов и производственных лабораторий была реанимирована в объемах меньших на порядки. На сегодняшний день существует около 10 компаний – производителей устройств в мире, один крупный разработчик и поставщик преобразователей в Российской Федерации, два предприятия в Республике Корея – имитаторы, один из которых развивается весьма успешно. Продукт глобальному рынку совершенно не знаком², воспринимается им как прорывная инновация, ресурсо- и энергосберегающая, дружелюбная по отношению к окружающей среде.

Основной фактор, влияющий на эффективность устройства, – материал, используемый для производства преобразователя, наиболее успешные разработки запатентованы. В среднем патентный портфель подобных компаний составляет два-три патента.

Рассмотрим, как две ведущие компании управляют своими патентными портфелями с целью достижения территориального доминирования.

¹ В международной практике под патентным пулом понимается объединение правообладателями принадлежащих им патентов (точнее – прав на несколько результатов интеллектуальной деятельности (РИД)), позволяющее третьим лицам приобретать лицензии одновременно на все патенты, входящие в пул. Возникновение патентных пулов позволило правообладателям выйти на новый уровень получения доходов за счет синергии патентов.

² Для очистки теплообменного оборудования в странах Европы применяется агрессивная химия, в странах Юго-Восточной Азии – механическая очистка бойлеров.

MORKO Co., Ltd (Республика Корея) было создано в 1999 г. как совместное российско-корейское предприятие с русским интеллектуальным продуктом и корейскими производственными мощностями. Через несколько лет, полностью освоив производственный цикл, компания провела ре-эмиграцию и избавилась от полноправного участия российской стороны, российских разработчиков и изобретателей. Будучи первыми на азиатском рынке, имея высокотехнологичный продукт, выступая как монополист, компания начала проводить агрессивную маркетинговую стратегию: оформила патенты на каждую деталь изделия, аббревиатуру устройства (USP), связующие элементы, крепежные детали, получила международные сертификаты. Но к концу нулевых годов инновационный потенциал продукта ослабел, из-за недостатка идей, отсутствия высококвалифицированных инженеров по данной тематике развитие фирмы стало замедляться.

Патентный портфель MORKO Co., Ltd состоит из 18 патентов и сертификатов, некоторые из которых дают право продавать и использовать изделия в Японии³. Также, в отличие от наших устройств, имеется патент на специальное защитное устройство для работы при неблагоприятных погодных условиях⁴.

Таким образом, можно утверждать, что компания декларирует инновации, но разработок, касающихся не только внешних улучшений, но и повышения эффективности устройства, не проводит.

Компания управляет своим патентным портфелем в соответствии с требованиями азиатского рынка – получает сертификаты и разрешения на продажу и работу устройства на отдельных территориях.

Таблица 1

Структура патентного портфеля MORKO CO., Ltd

Позиция	Патенты и лицензии, шт.
Торговая марка, название изделий	3
Дизайн	2
Патентов на полезную модель	7
Технические патенты	4
Лицензия на применение изделия в Японии	1
Лицензия на применение изделия	1

Портфель патентов полностью принадлежит MORKO Co., Ltd. Следует отметить, что компания управляет им весьма успешно – интеллектуальная собственность растет, это, в свою очередь, оказывает влияние на репутацию фирмы, повышает ее инвестиционную привлекательность и, как следствие, рыночную стоимость. Компания является лидером рынка на своей территории.

³ Для продажи на территории Японии необходимо получить японские свидетельства о соответствии.

⁴ Поскольку нередко производства в данном регионе находятся прямо на улице и не имеют стен, в период дождей им необходима дополнительная защита от неблагоприятных погодных условий.

Активность компании в продвижении и потенциальный рынок сбыта привлекли внимание к продукту другой компании, специализирующейся на предоставлении маркетинговых услуг на рынке Юго-Восточной Азии (далее – ЮВА), – сингапурской Artios technology Pte Ltd. Она предложила одному из российских производителей – научно-производственной внедренческой компании «ТермоЭнергия» сотрудничество в продвижении на рынке ЮВА.

Поскольку MORKO Co., Ltd заняла лидирующие позиции, то попытка соперничать с ней вызвала необходимость представить рынку ЮВА качественно новый продукт с улучшенными потребительскими характеристиками. Это потребовало заемных инженерных знаний Санкт-Петербургской инженерной лаборатории, которая занималась и вопросами ультразвуковых устройств.

В результате была организована деловая сеть, в которую входили следующие акторы:

- ООО «ТермоЭнергия» (далее – ТЭ) – российский производитель ультразвуковых противонакипных устройств;
- Artios technology Pte Ltd – сингапурская компания, оказывающая маркетинговые услуги;
- инженерная лаборатория – разработчик новаций.

ТЭ закупает преобразователи у Московского радиотехнического завода (НПО «МРТЗ»), поэтому процедуры патентования изобретения и бухгалтерского сопровождения отданы внешним источникам знаний. Все субъекты, задействованные в инновационном процессе, представлены на рис. 2.

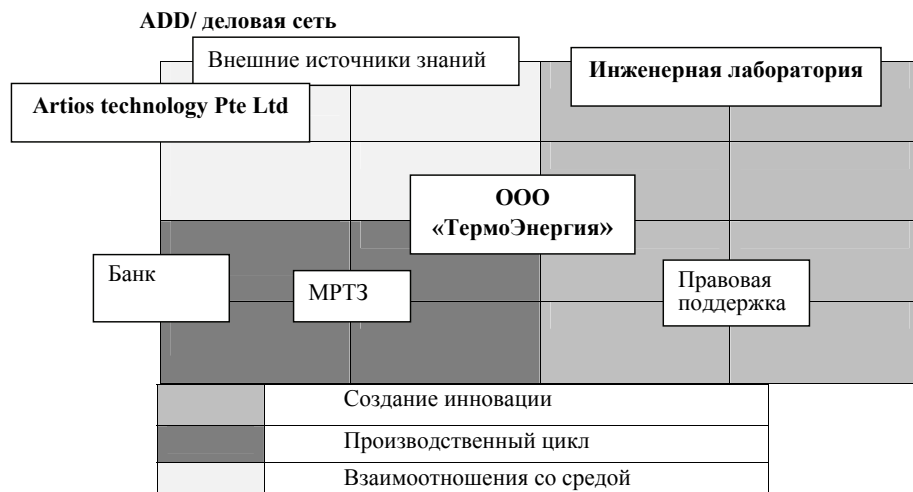

Рис. 2. Акторы инновационного цикла

Поскольку первоначальная аббревиатура устройства (USP – ultrasonic scale protection) было запатентовано MORKO Co., Ltd и ее использование на рынке ЮВА было невозможно, была предложена новая – АДД/ADD (acoustic de-scale devices), которая стала названием проекта. Цель проекта – занять

доминирующие позиции на рынке ЮВА, поэтому усилия компаний были объединены в сетевую форму.

Верхний левый сектор (рис. 2) отображает взаимодействия со средой – рыночные исследования и продажи. За него ответственна Artios technology Pte Ltd, так как прекрасно разбирается в тонкостях азиатского рынка, знакома со многими производителями и, соответственно, техническими характеристиками их производств⁵.

Информация из этой четверти попадает в компанию ТЭ, ее центральная позиция на рисунке демонстрирует ответственность за основные решения управленческого характера.

Так, при необходимости разработки модификаций устройства или значительных изменениях конструкции центр решает, делать ли их своими собственными силами или привлечь специализированную лабораторию. Лаборатория – крайне важное звено цепочки создания ценности, которое несет ответственность за разработку инноваций – взрывозащищенных устройств, предназначенных работать в нефтегазовой и химической промышленности, или цифрового генератора устройства. Остальные внешние источники знаний привлекаются по мере необходимости.

После того как новация разработана, опытный образец поступает в ТЭ, где проходит проверку в тестовой лаборатории. При условии положительных результатов тестов изобретение подвергается процедуре патентования, при прохождении которой ТЭ обращается к юристам, специализирующимся на патентном праве.

В производственный цикл вовлечены три участника – ТЭ, Московский радиотехнический завод (как производитель преобразователя), банк, которому отдана бухгалтерия.

Стратегия развития проекта предусматривает расширение продуктовой линейки за счет новых модификаций устройства, увеличивающих сферы его применения.

Инновация коммерчески успешна при условии многофункциональности. Устройство ADD помимо своего прямого назначения, показало высокую эффективность при экстрагировании (в пищевой промышленности и фармацевтике) и приготовлении смесей (при крашении тканей, например). Другими словами, возможны не только модификации продукта, используемые для очищения от накипи, но и для указанных действий. Это требует активного использования инженерного знания и самой компании ТЭ, и спецлаборатории. Разработки по указанным направлениям оказали существенное влияние на рост и изменение патентного портфеля каждой из компаний. Следует отметить, что для работы на рынке ЮВА требуются дорогостоящие сертификаты и разрешения, их оформление взяла на себя Artios technology Pte Ltd. В результате было решено объединить патенты и сертификаты, относящиеся к ADD, в патентный пул для достижения синегического эффекта, дающего максимально возможные экономические преимущества при выходе на рынок ЮВА.

⁵ Это важно, так как от мощности оборудования зависит необходимое количество преобразователей устройства.

Патентный пул проекта ADD

Международные сертификаты	Назначения/применения	Технологические патенты
Торговый знак	Чистка и предотвращение накипи	Мощность
Сертификаты природоохранные	Экстракция	Безопасность (взрывозащищенное исполнение)
	Смешивание	Цифровые модели
		Дизайн

Патенты, объединенные в пул, условно можно поделить на три основных части: международные сертификаты, назначения – патенты на полезные модели для работы в разных отраслях, технические патенты.

Стратегия развития проекта предпочла этот управленческий механизм для снижения негативного воздействия некоторых особенностей, характерных для рынка инноваций [1; 3; 4; 7]:

1. Долгий процесс патентования инновации. Он занимает время – от шести месяцев. Для получения международных сертификатов требуется еще больше времени, так как компания может получить последние только после приобретения национального сертификата.

2. Цикл жизни патента. Он конечен, монополия на инновацию ограничена. Владелец может продлить жизненный цикл патента, только если изобретение требует дополнительных тестов и выдачи разрешений. По истечении срока действия патента правовой режим осуществления изобретения, полезной модели и промышленного образца изменяется. Новшество становится объектом общественного достояния. Это означает, что каждый имеет право использовать его без разрешения и без какой-либо оплаты.

3. Внедрение инноваций в рутинный процесс. Сегодня инновации, как правило, являются сложными объектами и требуют высокого компетентного знания при производстве каждой детали. Не все компании способны удовлетворить эти требования, иногда они просто осуществляют отдельные процессы производственного цикла. Таким образом, компания нуждается в привлечении заемных ресурсов, мощностей. Когда возможности компании в отношении производства инновации ограничены (нехватка ресурсов, мощностей, технологий), инновационная цепочка состоит из равноправных членов и вопрос распределения зон ответственности и прав становится актуальным.

4. Продвинутая институциональная среда. Для того чтобы выпустить новинку на рынок, требуется сильная институциональная поддержка. Если государство предоставляет условия благоприятствования для инноваторов, необходимо точно понимать эти условия и знать особенности и возможности их использования. На иностранных, международных рынках отечественным компаниям (особенно малым фирмам) нередко приходится прибегать к знанию резидентов.

5. Быстрое появление подражателей. Благодаря возможностям Интернета, предоставляющего мгновенный и часто бесплатный доступ к различным источникам знаний, появление новых модификаций продукта или имитаций, как правило, не заставляет себя ждать. Единственный выход – механизмы защиты своей интеллектуальной собственности.

Каким образом компания может усилить свою инновационную активность в этих условиях [9]? Возможность обращения к заемному знанию не обеспечивает постоянного сотрудничества с критически важными для бизнес-модели субъектами. Перед компанией встает вопрос: как обеспечить вовлеченность всех участников инновационного цикла на более-менее продолжительной основе? Создание патентного пула может не только закрепить сотрудничество при сохранении интеллектуальной собственности каждой из фирм, но и существенно снизить затраты на проект путем распределения расходов и определения зон ответственности, сэкономить деньги и время, как сократить процесс создания новации, так и повысить эффективность ее вывода на рынок⁶.

В рассматриваемом примере необходимость постоянного создания модификаций в соответствии не только с территориальными требованиями, но и особенностями каждого производства требует построения эффективных взаимодействий с партнерами. Основные участники образованной с этой целью деловой сети – члены патентного пула (они выделены полужирным шрифтом на рис. 2 – это ТЭ, лаборатория и Artios technology Pte Ltd). Подобная стратегия должна поддерживать заинтересованность участников в проекте: лаборатория получает доход в случае коммерческого успеха разработок, Artios technology Pte Ltd заинтересован в участии в пуле из-за репутации инновационной компании с «российскими техническими мозгами», что ценится на рынке ЮВА.

Таблица 3

Структура патентного пула

Фирма	Доля	Примечание
ТЭ	60%	Торговый знак Назначения Технологические характеристики
Лаборатория	15%	Прорывные инновации
Artios technology Pte Ltd	25%	Международные сертификаты

Конфликт интересов

В случае возникновения конфликта интересов каждая из компаний остается со своими патентами, при этом теряется синергический эффект объединенного проекта. Продажи ТЭ будут ограничены российским рынком, выход на международную арену займет дополнительное время, лаборатория будет вынуждена искать потребителей разработок, Artios technology Pte Ltd не сможет продавать новейшие модификации продукта. Для эффективной работы необходимы все патенты пула, поэтому согласование долей патента выступает фактором, удерживающим участников от оппортунистического поведения.

⁶ Следует отметить, что патентный пул – только один пример, где члены конкурентной индустрии создают ресурс их коллективного дохода.

Сравнительный анализ конкурентных стратегий на рынке инноваций

Мы видим, что конкуренты – MORKO Co., Ltd и ТЭ для управления своей интеллектуальной собственностью выбрали принципиально разные стратегии. MORKO Co., Ltd – единственный обладатель портфеля, что, конечно, снижает риск оппортунистического поведения партнеров, однако отсутствие сотрудничества с заемным инженерным знанием⁷ лишает компанию весомых преимуществ – высокотехнологичных разработок, что ухудшает ее позиции на рынке инновационной продукции. Кроме того, повышаются расходы вследствие оплаты всех необходимых для деятельности патентов и осуществления ряда бизнес-процессов, которые, в случае с ТЭ, являются зоной ответственности других участников проекта. Учитывая, что век инновации недолог, как и жизнь патента, выгоды сетевого сотрудничества в условиях рынка инноваций (стратегии ТЭ) очевидны. Российская компания нацелена на оптимальное перераспределение потоков знания и финансов между участниками, что дает возможность появления и коммерциализации непрекращающихся разработок. Используя преимущества патентного пула, компания намерена добиться несравнимо больших экономических результатов, производя модификации в соответствии с потребностями/сведениями о потенциальных потребителях.

MORKO Co., Ltd нацелен на интенсификацию роста. Корейская компания пытается стать поставщиком одного из мировых лидеров – Shell и хочет использовать этот статус для доминирования на рынке. Компания производит два типа противонакипного оборудования и предполагает, что этого достаточно для долговременной стратегии роста.

Потенциальный рост MORKO Co., Ltd может быть выражен формулой:

$$\text{Потенциальный рост (MORKO Co., Ltd)} = \left\{ \begin{array}{l} \text{обычные устройства} \\ \text{взрывозащищенные устройства} \end{array} \right\} \quad (1)$$

Производя устройства с улучшенными характеристиками, ТЭ предлагает рынку многофункциональный продукт, который может быть представлен в разных сегментах, нишах, отраслях; либо использован для разных целей на одном и том же производстве:

$$\text{Потенциальный рост (ТЭ)} = \left\{ \begin{array}{l} \text{обычные устройства} \\ \text{взрывозащищенные устройства} \\ \text{экстракция} \\ \text{смешивание} \end{array} \right\} \quad (2)$$

Согласно инновационной стратегии, предложенной Artios technology Pte Ltd⁸, проект ADD собирается достичь показателя в 30% рынка ЮВА в первые три года своего существования и 80% по итогам пяти лет работы. Для

⁷ Разработчики новаций вкладывают значительные усилия в проект, если становятся полноправными участниками в распределении прибыли.

⁸ Artios technology Pte Ltd, Презентация проекта ADD, 2015.

достижения этих показателей было решено сосредоточиться на следующих отраслях и производствах:

1. Китайские электростанции.
2. Производство пальмового масла.
3. Производство соевого экстракта.
4. Окраска текстильных тканей.

Сравним две стратегии инновационного развития и посмотрим, как конкуренты управляют своей интеллектуальной собственностью.

Таблица 4

**Основные параметры инновационной активности российских
и корейских производителей рынка ультразвуковых противонакипных устройств**

№ п/п	Параметр	ТЭ (ADD)	MORKO Co., Ltd (USP)
1	Патентная стратегия	Патентный пул	Патентный портфель
2	Тип инноваций	Технологические кор- ректирующие. Технологические про- рывные. Организационные. Продуктовые	Технологические кор- ректирующие
3	Развитие интеллекту- альной собственности	Диверсифицированный подход. Интенсивное развитие патентного портфеля	Интенсификация / Экстенсивное развитие патентного портфеля
4	Количество патентов на сегодняшний день / поданные заявки на па- тент, шт.	4 ⁹ /4	18/1
5	План ежегодного при- роста портфеля, патен- тов в год, шт.	4–6	1–2
6	Инновационные актив- ности	Построение когнитив- ной системы	Агрессивный маркетинг
7	Характеристики бизнес- модели	Сетевое сотрудниче- ство/ Сильные адаптивные возможности	Бренд. Потребительский ка- питал

Мы видим, что сильная когнитивная система [2] (здесь – инженерное знание ТЭ + инженерное знание лаборатории) обеспечивает будущий рост эффективно. Растет количество ожидаемых патентов на полезные изобретения в отличие от конкурентов, имеющих патенты на уже существующие и эксплуатируемые детали. Это не только значительно расширяет долю рынка ТЭ, но и выводит ее на новые рынки.

⁹ Еще 20 патентов будут скоро получены.

Таблица 5

**Положительные и отрицательные аспекты патентного пула
и патентного портфеля в малом бизнесе**

Аспекты	Патентный пул (деловая сеть)		Патентный портфель (единственный владелец)	
	Положительные	Отрицательные	Положительные	Отрицательные
Патенты				
Количество патентов	Прогрессирующий рост			Медленный рост
Разнообразие патентов	Часто возникающие		По мере надобности	
Возможные изобретения/патенты, кроме проекта	Расширение продуктовой линейки			Под вопросом (мало интеллектуальных ресурсов, слабая НИОКР)
Прорывные инновации	С большой долей вероятности			Сомнительны
Модификации	Регулярно			По запросу
Риски				
НИОКР – не соответствие нуждам компании		Возможно	Нет	
Устаревание продукта	Невозможно, из-за многообразия разработок			Риск есть в случае бедного портфеля
Оппортунистическое поведение основных акторов		Возможно	Низкая вероятность	
Недостаток финансирования	Низкий риск, репутация инновационной компании			Риск есть
Соответствие систем управления		Риск есть в случае разных институциональных полей	Риск отсутствует	
Когнитивная компетенция	Высокого уровня		В лучшем случае среднего уровня	

И все же управление патентным портфелем единственным владельцем имеет свои преимущества. Сравним очевидные позитивные и негативные аспекты рассматриваемых стратегий.

Сильная когнитивная система проекта ADD обеспечивает постоянно увеличивающееся количество патентов в пуле. Единственный владелец патентного портфеля, даже в случае покупки новации, не получает доступа к тем возможным для реализации разработкам, о которых может быть просто не осведомлен. Как правило, малые компании испытывают затруднения при разработке и/или внедрении инноваций, поскольку не имеют свободных ресурсов (прежде всего знаний), способных работать, выходя «за рамки» проекта. Но среди преимуществ этого подхода можно назвать низкие риски несогласованного движения всех видов ресурсов, вовлеченных в проект, и отсутствие критического влияния оппортунистического поведения партнеров.

Репутация инновационной компании (ТЭ), подкрепленная положительной динамикой роста портфеля патентов, поднимает ее рыночную стоимость, что, в свою очередь, влияет на доступность инвестиций. Также компетентность фирмы/проекта является более высокой за счет участия нескольких акторов, лидеров в своих областях, с разной специализацией в пуле.

Итак, разные стратегии имеют разные риски и преимущества. Решение, какой путь избрать, компания принимает сама. В случае малого бизнеса и прорывных инноваций привлечение изобретателей необязательно должно поддерживаться в виде доли в интеллектуальной собственности, но рассмотренный механизм – патентный пул позволяет сконцентрировать усилия акторов для достижения доминирующего положения на рынке инноваций.

Список литературы

1. *Азоев Г.Л.* Анализ рынка нанопродуктов. М.: Изд-во ГУУ, 2010.
2. *Башкирова О.В.* Концепция умной организации. Управление инновационным развитием компании // Вестник Института экономики РАН. 2013. № 4.
3. *Дынкин А.А.* О перспективах глобального инновационного развития // Вестник РАН. 2009. Т. 79, № 3.
4. *Лапин Н.И.* Теория и практика инноватики. М.: Логос, 2008.
5. *Мильнер Б.З., Каткало В.С., Гапоненко А.Л.* Управление знаниями в инновационной экономике / под ред. Б.З. Мильнера. М.: Экономика, 2009.
6. *Мильнер Б.З., Макаров В.Л., Дынкин А.А.* Инновационное развитие / под ред. Б.З. Мильнера. М.: ИНФРА-М, 2009.
7. *Новичков Н.В.* От бизнеса к творчеству // Свободная мысль. 2010. № 9.
8. *Новичкова А.В.* Повышение эффективности управления бизнесом через построение моделей корпоративной памяти // Интернет-журнал «Науковедение». 2013. № 6 (19).
9. *Новичкова А.В.* Формирование модели корпоративной памяти в системе управления знаниями инновационных организаций: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: Изд-во ГУУ, 2012.
10. *Dessyllas P., Hughes A.* R&D and Patenting Activity and the Probability of Making Acquisitions and of Being Acquired [Электронный ресурс]. URL: <http://>

www.cbr.cam.ac.uk/fileadmin/user_upload/centre-for-business-research/downloads/working-papers/wp298.pdf (дата обращения: 18.09.2016).

11. Gering Th. The Role of Intellectual Property (IP) in R&D-based Companies: Setting the Context of the Relative Importance and Management of IP [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/sme/en/wipo_iasp_ge_04/wipo_iasp_ge_04_8.pdf (дата обращения: 18.09.2016).

12. Greenhalgh Ch., Rogers M. Competition, Intellectual Property and Innovation. Princeton: Princeton University Press, 2010.

Статья получена 17.11.2016

References

1. Azoev, G.L. (2010), Analiz rynka nanoproduktov [Market analysis of nanoproducts], State University of Management, Moscow, Russia.
2. Bashkirova, O.V. (2013), "The concept of Smart Organization. Management of innovative development company", *Vestnik Instituta jekonomiki RAS*, no. 4.
3. Dynkin, A.A. (2009), "On perspectives of global innovation development", *Vestnik RAS*, vol. 79, no. 3.
4. Lapin, N.I. (2008), Teorija i praktika innovatik [The theory and practice of innovate], Logos, Moscow, Russia.
5. Mil'ner, B.Z., Kat'kalo, V.S. and Gaponenko, A.L. (2009), Upravlenie znanijami v innovacionnoj jekonomike [Knowledge management in New economy], in Mil'ner B.Z. (ed.), Economy, Moscow, Russia.
6. Mil'ner, B.Z., Makarov, V.L. and Dynkin, A.A. (2009), Innovacionnoe razvitie [Innovation development], in Mil'ner B.Z. (ed.), INFRA-M, Moscow, Russia.
7. Novichkov, N.V. (2010), "From business to creativity", *Svobodnaja mysl'*, no. 9.
8. Novichkova, A.V. (2013), "Improving the efficiency of business management through the construction of models of corporate memory", *Scientific open access journal "Naukovedenie"*, no. 6.
9. Novichkova, A.V. (2012), "Formation of the model of corporate memory in the system knowledge management of innovative organizations", Abstract of Ph.D. dissertation, Economics and Management of the National Economy, State University of Management, Moscow, Russia.
10. Dessyllas, P. and Hughes, A. (2005), *R&D and Patenting Activity and the Probability of Making Acquisitions and of Being Acquired* [Online], available at: http://www.cbr.cam.ac.uk/fileadmin/user_upload/centre-for-business-research/downloads/working-papers/wp298.pdf (Accessed 18 September 2016).
11. Gering, Th. (2004), *The role of Intellectual Property (IP) in R&D-based companies: Setting the context of the relative importance and Management of IP* [Online], available at: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/sme/en/wipo_iasp_ge_04/wipo_iasp_ge_04_8.pdf (Accessed 18 September 2016).
12. Greenhalgh, Ch. and Rogers, M. (2010), *Competition, Intellectual Property and Innovation*, Princeton University Press, Princeton, USA.

Received 17 November 2016

BEHAVIOR STRATEGIES IN INTERNATIONAL MARKET OF INNOVATIVE PRODUCTS: PATENT POOL VS SINGLE OWNERSHIP OF PATENT PORTFOLIO

Nikolay V. Novichkov

*Ministry of Culture of the Russian Federation,
7/6 Small Gnezdnikovsky lane (the structure of 1, 2), Moscow, 125993, Russia
E-mail: novichkov@gmail.com*

Olga V. Bashkirova

*Federal State Unitary Enterprise "Scientific Research and Experimental Institute of Road
Electrical, carburetors and devices", 39/41 Kirpichnaya str., Moscow, 105187, Russia
E-mail: shedu@inbox.ru*

Alexandra V. Novichkova

*Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of The Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration, 46 Gagarin ave., Nizhny Novgorod, 603950,
Russia
E-mail: ale-novichkova@yandex.ru*

Current economic realities demand the intellectual property of the company to be a guarantor of its innovative development. The problem of the most effective management for this type of property in implementing breakthrough, high-risk innovation is on the agenda. Modern management tools and mechanisms are to be developed to meet this market request. The article analyzes different strategies of intellectual property's management and evaluates the effect of selected management tools on their innovation activity. As a result of joint efforts of the participants of the innovation process (non-affiliated economic entities - residents of different states) through the formation of a patent pool with its aim to introduce a product in a global market, the company-actor of innovation receives tangible benefits (increased quality of the product, its compliance with the requirements of the consumer) and reduces the risks of uncertainty which are specific for the market of innovations.

Key words: innovation network; patent pool; organizational structure development; patent portfolio structure; innovation reproduction cycle

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

УДК 338.242:332.1

М.С. ГУСЕВА, к.экон.н., доцент кафедры региональной экономики и управления

ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»,
г. Самара, ул. Советской Армии, 141
Электронный адрес: gusevams@yandex.ru

Д.В. АМЕЛЬКИНА, магистрант кафедры региональной экономики и управления

ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»,
г. Самара, ул. Советской Армии, 141
Электронный адрес: amelkina.darya@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МАЛОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КЛАСТЕРЕ: ПОТРЕБНОСТИ, РЕСУРСЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Актуальность статьи определяется необходимостью развития потенциала малого предпринимательства в целях инновационного прорыва российской экономики. Проблема, по мнению авторов, заключается в том, что развитию малого инновационного бизнеса не способствует сложная и неадекватная потребностям предпринимателей государственная система регулирования и поддержки.

Целью статьи является исследование условий функционирования малых предприятий – участников инновационных кластеров и обоснование мер по совершенствованию государственной поддержки, направленной на реализацию инновационного потенциала малого предпринимательства.

Методологическую основу исследования составляют системный подход, методы структурного, предметного, функционального, статистического анализа, метод экспертных оценок.

К основным направлениям повышения эффективности государственной поддержки малых инновационных предприятий отнесены: оптимизация нормативно-правовой базы, совершенствование оценки деятельности государственных программ и институтов развития, обеспечение патентной поддержки и защиты права авторства, совершенствование моделей финансирования инновационной деятельности. Государственная поддержка должна реализовываться с учетом потребностей малого инновационного предприятия на стадиях жизненного цикла.

Практическая значимость работы определяется тем, что предложенные мероприятия могут быть использованы органами исполнительной власти в целях повышения эффективности государственной поддержки малого инновационного предпринимательства.

Ключевые слова: малые инновационные предприятия; инновационный кластер; государственная поддержка; стадии жизненного цикла инновационного бизнеса

В программных документах инновационного развития Российской Федерации [11; 13] отмечается, что основу инновационного предпринимательства составляет малый бизнес, обеспечивающий генерацию новых идей, появление инноваций, трансфер знаний и технологий в производство. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 года (далее – Стратегия) предполагает ориентацию основных мер и мероприятий государственной поддержки на две целевые группы предприятий:

- высокотехнологичные и экспортно-ориентированные малые и средние предприятия, действующие в сферах обрабатывающего производства и предоставления услуг;
- быстрорастущие фирмы («газели»), обеспечивающие создание и внедрение инноваций, и решающие тем самым задачи по повышению конкурентоспособности российской экономики.

Стратегией предполагается создание, развитие и совершенствование функционирования элементов региональных и территориальных инновационных систем, оптимизация взаимодействия между ними для обеспечения поддержки малого и среднего инновационного предприятия на всех стадиях жизненного цикла. К числу ключевых элементов региональных и территориальных инновационных систем отнесены инновационные территориальные кластеры [14].

Нормативной основой появления малых инновационных предприятий стал принятый в августе 2009 г. федеральный закон № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности» [9]. В практике государственного управления и программирования инновационного и кластерного развития используется термин «малые инновационные компании», создаваемые научными, учебными заведениями, иными юридическими, а также физическими лицами в целях снижения рисков крупных предприятий в освоении инновационной продукции и развития прорывных технологий и продуктов. Однако ни один из перечисленных программных и нормативных документов, включая основополагающий федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [10], не содержит конкретных правил в отношении малых инновационных компаний или малых предприятий, осуществляющих разработки и научные исследования в области технических и естественных наук, созданных промышленными предприятиями или частными лицами. В условиях государственной политики, направленной на развитие инноваций в стране, данное обстоятельство не способствует максимальному развитию инновационного потенциала малых предприятий.

Далее в статье будем использовать термин «малые инновационные предприятия» (МИП) по отношению ко всем малым фирмам, осуществляющим инновационный бизнес, независимо от организационно-правовой формы и статуса учредителя.

Современные условия макроэкономической нестабильности существенно ограничивают инновационную активность малого предпринимательства в стране. По результатам опроса, проведенного KPMG в России в 2015 г., представители малого и среднего бизнеса России к проблемам, сдерживающим их развитие, относят четыре фактора: доступ к финансированию (на данный фактор указали 50% предпринимателей), плохой бизнес-климат (30%), проблемы с кадровыми ресурсами (30%) и рынками сбыта [15]. Российские инновационные кластеры, активно формируемые в целях инновационного прорыва, решают ряд этих проблем. Они создают условия для подготовки необходимых высококвалифицированных научных кадров и освоения рынков сбыта инновационной продукции малыми предприятиями и в целом способствуют повышению эффективности государственной поддержки малого бизнеса. Вместе с тем без снижения стоимости кредитных ресурсов, улучшения условий ведения бизнеса и развития институциональной среды невозможно достичь стратегических параметров развития малого инновационного бизнеса в стране.

Проводимые в России исследования эффективности государственной поддержки инновационной деятельности и малого бизнеса демонстрируют неоднозначные результаты. Например, исследование KPMG «Оценка эффективности программы поддержки МСП МЭР» (2015 г.) показало, что 1 рубль, потраченный на поддержку МСП, возвращает в бюджет 7 руб. Прирост ВВП на 1 вложенную единицу: США – 19, Англия – 34, МЭР РФ – 27,6. При этом наиболее эффективной является не финансовая, а консультационная поддержка предпринимателей [15].

Результаты исследования, проведенного Российским союзом промышленников и предпринимателей в 2016 г., показывают, что почти 74% опрошенных не знают о механизмах государственной поддержки, появившейся в последние 2 года, по субсидированию компенсации части затрат на НИОКР по приоритетным направлениям гражданской промышленности. Более половины опрошенных (58%) не пользовались за последние два года инструментами государственной поддержки и/или услугами институтов развития. Около 43% участников опроса не обращались за поддержкой из-за слишком сложных и длительных процедур оформления необходимой документации, 19% компаний не устраивают условия, на которых предоставляется господдержка [20]. Данные обстоятельства свидетельствуют о невысокой эффективности государственной поддержки инновационной деятельности малого предпринимательства и созданных институтов развития.

За 2015 год в инновационной среде Российской Федерации зафиксированы позитивные изменения, что нашло отражение в рейтингах «Global Innovation Index»: российская экономика с 48-го места поднялась на 43-е. Однако ряд инновационных критериев: показатели расходов на НИОКР, число инновационных предприятий, патентная активность снижаются. При этом отмечается повышение спроса на инновационную продукцию, рост бюджетных расходов на НИОКР, а также показателей исследовательской кооперации. Доля инновационной продукции в России невысока и составляет 8–9% ВВП (в странах-лидерах ~15%), последние 3 года не имеет динамики роста. Инновационными можно считать 5–6% малых предприятий [6; 7; 8].

По мнению экспертов, важным барьером в развитии малого инновационного бизнеса являются:

- отсутствие поддержки на значимых, в том числе ранних, стадиях развития инновационно-ориентированного предприятия;
- «разомкнутая» модель инновационной системы, провоцирующая уход российских научных достижений, инноваций и стартапов на зарубежные рынки [8];
- нескоординированность различных программ поддержки, действующих одновременно по линии различных ведомств и институтов развития и подменяющих друг друга, что приводит к проведению однотипных мероприятий;
- непродуманная адресность программ поддержки, необоснованность объемов и сроков финансовой поддержки и льготного кредитования.

В значительной мере развитие МИП ограничивает сложная, нестабильная и непонятная предпринимателям система регулирования экономики со стороны государства [3; 4; 5]. На основе представленных данных можно сделать вывод о том, что, даже с учетом успешной реализации программ поддержки малого бизнеса в России, сформировавшийся механизм государственных программ инновационного предпринимательства оказывается недостаточно эффективным. Проблема, по мнению авторов, заключается в том, что развитие малого инновационного предпринимательства ограничивается сложной и неадекватной потребностям бизнеса системой регулирования и поддержки со стороны государства, а также отсутствием высокоинформативных и достоверных показателей оценки эффективности деятельности институтов развития по поддержке МИП.

Целью статьи является исследование условий функционирования малых предприятий – участников инновационных кластеров и обоснование мер по совершенствованию государственной поддержки, направленной на реализацию инновационного потенциала малого предпринимательства. Объектом исследования выступают МИП, в том числе включенные в кластерные структуры, предметом – организационно-экономические аспекты государственной поддержки малого предпринимательства.

Российские специалисты, анализируя опыт отечественного инновационного малого бизнеса, формулируют основные подходы к определению МИП и их роли в инновационном развитии страны. По мнению Г.П. Белякова, МИП разрабатывают и внедряют в производство технологии и изделия высокой наукоемкости, являющиеся результатом интеллектуальной деятельности (далее – РИД) высших учебных заведений [1]. Исходя из определений инновационной деятельности и малых предприятий М.В. Сафронов и Ю.А. Анищенко определяют МИП как предприятие, осуществляющее коммерциализацию знаний, технологий и оборудования [17]. Именно о коммерциализации в качестве важнейшей функции МИП говорит А.В. Жуков, отмечая, что их роль «заключается в первичной проверке коммерциализуемости идеи, разработке прототипа продукта и подготовке документации, необходимой для запуска производства, включая инициацию процесса оформления прав на интеллектуальную собственность» [3]. Д.С. Юдин считает, что «малые инновационные предприятия при ВУЗах – это относительно новые хозяйствующие

субъекты в сфере рыночной экономики, характеризующиеся независимостью и адаптивностью, призванные выполнять задачи по структурной перестройке производства, по расширению международного научно-технического сотрудничества и росту престижа страны в мире на основе разработки, освоения и реализации нововведений и создания обстановки восприимчивости различных инноваций» [21]. Таким образом, в исследованиях российских авторов четко прослеживается утверждение того, что МИП являются связующим звеном между наукой и производственным сектором и способствуют инновационному росту национальной экономики.

Выводы зарубежных исследователей инновационного предпринимательства показывают, что исключительные возможности для реализации инновационного потенциала и дополнительный импульс развития малый инновационный бизнес получает в рамках рыночных интегрированных кластерных сетей [18].

Рассмотрим особенности функционирования малого инновационно-ориентированного бизнеса на примере крупнейшего в России кластера авиакосмического профиля – инновационного территориального аэрокосмического кластера (АКК) Самарской области. В общей выручке инновационных аэрокосмических кластеров страны доля Самарского кластера достигает 20%, численность работающих в АКК превышает четвертую часть всех занятых в них (2013 г.). Самарский кластер уверенно лидирует по объемам выручки, численности работающих, темпам роста выручки, но снижает долю инновационной продукции в общем объеме произведенной кластером продукции и услуг [2, с. 20; 12].

В АКК Самарской области действуют 27 малых предприятий с общей численностью работающих более 600 чел. (табл. 1).

Несмотря на рост ряда ключевых показателей состояния и развития малого бизнеса в АКК, роль малых предприятий в кластере в 2014 г. уменьшилась, а восстановление роста некоторых показателей в 2015 г. не является существенным. Доля инновационной продукции кластера сокращается, производительность труда растет невысокими темпами.

По видам деятельности малые предприятия Самарского кластера распределены следующим образом: инжиниринговых – 10, производственных – 7 и сервисных – 10 предприятий.

Университеты – участники кластера являются учредителями 5 малых предприятий; предприятия – 3. И у тех, и у других основной вид деятельности – научные исследования и разработки в области естественных и технических наук. Учредителями 19 малых предприятий являются физические лица. Таким образом, участниками кластера создано 5 из 58 [19] МИП, работающих в Самарской области.

Структурно малый бизнес аэрокосмического кластера Самарской области представлен:

- малыми предприятиями, принимающими на себя часть функций других участников кластера, освобождающими их от непрофильной деятельности и способствующими тем самым снижению издержек последних;
- малыми инновационными компаниями (далее – МИК), создаваемыми крупными производственными или научными (образовательными) участни-

Таблица 1

**Участие малого бизнеса в основных показателях аэрокосмического кластера
Самарской области в период 2012-2015 гг., %¹**

Наименование показателя	Значение показателя			
	2012	2013	2014	2015
Доля малых предприятий в числе участников кластера	25,9	21,9	42,3	42,9
Доля сотрудников в малых предприятиях кластера в общей численности работников кластера	0,66	1,04	1,23	1,52
Доля выручки малых предприятий в выручке кластера	0,07	0,09	0,04	0,05
Доля экспортной выручки малых предприятий в выручке кластера	0,29	0,08	0,02	0,03
Доля прибыли малых предприятий в прибыли кластера	0,12	0,08	-0,03	0,02
Доля вновь созданных или модернизированных высокопроизводительных рабочих мест малым бизнесом в общем показателе кластера	1,51	1,62	0,53	0,4
Доля финансовой государственной поддержки малых предприятий в общей сумме финансовой государственной поддержки предприятий кластера	12,7	0,43	0,2	0,3
Справочная информация:				
Доля инновационной продукции/услуг в отгруженной всеми предприятиями кластера, %	29,8	24,7	22,9	21,0
Средняя выработка на одного работника кластера, млн руб./чел.	0,89	1,12	1,24	1,39

ками кластера для решения конкретной проектной задачи и обеспечивающими проработку конкретной инновационной идеи (продукции).

Поддержка малого бизнеса аэрокосмического кластера Самарской области, в том числе инновационного, осуществляется по нескольким государственным программам и проектам:

1. Подпрограмма «Развитие малого и среднего предпринимательства в Самарской области» на 2014–2019 годы государственной программы Самарской области «Развитие предпринимательства, торговли и туризма в Самарской области» на 2014–2019 годы. В рамках подпрограммы предусмотрено решение следующих задач:

¹ Рассчитано авторами по данным государственной программы Самарской области «Создание благоприятных условий для инвестиционной и инновационной деятельности в Самарской области на 2014–2018 годы» [12] и Комплексного инвестиционного проекта развития инновационного территориального аэрокосмического кластера Самарской области на 2012–2021 гг.

- развитие и совершенствование информационной и консультационной помощи малым предприятиям в вопросах повышения эффективности управления, направленного на достижение высокой конкурентоспособности продукции и ее успешное продвижение на российском и мировом рынках;
- расширение инструментов и совершенствование форм оказания финансовой поддержки субъектам малого предпринимательства;
- развитие инфраструктуры поддержки малого предпринимательства.

Общий объем финансирования программы на 2014–2019 гг. должен составить 1 511,092 млн руб. В 2015–2019 годах на прямую финансовую поддержку малых предприятий – участников аэрокосмического кластера по указанным направлениям планируется направить не менее 55 млн руб. [16].

2. Подпрограмма «Развитие инновационного территориального аэрокосмического кластера Самарской области» на 2015–2018 годы государственной программы Самарской области «Создание благоприятных условий для инвестиционной и инновационной деятельности в Самарской области на 2014–2018 годы». Важнейшей задачей подпрограммы признано создание в кластере системы «воспроизводства МИК и их вовлечения в инвестиционные и инновационные проекты крупных предприятий кластера, повышение конструкторско-технологические компетенции МИК за счет включения их в проекты по созданию и развитию инжиниринговых центров, а также в инжиниринговые проекты кластера».

Государственная поддержка в рамках указанной подпрограммы оказывается в финансовой и нефинансовой формах. Финансовая поддержка малых предприятий – участников кластера осуществляется в форме предоставления субсидий производителям товаров, работ, услуг для возмещения расходов по лизинговым платежам, процентным платежам по кредитам на строительство или реконструкцию производственных зданий, строений и сооружений, осуществляемых для собственных нужд, либо на приобретение производственного оборудования или производства оборудования для собственных нужд.

Общий объем финансирования подпрограммы на 2014–2018 гг. должен составить 2 573,978 млн руб., в том числе за счет средств областного бюджета 2 021,978 млн руб. Средства подпрограммы направляются на финансирование Инжинирингового центра, Центра инновационного развития и кластерных инициатив и других организаций, обеспечивающих предоставление различных услуг малым предприятиям – участникам кластера в рамках их нефинансовой поддержки [12].

Нефинансовая поддержка малых предприятий кластера в рамках данной подпрограммы выражается в содействии инновационной деятельности и предоставлении ряда услуг осуществляемых на базе специализированной организации АКК (рис.1).

3. Комплексный инвестиционный проект развития инновационного территориального аэрокосмического кластера Самарской области на 2012–2021 гг. Он предусматривает оказание финансовой и иной государственной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства (СМСП) за счет средств федерального и регионального бюджетов (табл. 2).

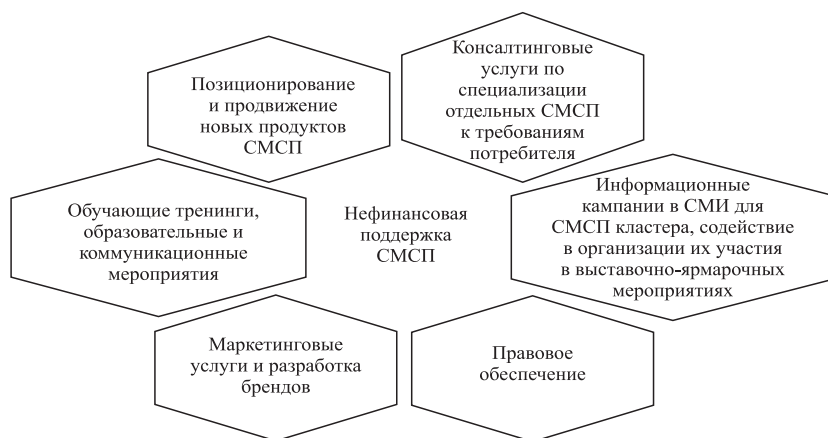

Рис. 1. Основные виды нефинансовой поддержки малых предприятий в аэрокосмическом кластере Самарской области²

Таблица 2

Государственная поддержка малых предприятий аэрокосмического кластера Самарской области, млн руб.³

Наименование показателя	2012	2013	2014	2015	2016–2021
Финансовая государственная поддержка на инвестиционной стадии	4,0	4,0	4,0	4,0	24,0
В том числе:					
за счет средств федерального бюджета	2,5	2,5	2,5	2,5	15,0
за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации	1,5	1,5	1,5	1,5	9,0
Иная государственная поддержка	0,0	0,0	3,0	3,0	18,0
В том числе:					
за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации	–	–	3,0	3,0	18,0
Итого	4,0	4,0	7,0	7,0	42,0

Проведенный анализ показателей инновационности и результатов присутствия малого бизнеса в аэрокосмическом кластере Самарской области [2] показывает, что эффективность мер государственной поддержки малого инно-

² Составлено авторами по данным государственной программы Самарской области «Создание благоприятных условий для инвестиционной и инновационной деятельности в Самарской области на 2014–2018 годы» [12].

³ Составлено авторами по данным Комплексного инвестиционного проекта развития инновационного территориального аэрокосмического кластера Самарской области на 2012–2021 гг.

вационного предпринимательства в кластерных структурах пока невелика: увеличение бюджетных ассигнований на развитие малого инновационного бизнеса не приводит к росту объемов отгруженной инновационной продукции, производительности труда и улучшению финансового состояния МИП. Очевидна острая необходимость в совершенствовании мер государственной поддержки малого бизнеса, которые, на наш взгляд, будут способствовать реализации инновационного потенциала предпринимательства (рис. 2).

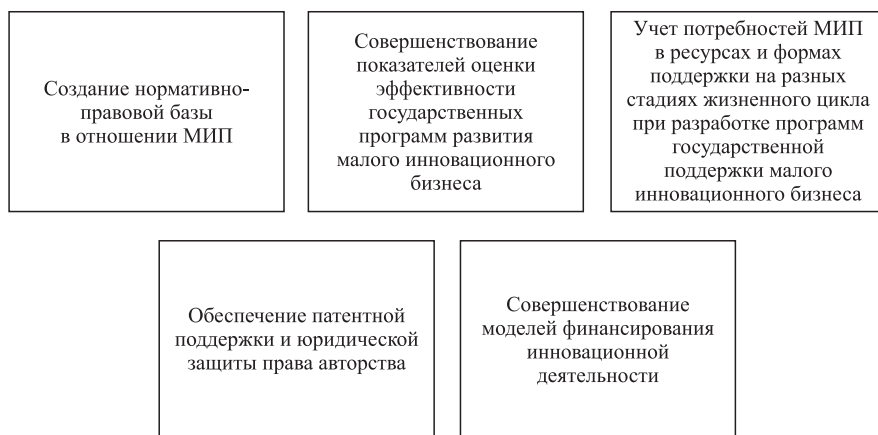

Рис. 2. Основные направления совершенствования государственной поддержки МИП

1. Создание нормативно-правовой базы в отношении малого инновационного предпринимательства, содержащей критерии отнесения малого бизнеса к инновационному, порядок создания, функционирования и завершения деятельности МИП.

Необходимо разработать и утвердить отдельный федеральный закон, включающий следующие основные положения:

- выделение МИП в качестве отдельной группы – получателей господдержки, которая требует особого внимания со стороны государственных органов власти;
- формирование критериев, по которым малые предприятия могут быть отнесены к инновационно-активным (статус МИП), определение их прав и обязанностей;
- определение сущности государственного регулирования и полномочий органов государственной власти в области развития частной инициативы в научной сфере и инновационного предпринимательства;
- формулирование целей и задач налоговой политики в отношении МИП;
- установление норм, регламентирующих порядок использования результатов инновационной деятельности МИП, порядок охраны РИД, созданных МИП;

– определение особенностей финансовой, имущественной и прочих форм поддержки инновационной деятельности, возможностей и условий участия МИП в государственных закупках.

2. Совершенствование методик оценки деятельности институтов развития и эффективности выполнения государственных программ инновационного малого бизнеса за счет введения предлагаемого перечня количественных и качественных показателей.

Количественные показатели (ожидаемые результаты деятельности МИП), относительные значения, характеризующие долю и динамику:

- числа малых предприятий, осуществляющих затраты на НИОКР и инновации (МИП);
- численности работающих на малых предприятиях, осуществляющих деятельность в области инноваций;
- инновационной продукции в объеме отгруженной продукции малыми хозяйствующими субъектами, кластерными структурами;
- количества патентов, полученных МИП;
- объема финансовой помощи, направленной на развитие инновационной деятельности малых предприятий;
- объема инновационной продукции, товаров и услуг, реализованных/предоставленных государственным и муниципальным организациям в рамках государственных закупок;
- показателей кооперации малых и крупных предприятий и других участников кластеров;
- экспортной выручки малых компаний.

Качественные показатели, характеризующие удовлетворенность МИП условиями осуществления инновационной деятельности:

- качество нормативно-правового регулирования (наличие, полнота и актуальность действующих нормативных актов, непосредственно относящихся к инновационной деятельности малых предприятий);
- обеспеченность МИП инновационной и научной инфраструктурой;
- степень удовлетворенности малых предприятий обеспеченностью и доступностью производственных и офисных помещений, инновационной, транспортной, инженерной и логистической инфраструктуры;
- уровень удовлетворенности МИП качеством предоставляемых государственных услуг, в том числе через МФЦ;
- эффективность действия программ государственной поддержки инновационной деятельности в оценке малыми хозяйствующими субъектами.

3. Разработка и реализация программ государственной поддержки малого инновационного бизнеса с учетом потребностей МИП в ресурсах и формах поддержки на разных стадиях жизненного цикла.

В таблице 3 представлены оценки потребностей МИП в наиболее значимых ресурсах и поддержке на разных стадиях жизненного цикла. Формы господдержки классифицированы в соответствии с федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

Потребность МИП в ресурсах и поддержке на разных стадиях жизненного цикла

Наиболее значимые ресурсы	Формы и меры необходимой поддержки
Стадия возникновения	
Финансовые: организационные и административные расходы, аренда офиса, патентные расходы и т.д. Информационные: юридическая поддержка, научно-техническая и патентная информация, маркетинговая поддержка	Имущественная поддержка: – лицензирование и аренда офиса (предоставление офиса); – программы передачи инновационных технологий и патентов. Иная поддержка: – юридические услуги при создании предприятия и лицензировании; – маркетинговые услуги (маркетинговые исследования, анализ различных рынков); – консалтинговые услуги по специализации МИП; обеспечению соответствия продукции и услуг МИП стандартам и требованиям потребителей; – бухгалтерские услуги по постановке на учет, выбору оптимальной налоговой системы и т.д.; – патентные услуги.
Стадия развития	
Финансовые: ресурсы для приобретения научного и производственного оборудования. Производственные: лабораторные и производственные помещения. Кадровые: научные работники, узкоспециализированные работники, аспиранты, студенты. Информационные: справочная информация, доступ к специальным прикладным продуктам.	Финансовая поддержка: – краткосрочное кредитование на пополнение оборотных средств; – венчурное и проектное финансирование; – снижение затрат МИП на обслуживание кредитов, затрат на НИОКР. Имущественная поддержка: – возможность использования офисного помещения, научных лабораторий, исследовательских баз и промышленного оборудования; – доступ к специализированным информационным сетям и прикладным продуктам. Иная поддержка: – консалтинговые услуги в области обеспечения соответствия продукции и услуг МИП стандартам и требованиям потребителей; – организация образовательных мероприятий, направленных на внедрение систем менеджмента качества; – услуги по позиционированию и продвижению новых продуктов МИП; – услуги по ведению бухгалтерского и кадрового учета; – патентные услуги.

Стадия роста	
Производственные: лабораторные и производственные помещения, оборудование, вычислительная техника. Материальные: инструменты, сырье и материалы. Финансовые: оборотные средства. Информационные: информация о потребителях и рынках.	Финансовая поддержка: – краткосрочное кредитование на пополнение оборотных средств; – снижение затрат МИП на обслуживание кредитов; – субсидирование затрат на НИОКР. Имущественная поддержка: – возможность использования офисного помещения, научных лабораторий, исследовательских баз и промышленного оборудования; – доступ к специализированным информационным сетям и прикладным продуктам. Иная поддержка: – консультационная поддержка по организации доступа МИП к выполнению государственного/муниципального заказа; – организация образовательных мероприятий, направленных на внедрение систем менеджмента качества; – услуги по предоставлению информации о потребителях и рынках, позиционированию и продвижению новых продуктов МИП; – услуги по ведению бухгалтерского и кадрового учета; – патентные услуги.
Стадия зрелости	
Информационные: информация о конкурентах в занимаемом сегменте рынка, о возможности выхода на новые рынки. Материальные: более качественное, высокотехнологичное, экологически чистое и экономичное сырье. Производственные: более совершенное оборудование и техника, высоко оснащенные лабораторные помещения. Кадровые: высококвалифицированные менеджеры и узкие специалисты.	Финансовая поддержка: – краткосрочное кредитование на пополнение оборотных средств; – снижение затрат МИП на обслуживание кредитов; – субсидирование лизинговых расходов, затрат на НИОКР, –кредитование внешнеэкономической деятельности. Имущественная поддержка: – возможность использования офисного помещения, научных лабораторий, исследовательских баз и промышленного оборудования; – доступ к специализированным информационным сетям и прикладным продуктам. Иная поддержка: – организация образовательных мероприятий по осуществлению внешнеэкономической деятельности, внедрению систем менеджмента качества, по авторскому праву, брендированию товаров и услуг; – услуги по организации участия МИП в выставочных и ярмарочных мероприятиях, торговых миссиях и т.д.; – информирование о новых и экологически чистых сырье, материалах, экологических требованиях на новых рынках; – услуги по выводу продукции МИП на рынки крупных заказчиков; – услуги по ведению бухгалтерского и кадрового учета; – патентные услуги.

Стадия затухания	
Информационные: юридическая и патентная поддержка. Кадровые: специалисты в области патентного и авторского права, кризисного управления.	Иная поддержка: – юридические услуги по реорганизации инновационного бизнеса; – консалтинговые услуги по внешнему и антикризисному управлению; – патентные услуги.

Особенности стадий жизненного цикла инновационного предпринимательства должны учитываться также при предоставлении льготных налоговых режимов. Например, благоприятные налоговые условия для развития МИП должны создаваться:

- на стадиях запуска и раннего роста путем предоставления «налоговых каникул», в том числе по обязательным страховым взносам;
- на стадиях роста и зрелости путем льготирования НИОКР и предоставления налоговой льготы на прирост капитала на инвестиции;
- на стадиях возникновения и затухания путем освобождения от налогообложения и обязательных платежей по операциям с РИД и патентами.

Сопоставление необходимых ресурсов, форм (видов) господдержки, указанных в табл. 3, и реально существующей поддержки малого и среднего инновационного предпринимательства в Самарской области, показывает, что некоторый перечень потребностей инновационно-ориентированного малого бизнеса не обеспечен соответствующей поддержкой. Это прежде всего относится к поддержке экспортной деятельности, выполнению управленческих процессов, не связанных с инновационной деятельностью (бухгалтерский и кадровый учет и делопроизводство), информационной и юридической поддержкой, направленной на участие МИП в государственных закупках, а также патентными и юридическими услугами, связанными с использованием РИД.

В целях повышения эффективности государственной поддержки МИП необходима ликвидация повторов однотипных мероприятий, упрощение процедур предоставления услуг и систематизация предоставляемых услуг в соответствии с потребностями стадий жизненного цикла МИП.

4. Обеспечение патентной поддержки и юридической защиты права авторства. На наш взгляд, МИП, действующие в условиях кластера, должны получать на безвозмездной основе следующие патентные услуги:

- патентование, в том числе международное, изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, поддержание и продление патента, экспертиза нарушений прав на патент;
- регистрация, в том числе международная, товарного знака, товарных марок, логотипа, внесение товарного знака в таможенный реестр, продление регистрации товарного знака, экспертиза товарного знака;
- патентование решений в сфере ИТ, регистрация программ ЭВМ на территории России и за рубежом;

- подготовка лицензионных договоров, договоров отчуждения, концессии, залога исключительных прав, передачи ноу-хау, внесение изменений в договоры, их расторжение;

- патентные поиски на изобретения, полезные модели и промышленные образцы по нескольким российским и зарубежным базам данных с предоставлением отчета о поиске.

Для МИП, работающих в инновационных кластерах, созданных в отраслях экономики, признанных приоритетными в России, большое значение имеет реализация программ безвозмездной передачи МИП лицензионных прав на использование РИД, полученных за счет бюджетных средств.

5. Совершенствование моделей финансирования инновационной деятельности, в том числе за счет использования современных финансовых инструментов и механизмов привлечения в высокотехнологичную сферу экономики внебюджетных инвестиций, совместного финансирования части прикладных исследований.

Усиление прямой государственной финансовой адресной помощи малому бизнесу необходимо осуществлять на основе отбора предприятий (проектов) в соответствии с критериями венчурного предпринимательства. Государству целесообразно направить свои усилия на развитие венчурного финансирования, например, за счет коллективных форм инвестирования (инвестиционное товарищество), конвертируемых займов, краудфинансирования, привлечения бизнес-ангелов. Примером такой деятельности может стать международный слет бизнес-ангелов «Volga Angels», организованный институтом развития АО «Российская венчурная компания» в сентябре 2016 г. в Самарской области.

Таким образом, МИП, являющиеся связующим звеном между наукой и производственным сектором, призваны обеспечить инновационное развитие национальной экономики. Проведенный анализ объемов и видов государственной поддержки малого инновационного бизнеса в Самарской области позволяет авторам статьи заключить, что сложная и неадекватная потребностям бизнеса действующая система государственного регулирования и поддержки не способствует развитию малого предпринимательства в инновационной сфере. Государственная поддержка в отношении субъектов малого и среднего инновационного бизнеса должна реализовываться с учетом их потребностей на разных стадиях жизненного цикла.

При этом к основным направлениям повышения эффективности государственной поддержки МИП и деятельности институтов развития авторы относят:

- оптимизацию нормативно-правовой базы и формирование отдельного законодательного акта, содержащего основные положения в области создания, функционирования и завершения деятельности малых инновационно-активных предприятий;

- совершенствование методики оценки эффективности государственных программ поддержки инновационного бизнеса и результатов деятельности инфраструктурных организаций и учреждений с учетом критериев и ожидаемых результатов деятельности МИП;

- обеспечение патентной поддержки и защиты права авторства, активную реализацию программ безвозмездной передачи МИП прав на использование РИД, полученных за счет бюджетных средств;
- совершенствование моделей и расширение инструментов финансирования инновационной деятельности.

Практическая значимость предложенных рекомендаций определяется возможностью их использования в деятельности органов государственной власти при разработке форм и инструментов государственной поддержки, направленной на реализацию инновационного потенциала малого предпринимательства аэрокосмического кластера Самарской области, и тиражирования этой практики на инновационные территориальные кластеры других субъектов Федерации.

Список литературы

1. *Беляков Г.П.* Развитие и стимулирование инновационной деятельности высших учебных заведений // Проблемы современной экономики. 2012. №4 (44). С. 397–400.
2. *Гусева М.С., Амелькина Д.В.* Организационно-экономический механизм вовлечения субъектов малого бизнеса в программы развития инновационных территориальных кластеров (на примере аэрокосмического кластера Самарской области) // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2016. № 1–2. С. 18–23.
3. *Журов А.В.* Методы государственной поддержки малых инновационных предприятий России посевной стадии развития: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 24 с.
4. *Кириллов А.В.* Международный опыт развития малого и среднего инновационного предпринимательства и возможности его применения в российской экономике: дис. ... канд. экон. наук. М.: Изд-во ГУУ, 2015. 171 с.
5. *Левченко О.В.* Разработка механизма совершенствования организационно-экономических форм государственной поддержки инновационной деятельности малых предприятий: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб.: Изд-во СПбГИКиТ, 2015. 24 с.
6. *Наука и инновации* [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# (дата обращения: 16.11.2016).
7. *Национальный доклад об инновациях в России, 2015* [Электронный ресурс]. URL: http://www.rvc.ru/upload/iblock/b70/NROI_RVC.pdf (дата обращения: 15.11.2016).
8. *Национальный доклад об инновациях в России, 2016* [Электронный ресурс]. URL: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2016/10/RVK_innovation_2016.pdf (дата обращения: 15.11.2016).
9. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности* [Электрон-

ный ресурс]: федер. закон от 2 авг. 2009 г. № 217-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12168685/#ixzz4KJLRBsRH> (дата обращения: 15.11.2016).

10. *О развитии* малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 16.11.2016).

11. *Об утверждении* государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 15 апр. 2014 г. № 316. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70644224/paragraph/677:2> (дата обращения: 18.11.2016).

12. *Об утверждении* государственной программы Самарской области «Создание благоприятных условий для инвестиционной и инновационной деятельности в Самарской области на 2014–2018 годы» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Самар. области от 14 нояб. 2013 г. № 622. URL: <http://docs.cntd.ru/document/464008199> (дата обращения: 14.11.2016).

13. *Об утверждении* Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 08 дек. 2011 г. № 2227-р. URL: <http://cnb.uran.ru/userfiles/2227r.pdf> (дата обращения: 19.11.2016).

14. *Об утверждении* Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 2 июня 2016 г. № 1083-р. URL: <http://government.ru/media/files/jFDd9wbAbApXgEiHNaXHveytq7hfPO96.pdf> (дата обращения: 14.11.2016).

15. *Оценка эффективности* программы поддержки МСП МЭР [Электронный ресурс]. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2015/10/MSP_1r.pdf (дата обращения: 17.11.2016).

16. *Развитие* малого и среднего предпринимательства в Самарской области на 2014–2019 годы [Электронный ресурс]: подпрограмма, утв. постановлением Правительства Самар. области от 29.11.2013 г. № 699. URL: <http://docs.cntd.ru/document/464008537> (дата обращения: 14.11.2016).

17. Сафронов М.В. Малые инновационные предприятия: формирование понятийного аппарата // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. Соц.-экон. и гуманитар. науки. 2012. Т.2. № 8. С. 66–67.

18. *Современные классики* теории предпринимательства. Лауреаты Международной премии за вклад в исследования предпринимательства и малого бизнеса (1996–2010) / пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 526 с.

19. *Учет и мониторинг* малых инновационных предприятий научно-образовательной сферы [Электронный ресурс]. URL: <https://mip.extech.ru/> (дата обращения: 19.11.2016).

20. *Эффективность* государственной поддержки и институтов развития [Электронный ресурс]. URL: <http://рспп.рф/library/view/136> (дата обращения: 14.11.2016).

21. Юдин Д.С. Методы формирования малых инновационных предприятий на базе высших учебных заведений: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экон. ун-та, 2013. 19 с.

Статья получена 22.11.2016

References

1. Beljakov, G.P. (2012), "The development and stimulation of innovative activity of higher educational establishments", *Problemy sovremennoj jekonomiki*, no. 4, pp. 397–400.
2. Guseva, M.S. and Amel'kina, D.V. (2016), "Organizational-economic mechanism of involving small businesses in the program of development of innovative territorial clusters (for example, the aerospace cluster of Samara region)", *Nauka XXI veka: aktual'nye napravlenija razvitija*, no. 1–2, pp. 18–23.
3. Zhurov, A.V. (2012), "Methods of state support of small innovative enterprises in Russia the seed stage of development", Abstract of Ph.D. dissertation, Economics and Management of the National Economy: innovation management, National research University "Higher school of Economics", Moscow, Russia.
4. Kirillov, A.V. (2015), "International experience of development of small and medium innovative entrepreneurship and its application in the Russian economy", Ph.D. Thesis, The World Economy, State University of Management, Moscow, Russia.
5. Levchenko, O.V. (2015), "Development of the mechanism of perfection of organizational-economic forms of the state support of innovative activity of small enterprises", Abstract of Ph.D dissertation, Economics and Management of the National Economy: innovation management, Saint-Petersburg State University of Film and Television, St. Petersburg, Russia.
6. The official site of the Federal State Statistics Service (2015), "Science and innovation", available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# (Accessed 16 November 2016).
7. RVC (2015), "National report on innovation in Russia", available at: http://www.rvc.ru/upload/iblock/b70/NROI_RVC.pdf (Accessed 15 November 2016).
8. D-russia.ru (2016), "National report on innovation in Russia", available at: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2016/10/RVK_innovation_2016.pdf (Accessed 15 November 2016).
9. Garant (2009), *Ovnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodat'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam sozdaniya bjudzhetnymi nauchnymi i obrazovatel'nymi uchrezhdenijami hozjajstvennyh obshhestv v celjah prakticheskogo primeneniya (vnedrenija) rezul'tatov intellektual'noj dejatel'nosti* [On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation concerning creation budgetary scientific and educational institutions of economic societies for the purposes of practical application (implementation) of intellectual activity results], Federal law no. 217-FZ dated 2 August 2009, available at: <http://base.garant.ru/12168685/#ixzz4KJLRBsRH> (Accessed 15 November 2016).
10. ConsultantPlus (2007), *O razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii* [On the development of small and medium-sized entrepreneurship

in the Russian Federation], Federal law no. 209-FZ dated 24 July 2007, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (Accessed 16 November 2016).

11. Garant (2014), *Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii "Jekonomicheskoe razvitie i innovacionnaja jekonomika"* [On approval of the state program of the Russian Federation "Economic development and innovative economy"], Government Resolution of the Russian Federation no. 316 dated 15 April 2014, available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/70644224/paragraph/677:2> (Accessed 18 November 2016).

12. Kodeks (2013), *Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Samarskoj oblasti "Sozdanie blagoprijatnyh uslovij dlja investicionnoj i innovacionnoj dejatel'nosti v Samarskoj oblasti na 2014–2018 gody"* [On approval of the State program of Samara region "Creation of favorable conditions for investment and innovation activity in the Samara region for 2014–2018"], Resolution of the government of Samara region no. 622 dated 14 November 2013, available at: <http://docs.cntd.ru/document/464008199> (Accessed 14 November 2016).

13. The official site of the Central Scientific Library of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (2011), *Ob utverzhdenii Strategii innovacionnogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda* [On approval of strategy of innovative development of the Russian Federation for the period till 2020], Order of Government of the Russian Federation no. 2227-R dated 8 December 2011, available at: <http://cnb.uran.ru/userfiles/2227r.pdf> (Accessed 19 November 2016).

14. The official site of the Russian Government (2016), *Ob utverzhdenii Strategii razvitija malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda* [On approval of Strategy of development of small and medium enterprises in the Russian Federation for the period till 2030], Order of Government of the Russian Federation no. 1083-R dated 2 June 2016, available at: <http://government.ru/media/files/jFDd9wbAbApXgEiHNaXHveytq7hfPO96.pdf> (Accessed 14 November 2016).

15. KPMG (2015), "Evaluation of the effectiveness of the SME support programme the MAYOR", available at: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2015/10/MSP_1r.pdf (Accessed 17 November 2016).

16. Kodeks (2013), *Razvitie malogo i srednego predprinimatel'stva v Samarskoj oblasti na 2014–2019 gody* [Development of small and medium-sized entrepreneurship in the Samara region for 2014–2019], approved by Resolution of the government of Samara region no. 699 dated 29 November 2013, available at: <http://docs.cntd.ru/document/464008537> (Accessed 14 November 2016).

17. Safronov, M.V. (2012), "Small innovative enterprise: the formation of conceptual framework", *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики. Social'no-jekonomicheskie i gumanitarnye nauki*, vol. 2, no. 8, pp. 66–67.

18. *Sovremennye klassiki teorii predprinimatel'stva. Laureaty Mezhdunarodnoj premii za vklad v issledovaniya predprinimatel'stva i malogo biznesa (1996–2010)* [Modern classics theory of entrepreneurship. The winners of the International prize for contribution to the study of entrepreneurship and small business (1996–2010)] (2013), Translated by Chepurensko, A.Ju., Izdatel'skij dom Vyshej shkoly jekonomiki, Moscow, Russia.

19. Mip.extech.ru (2016), "Registration and monitoring of small innovative enterprises of scientific-educational sphere", available at: <https://mip.extech.ru/> (Accessed 19 November 2016).

20. The official site of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP), "Efficiency of the state support of development institutions", available at: <http://pcnpn.pф/library/view/136> (Accessed 14 November 2016).

21. Judin, D.S. (2013), "Methods of formation of small innovative enterprises on the basis of higher educational institutions", Abstract of Ph.D dissertation, Economics and Management of the National Economy: innovation management, Saint-Petersburg state University of Economics, St. Petersburg, Russia.

Received 22 November 2016

STATE SUPPORT FOR SMALL INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP IN THE CLUSTER: NEEDS, RESOURCES AND OPPORTUNITIES

Maria S. Guseva

*Samara State University of Economics, 141 Sovetskaya Armia str., Samara, 443090, Russia
E-mail: gusevams@yandex.ru*

Darya V. Amelkina

*Samara State University of Economics, 141 Sovetskaya Armia str., Samara, 443090, Russia
E-mail: amelkina.darya@yandex.ru*

Topicality of the paper is determined by the need to develop business potential for innovative breakthrough in the Russian economy. The authors see the problem in the fact that the development of small innovative business is not conducive to the complicated and entrepreneurs' need lacking state system of regulation and support.

The aim of this paper is to study the conditions of small enterprises-participants functioning in innovative clusters and substantiation of measures on perfection of state support aimed at the implementation of innovative business potential.

Methodological basis of research is the system approach, methods of structural, object, functional, statistical analysis, method of expert estimations.

The efficiency of the state support to the small innovative enterprises is increased through the following areas: the optimization of the regulatory framework, improving the evaluation activities of government programs and development institutions, support of patent provision and copyright protection, the development of financing models for innovation activity. State support must be adapted to the needs of small innovative enterprises at the stages of life cycle.

Practical significance of the work is determined by how the proposed measures can be used by executive authorities to enhance the efficiency of state support of small innovative entrepreneurship.

Key words: small innovative enterprises; innovation cluster; government support; life-cycle stages of innovative business

УДК 65.011:316.334.2

Ю.С. ПИНЬКОВЕЦКАЯ, к.экон.н., доцент, доцент кафедры
экономического анализа и государственного управления
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»,
г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42
Электронный адрес: judy54@yandex.ru

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЧИСЛЕННОСТИ РАБОТНИКОВ

Для решения управленческих задач, связанных с дальнейшим развитием предприятий, оказания им необходимой помощи и поддержки, совершенствования их деятельности, необходима информация о сложившейся структуре распределения предприятий в зависимости от численности работников. Целью исследования являлся анализ закономерностей и тенденций, характеризующих распределение количества различных по численности работников предприятий, а также занятых в них работников. В качестве исходных данных использовалась официальная статистическая информация. Исследование основывалось на анализе удельных весов предприятий с определенной численностью работников в общем количестве предприятий и удельных весов работников, занятых в таких предприятиях в общей численности работников. Было показано, что высокое качество аппроксимации исходных данных обеспечивают соответственно степенная и экспоненциальная монотонно убывающие функции. Установлено, что среди предприятий с численностью работников до 250 человек включительно преобладают те, численность занятых в которых не превышает 5 человек. Установлено, что за период с 2010 по 2013 год удельный вес таких предприятий увеличился.

Ключевые слова: предприятия; выборка; численность работников; регрессионные модели; степенная функция; экспоненциальная функция

DOI: 10.17072/2218-9173-2016-3-85-96

Одним из важных показателей, характеризующих деятельность предприятий, является численность занятых в них работников. Этот показатель непосредственно связан с технологией производственных процессов, видами выпускаемой продукции (оказываемых услуг), финансово-экономическими показателями предприятия, а также структурой и методами его управления. В то же время количество работников, занятых в предприятиях, выступает в качестве важного социально-экономического фактора, определяющего уровень жизни населения в отдельных муниципальных образованиях и регионах страны в целом. Для решения управленческих задач, связанных с дальнейшим развитием предприятий, оказания им необходимой помощи и поддержки [11], совершенствования их деятельности, необходима информация о сложившейся дифференциации предприятий в зависимости от численности работников, а именно: какие предприятия преобладают, в каких предприятиях сосредоточено больше работников. Поэтому исследование закономерностей и тенденций распределения количества предприятий и занятых на них работников является актуальным. Необходимо отметить, что автором ранее был проведен соответствующий анализ по данным за 2010 г., итоги которого приведены в работе [10]. В связи с существенными изменениями, произошед-

шими в экономике страны в последние годы, представляет интерес оценка сложившихся распределений количества предприятий и численности работников по данным за 2013 г., а также сравнение закономерностей характерных для 2010 и 2013 гг.

Целью исследования являлся анализ закономерностей и тенденций, характеризующих распределение количества различных по численности работников предприятий, а также занятых в них работников.

В процессе исследования были решены следующие задачи:

- формирование массива исходных данных, описывающих сложившиеся показатели, характеризующие количество предприятий с различной численностью работников и численность занятых на таких предприятиях работников;
- обработка исходных данных и формирование информационной базы, описывающей количество предприятий с разной численностью работников, а также численность работников, занятых на этих предприятиях по ряду субъектов страны;
- обоснование размеров репрезентативных выборок из генеральных совокупностей, характеризующих общее количество предприятий и общую численность занятых в них работников;
- проведение вычислительного эксперимента и разработка регрессионных моделей;
- проверка качества аппроксимации исходных данных по принятым критериям;
- анализ полученных моделей и выявление закономерностей, характеризующих распределение предприятий и численности занятых в них работников;
- сравнительный анализ результатов исследований, проведенных по данным за 2010 и 2013 гг.

В качестве гипотезы, выдвинутой в процессе исследования, рассматривалась возможность описания зависимостей удельного веса предприятий с определенной численностью работников в общем количестве предприятий, а также удельного веса работников, занятых в предприятиях с определенной численностью работников, в общем количестве всех работников от такого фактора, как численность работников в предприятии. Проверка указанной гипотезы основывалась на разработке экономико-математических моделей, представляющих собой регрессионные функции.

Регрессионные функции являются моделями, отражающими экономические процессы и явления. Они описывают устойчивые закономерные зависимости между показателями, характеризующими эти процессы и явления. Данные функции лежат в основе моделирования деятельности самых разнообразных хозяйственных субъектов и систем, от отдельных предприятий и организаций до регионов, отраслей и экономики страны в целом [5].

Учитывая отсутствие статистических данных о количестве предприятий, сгруппированных по численности занятых в них работников по всем субъектам Российской Федерации, исследование проводилось на основе информации, описывающей выборки из генеральных совокупностей, характери-

зующих общее количество предприятий и общую численность занятых в них работников. Возможность использования таких выборок основывалась на общепринятом методическом подходе, подробно изложенном в литературе [6; 9]. В качестве исходных данных была использована статистическая информация, описывающая итоги пилотных работ по формированию показателей бизнес-демографии. Эти работы были выполнены по данным за 2013 г. в территориальных органах государственной статистики по Республике Татарстан, Пермскому краю, Астраханской, Белгородской, Вологодской, Новосибирской и Свердловской областям и приведены на официальном сайте Росстата [8]. Представленная на сайте информация описывает количество активных предприятий и численность занятых на них работников по группам. Группы сформированы в зависимости от численности работников в конкретных предприятиях. При этом к активным относятся предприятия, в которых за предыдущий календарный год средняя численность работников и доходы превышали нулевые значения. Рассматриваемые коммерческие предприятия осуществляют свою деятельность во всех видах экономической деятельности за исключением государственного управления. Кроме того, в число предприятий не включались те, которые находятся в государственной и муниципальной собственности, собственности общественных и религиозных организаций, а также потребительские кооперативы.

В процессе исследований анализировались данные по коммерческим предприятиям с численностью работников от 1 до 250 человек включительно. Эти предприятия составляют абсолютное большинство в каждом из рассматриваемых субъектов страны. Удельный вес количества более крупных предприятий в 2013 г. составлял соответственно: по Республике Татарстан – 1,0%, Пермскому краю – 0,7%, Астраханской области – 0,8%, Белгородской области – 1,5%, Вологодской области – 1%, Новосибирской области – 0,8% и Свердловской области – 0,7%. То есть, в среднем, не более 1%. Необходимо отметить, что такие крупные предприятия (с численностью работников более 250 человек) представляют собой индивидуальные явления и их количество в конкретном субъекте страны определяется природно-климатическими условиями, наличием полезных ископаемых и других ресурсов (в том числе трудовых и энергетических), а также историческими особенностями развития региона.

Обоснование объемов выборок [9], обеспечивающих репрезентативность полученных на их основе выводов, проводилось по формуле:

$$n = \frac{1}{\frac{h^2}{t^2 \times m(1-m)} + \frac{1}{N}}, \quad (1)$$

где n – объем выборки;

N – объем генеральной совокупности;

t – коэффициент, определяемый уровнем доверительной вероятности;

m – доля в генеральной совокупности, принимается равной 0,5 (при этом значении объем выборки максимален);

h – величина допустимой ошибки (в долях).

Исследование закономерностей распределения количества предприятий и численности занятых работников в зависимости от размера предприятия (численности занятых в нем работников) основывалось на анализе удельных весов предприятий с определенной численностью работников в общем количестве коммерческих предприятий, а также удельных весов работников, занятых в таких предприятиях в общей численности работников. Для проведения такого анализа на основании исходных данных было необходимо сформировать информационную базу для разработки экономико-математических моделей, включающую значения результирующих переменных, то есть удельных весов различных по численности работников предприятий и занятых на них работников. При формировании этой информационной базы каждому значению удельного веса была поставлена в соответствие величина объясняющей переменной (фактора) – размера предприятия.

Разработка регрессионных моделей проводилась с применением соответствующих методик, подробно изложенных в литературе [4; 7]. При этом были рассмотрены разные модельные спецификации, по каждой из которых на основе корреляционного анализа определялось наличие связи между фактором (численностью предприятий) и исследуемыми переменными, структура этой связи и ее теснота. Выбор лучших из моделей проводился с использованием таких критериев, как коэффициенты корреляции и детерминации, а также критериев Фишера-Снедекора и Стьюдента. Кроме того, проводился логический анализ качества аппроксимации исходных данных во всем интервале изменения значений средней численности работников, занятых на рассматриваемых предприятиях (от 1 до 250 человек).

Соответствующие расчеты (вычислительный эксперимент) проводились автором с использованием программ «Microsoft Excel» и «Mathcad».

На первом этапе осуществлялись сбор и обработка исходных статистических данных. Как уже указывалось, использовались показатели бизнес-демографии за 2013 г., характеризующие распределение количества предприятий и численности занятых на них работников по семи регионам с развитым предпринимательским сектором. Необходимо отметить, что указанные выше субъекты РФ относятся к разным федеральным округам, находятся в различных природно-климатических зонах и социально-экономических условиях, что повышает достоверность проводимых исследований. В таблице 1, в качестве примера, приведены данные, описывающие количество предприятий и численность занятых на них работников по расположенным на территории Пермского края предприятиям с численностью работников до 250 человек включительно за 2013 г.

На основе аналогичных исходных данных по остальным шести субъектам РФ была разработана сводная таблица по всем предприятиям, входящим в рассматриваемую выборку в целом. При этом общий объем выборки по количеству предприятий составил 281 560 единиц, а по численности работников – 2 123 678 чел.

На следующем этапе работы проводилось обоснование величин репрезентативных выборок по формуле (1) исходя из объемов генеральных совокупностей в соответствии с данными за 2013 г. Объем генеральной совокуп-

Таблица 1

Исходные данные по предприятиям Пермского края

Численность работников на одном предприятии	Распределение по группам предприятий	
	по количеству предприятий	по численности работников в предприятиях
1	20183	20183
2-4	6184	17468
5-9	4124	26789
10-15	2099	25425
15-21	886	15885
21-50	2231	71953
51-100	1034	72791
101-200	283	40341
201-250	70	15760
Всего	37094	306595

ности по предприятиям, расположенным во всех субъектах России, составлял 2 076 810 предприятий (с численностью работников до 250 человек включительно). А объем генеральной совокупности по численности работников, занятых на этих предприятиях, достиг 12 406 тыс. чел. При проведении расчетов было принято, что величина допустимой ошибки составляет 0,005 (0,5%), а уровень доверительной вероятности – 0,997 (соответственно коэффициент $t=3$). Итоги расчетов минимальных величин репрезентативных выборок приведены ниже:

- для количества предприятий

$$n = 1 / \left[\frac{(0,005)^2}{3^2 \times 0,5(1 - 0,5)} + \frac{1}{2076810} \right] = 86207, \quad (2)$$

- для численности работников

$$n = 1 / \left[\frac{(0,005)^2}{3^2 \times 0,5(1 - 0,5)} + \frac{1}{12406000} \right] = 90909. \quad (3)$$

Сравнение полученных величин с указанными ранее значениями общего количества предприятий и их работников, вошедших в выборку по 7 рассматриваемым субъектам Федерации (соответственно 281 560 единиц и 2 123 678 человек), позволяет сделать вывод о репрезентативности исходных данных.

В процессе вычислительного эксперимента, исходя из данных сводной таблицы, были определены доли, приходящиеся на предприятия определенной численности, в общем количестве всех предприятий, а также доли работников, занятых в предприятиях определенной численности, в общем количестве всех работников предприятий. Затем по этим значениям были разработаны две регрессионные модели. Первая из разработанных автором

моделей описывает зависимость удельного веса коммерческих предприятий с определенной численностью работников в их общем количестве. Она представляет собой следующую степенную функцию:

$$k(x) = \begin{cases} 77,54 \times x^{-1,758}, & \text{если } 1 \leq x \leq 250 \\ 0, & \text{если } x < 1, x > 250 \end{cases}, \quad (4)$$

где k – удельный вес предприятий определенной численности в общем количестве предприятий, %;

x – численность работников в предприятии, чел.

Вторая из разработанных автором моделей описывает зависимость удельного веса численности работников, занятых в коммерческих предприятиях с определенной численностью работников, в общем количестве работников. Она представляет собой следующую экспоненциальную функцию:

$$r(x) = \begin{cases} 2,66 \times e^{-0,028 \times x} + 0,03, & \text{если } 1 \leq x \leq 250 \\ 0, & \text{если } x < 1, x > 250 \end{cases}, \quad (5)$$

где r – удельный вес работников, занятых в предприятиях определенной численности в общем количестве всех работников предприятий, %;

x – численность работников в предприятии, чел.

Вторая регрессионная модель описывает, каким образом распределены работники предприятий между предприятиями различной численности, т.е. какой процент из общего числа работников, занятых в предприятиях, работает на предприятиях с соответствующей численностью.

Проверка качества полученных регрессионных моделей проводилась по общепринятым критериям. Значения расчетных статистик по критериям качества для обеих разработанных функций приведены в табл. 2.

Таблица 2

Значения расчетных статистик регрессионных функций

Статистика	Значение по функциям	
	функция 1	функция 2
Коэффициент детерминации	0,991	0,878
Коэффициент корреляции	0,995	0,772
Расчетное значение критерия Фишера-Снедекора	753,17	27,06
Расчетное значение критерия Стьюдента:		
по коэффициенту функции	19,10	3,71
по фактору	27,44	5,20

Сравнение приведенных в таблице 2 расчетных значений с величиной критериев, которые представлены в литературе [1; 2], показало, что разработанные модели обладают высоким качеством. Так, коэффициенты детер-

минации и корреляции по функциям (4) и (5) близки к единице. Расчетные значения статистик больше табличных величин, соответственно равных по критерию Фишера-Снедекора – 12,25 (при уровне значимости 0,01) и по критерию Стьюдента – 3,36 (при уровне значимости 0,01).

Коэффициент детерминации характеризует уровень адекватности и соответственно качество уравнения регрессии [3]. Чем ближе коэффициент детерминации к единице, тем ближе к функциональной разработанная зависимость. По мнению Н. Дрейпера и Г. Смита [5], модели регрессии успешны, когда коэффициенты детерминации больше 0,8. При этом разность между единицей и коэффициентом детерминации описывает долю дисперсии, которая обусловлена влиянием других факторов, не включенных в регрессионную функцию. Анализ данных (табл. 2) позволяет сделать вывод, что регрессионные модели объясняют 99% вариации зависимой переменной по первой функции и 87% – по второй. На другие факторы (не рассматриваемые нами) приходится соответственно не более 1% по функции (4) и не более 13% по функции (5). Логический анализ разработанных моделей показал, что они адекватно описывают закономерности распределения как предприятий с различной x численностью работников, так и величин занятых на них работников на всем диапазоне изменения значений фактора. Необходимо отметить, что выдвигнутая в процессе исследования гипотеза нашла свое подтверждение.

Подтвержденная проведенным анализом репрезентативность используемых в исследовании выборок позволяет перенести полученные результаты на генеральную совокупность, т.е. на все предприятия страны (с численностью занятых работников до 250 человек включительно) и численность их работников.

Значения степеней в обеих функциях (4) и (5) отрицательны (-1,758 и -0,028), следовательно, с ростом значения фактора величины переменных монотонно уменьшаются.

Разработанные автором в результате исследований функции (4) и (5) позволяют оценивать доли предприятий и занятых на них работников, соответственно, в общем количестве предприятий и общей численности работников. Для этого необходимо рассчитать значения определенных интегралов от этих функций для соответствующих интервалов изменения аргумента (численности работников в предприятии) указанных функций. Итоги таких оценок приведены далее.

Анализ функции (4), описывающей распределение удельного веса различных по численности работников предприятий, позволяет сделать следующие выводы:

- более половины сложившихся к настоящему времени коммерческих предприятий имеет численность работников менее 3 чел.;
- 76% предприятий имеет численность работников до 5 чел. включительно;
- 84% предприятий характеризуются численностью работников менее 11 чел.;
- почти в 90% всех предприятий страны количество занятых работников составляет не более 15 чел.;
- доля предприятий с численностью работников от 100 до 250 человек составляет менее 1%;

- около 10% от общего количества предприятий имеют численность работников в диапазоне 6–11 чел.;

- около 1% от общего количества предприятий характеризуются численностью работников в интервалах от 51 до 70 чел. и от 71 до 100 чел.

Анализ функции (5), описывающей распределение удельного веса численности работников, занятых на предприятиях, позволяет сделать следующие выводы:

- около половины всех работников заняты на предприятиях, которые имеют численность работников до 27 чел. включительно;

- на предприятиях с численностью работников до 5 чел. включительно заняты 12% всех работников;

- почти треть всех работников заняты на предприятиях с численностью до 15 человек включительно;

- почти 90% работников трудятся на предприятиях с численностью до 100 чел.;

- 75% работников занято на предприятиях с численностью до 56 чел.;

- около 5% от общего количества работников заняты на предприятиях с численностью работников в интервалах от 101 до 140 чел. и от 140 до 250 чел.

Определенный интерес представляет сравнительный анализ итогов проведенного исследования с результатами моделирования распределений количества предприятий и численностью работников по данным за 2010 г. [10]. Этот анализ позволил сделать следующие выводы:

- за рассматриваемый период с 56% до 72% выросла доля предприятий, относящихся к группе с численностью работников менее 5 чел.;

- по группе предприятий с численностью работников от 1 до 30 чел. наблюдается увеличение их удельного веса с 81% (2010 г.) до 94% (2013 г.);

- наблюдается значительное сокращение (с 5% до 1%) удельного веса предприятий, численность занятых в которых находится в диапазоне от 101 до 250 чел. Аналогичный сравнительный анализ распределения количества работников, занятых на предприятиях с различной численностью, показал следующее:

- за рассматриваемый период с 11% до 12% выросла доля работников на предприятиях с численностью занятых до 5 чел. включительно;

- по группе предприятий с численностью работников от 5 до 15 чел. включительно наблюдается небольшое снижение доли занятых (с 22% в 2010 г. до 20% в 2013 г.).

В целом, необходимо отметить существенное преобладание предприятий с малой численностью работников, причем за рассматриваемый период отмечается тенденция роста удельного веса таких предприятий в национальной экономике. Основными причинами этого, на наш взгляд, являются: совершенствование технологических, в том числе управленческих, процессов, а также совмещение работниками разных функций. Последнее обеспечивает снижение численности работников на предприятии. Однако это приводит к тому, что ряд необходимых функций выполняется некачественно либо не выполняется совсем, что ведет к увеличению предпринимательского риска.

К результатам исследования, содержащим научную новизну, относятся следующие:

– подтверждена возможность анализа сложившегося распределения удельного веса количества предприятий и численности их работников с помощью регрессионных моделей, приведены модельные спецификации;

– доказано, что высокое качество аппроксимации исходных данных обеспечивают степенная монотонно убывающая функция для описания распределения удельного веса различных по численности работников предприятий и экспоненциальная монотонно убывающая функция для описания распределения численности занятых в этих предприятиях работников;

– установлено, что удельный вес количества крупных предприятий с численностью работников более 251 чел. в общем количестве предприятий по семи субъектам страны (Республике Татарстан, Пермскому краю, Астраханской области, Белгородской области, Вологодской области, Новосибирской области, Свердловской области) составляет в среднем не более 1%;

– показано, что среди предприятий с численностью работников до 250 чел. включительно преобладают те, численность занятых в которых не превышает 5 чел. При этом доля предприятий с численностью работников более 100 чел. не превышает 1%;

– показано, что половина всех работников занята на предприятиях с численностью работников до 27 чел. включительно, а на предприятиях с численностью до 100 чел. занято 90% всех работников;

– выявлено, что за период с 2010 по 2013 год доля предприятий с численностью работников менее 5 чел. выросла с 56% до 72%.

Полученные результаты имеют определенное теоретическое и прикладное значение, в частности, при проведении научных исследований различных по численности работников предприятий, совершенствовании правового и нормативного обеспечения деятельности предприятий, планировании мероприятий по повышению эффективности деятельности предпринимательских структур на всех уровнях управления (федеральном, региональном, муниципальном). Разработанные формулы могут использоваться при обосновании потребностей в инвестициях и трудовых ресурсах, формировании планов, программ и стратегий дальнейшего развития малого и среднего предпринимательства в российских регионах и отдельных муниципальных образованиях.

Практическая значимость результатов исследований связана также с возможностью их использования подразделениями органов государственного и муниципального управления, связанными с решением задач регулирования и поддержки деятельности малого и среднего предпринимательства, а также кредитными, лизинговыми и другими организациями. Так, сложившаяся структура численности работников должна учитываться при обосновании объемов кредитования малых и средних предприятий, выделения им грантов, осуществления инвестиций и решения других задач поддержки предпринимательских структур. При проведении закупок для нужд региональных и муниципальных органов власти необходимо, учитывая преобладание небольших по численности предприятий, всемерно уменьшать размеры выставляемых на торги лотов по контрактам, предназначенным для малых предприятий. Половина всех предприятий имеет численность менее 3 чел., поэтому владельцы (руководители) таких предприятий в процессе своей деятельности

вынуждены совмещать многие функции и, соответственно, нуждаются в знаниях в таких областях, как менеджмент, маркетинг, налогообложение, право, учет и отчетность. Поэтому органам государственного и муниципального управления необходимо уделять больше внимания повышению квалификации предпринимателей на основе тренингов, семинаров, краткосрочных и среднесрочных курсов, развитию сети консультационных пунктов и бизнес-инкубаторов, а также созданию служб единого окна для предпринимателей. Насущные проблемы должны освещаться на специализированных сайтах органов управления. Кроме того, необходимо учитывать сложившуюся дифференциацию численности работников предприятий при решении вопросов институционального обеспечения, особенно в части требований по ведению учета, составлению отчетности на малых предприятиях, которых абсолютное большинство. Необходимо оказывать таким предприятиям методическую, технологическую и организационную помощь со стороны банков, налоговых органов, обслуживающих организаций.

Список литературы

1. Брандт З. Статистические методы анализа наблюдений. М.: МИР, 1975. 313 с.
2. Гмурман В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика. М.: Высшая школа, 2003. 479 с.
3. Демиденко Е.З. Линейная и нелинейная регрессии. М.: Финансы и статистика, 1981. 302 с.
4. Доугерти К. Введение в эконометрию. М.: ИНФРА-М, 1999. 402 с.
5. Дрейпер Н., Смит Г. Прикладной регрессионный анализ. М.: Финансы и статистика, 1986. 366 с.
6. Кокрен У. Методы выборочного исследования. М.: Статистика, 1976. 89 с.
7. Кремер Н.Ш., Путко Б.А. Эконометрика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 311 с.
8. Основные демографические индикаторы предприятий [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/inst-preob/tab1.htm (дата обращения: 03.11.2016).
9. Паниотто В.И., Максименко В.С. Количественные методы в социологических исследованиях. Киев: Наукова думка, 1982. 270 с.
10. Пиньковецкая Ю.С. Исследование численности работников в малых и средних предприятиях // Организатор производства. 2012. № 4 (55). С. 103–107.
11. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 2 июня 2016 г. № 1083-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 24, ст. 3549.

Статья получена 07.11.2016

References

1. Brandt, Z. (1975), *Statisticheskie metody analiza nabljudenij* [Statistical methods of observations analysis], Mir, Moscow, Russia.
2. Gmurman, V.E. (2003), *Teoriya veroyatnostej i matematicheskaja statistika* [Theory of probability and mathematical statistic], Vysshaya shkola, Moscow, Russia.
3. Demidenko, E.Z. (1981), *Linejnaja i nelinejnaja regressii* [Linear and non-linear regression], Finance and statistic, Moscow, Russia.
4. Doygerti, K. (1991), *Vvedenie v jekonometriku* [Introduction to econometrics], INFRA-M, Moscow, Russia.
5. Dreiper, N. and Smit, G. (1986), *Prikladnoj regressionnyj analiz* [Applied regression analysis], Finance and statistic, Moscow, Russia.
6. Kokren, W. (1976), *Metody vyborochnogo issledovaniya* [Methods of differentiation research], Statistika, Moscow, Russia.
7. Kremer, N.S. and Putko, B.A. (2002), *Jekonometrika* [Econometrics], UNITI-DANA, Moscow, Russia.
8. The official site of the Federal State Statistics Service (2016), “The main demographic indicators of enterprises”, available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/inst-preob/tab1.htm (Accessed 3 November 2016).
9. Paniotto, V.I. and Maksimenko, B.S. (1982), *Kolichestvennye metody v sociologicheskikh issledovaniyah* [Quantity methods in sociological researches], Naukova dymka, Kiev, Ukraine.
10. Pinkovetskaia, I.S. (2012), “Research quantity of workers in small and medium enterprises”. *Organizator proizvodstva*, no. 4, pp. 103–107.
11. Strategija razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda [Strategy of development small and medium entrepreneurship in the Russian Federation in the period till 2030] (2016), Order of Government of the Russian Federation no. 1083-R dated 2 June 2016, *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*, no. 24, art. 3549.

Received 7 November 2016

REGULARITIES OF DISTRIBUTION ENTERPRISES IN THE DEPENDENCE OF EMPLOYEES QUANTITY

Julia S. Pinkovetskaia

*Ulyanovsk State University, 42 Leo Tolstoy str., Ulyanovsk, 432017, Russia
E-mail: judy54@yandex.ru*

To solve the management tasks related to further development of enterprises and to provide them with necessary assistance and support, to improve their activities one should have information on the current distribution structure of enterprises depending on the number of employees. The aim of the study is to analyze regularities and trends in characterizing the distribution of different numbers of workers in the enterprises and workers there. We use official statistical information as input

data. The research was based on the analysis of weights of enterprises with a certain number of employees in the total number of enterprises and weights of workers employed in such enterprises in the total number of employees. It has been shown that high quality approximation of the original data provides power and exponential monotonically decreasing function respectively. It was found that the enterprises with 5 employees and less dominate among the enterprises employing up to 250 people. It is established that from 2010 to 2013 the proportion of these enterprises has increased.

Key words: enterprises; sample; quantity of employees; regression models; power function, exponential function

ГОСТИНИЧНЫЙ БИЗНЕС УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ

В статье рассмотрены проблемы развития гостиничного бизнеса в условиях рыночных реформ в Украине, указаны цели реформ в этой сфере. Автором раскрыт потенциал развития гостиничного хозяйства Украины. Проанализированы состояние и тенденции развития гостиничной индустрии. Отражены интеграционные процессы развития гостиничного бизнеса в Украине, существенным аспектом которых является присутствие международных гостиничных цепей. Охарактеризована роль предприятий гостиничной индустрии в развитии туризма. Выделены факторы, которые определяют выбор средств размещения при организации путешествий семейных туристов из-за рубежа. Сделан вывод о необходимости расширения набора маркетинговых инструментов в позиционировании гостиниц на туристических рынках. Предложены меры по активизации взаимодействия государства и бизнеса, в основе которых упрощение процедуры регистрации средств размещения, их категоризация, привлечение внутренних инвестиций для развития малого бизнеса в сфере гостеприимства.

Ключевые слова: гостиничный бизнес; рыночные реформы; рынок гостиничных услуг; регион; инвестиции; средства размещения; туризм

DOI: 10.17072/2218-9173-2016-3-97-106

Программа развития сферы туризма и гостеприимства является составляющей Стратегии устойчивого развития «Украина– 2020». Целью Стратегии является внедрение в Украине европейских стандартов жизни и выход страны на ведущие позиции в мире. Среднесрочной целью реформ в этой сфере является создание благоприятной среды для ведения бизнеса, развития малого и среднего предпринимательства, привлечения инвестиций, международной торговли и повышения эффективности рынка труда. В трудах С.С. Галасюк, О.В. Шикиной, В.Л. Кизимы, Н.В. Бортник, Н.Н. Кузнецовой, М.Ю. Лайко, А.И. Кошелевой, Д.К. Евстегнеевой, Я.О. Остапенко, П. Подлепиной [2; 4; 7; 8; 10; 11] отражены современные подходы к определению роли гостиничного бизнеса в развитии экономики регионов, рынка туристских услуг. Исследователи сходятся во мнении, что развитие гостиничного бизнеса является одним из важнейших сегментов индустрии туризма, так как ни одно путешествие не обходится без организации размещения туристов. При этом они обращают внимание на региональную специфику рынка гостиничных услуг, необходимость совершенствования государственного регулирования сферы гостиничного бизнеса.

Целью статьи является определение роли гостиничного бизнеса в развитии рынка услуг в условиях рыночных преобразований экономики, формирование предложений, направленных на активизацию деятельности предприятий гостиничного бизнеса в регионах.

Проведенные исследования свидетельствуют о рыночном потенциале развития гостиничного бизнеса в Украине. В 2015 году места для временного проживания предоставляли 4341 коллективное средство размещения (юридические лица и физические лица–предприниматели), общее количество мест – 404 тыс. (табл. 1). Гостиницы составляют 34,7% в структуре коллективных средств размещения. Большинство потребителей (74,3%) в основном выбирали гостиницы и аналогичные средства размещения. Среди размещенных лиц 11,5% составляли иностранцы [6].

Таблица 1

Коллективные средства размещения Украины в 2015 г. [6]

Средства размещения	Количество коллективных средств размещения	В них	
		количество мест	количество размещенных лиц
Всего	4 341	404 013	5 779 858
Гостиницы и аналогичные средства размещения, в том числе:	2 478	132 800	4 297 190
гостиницы	1 508	100 438	3 682 858
мотели	123	3 614	93 830
хостелы	29	1 183	30 328
кемпинги	6	332	5 140
общежития для приезжих	105	7 049	121 716
туристические базы, горные приюты, студенческие летние лагеря, другие места для временного размещения	707	20 184	363 318
Специализированные средства размещения	1 863	271 213	1 482 668

Характерным примером развития гостиничного бизнеса в условиях экономических реформ является рынок гостиничных услуг столицы Украины. В 2015 году в Киеве насчитывалось 12019 гостиничных номеров, из них в отелях категории «пять звезд» – 1449 номеров, «четыре звезды» – 2428 номеров, «три звезды» – 4139 номеров, «две звезды» – 891 номер, «одна звезда» – 175 номеров. Остальные 2937 номеров приходятся на гостиницы без категории (около 25%). По причине нестабильной экономической и политической ситуации в Украине в 2014 г. и последовавшего значительного оттока туристов заполняемость в гостиницах упала с 55% в начале года до 30% в конце. Спрос на гостиничные услуги в Киеве до 2014 г. традиционно формировался в основном за счет представителей бизнес-сегмента (около 65–80%), большинство которых приезжали из-за границы, а около 20% – из регионов Украины. Со снижением напряженности на юго-востоке Украины и условной стабилизацией национальной валюты на рынке гостиничных услуг наметилось небольшое

оживление спроса. Так, заполняемость отелей верхнего ценового сегмента постепенно возрастала и по итогам 2015 г. составила 37%. Показатель заполняемости гостиниц среднего ценового сегмента достиг 40–50%. Оставшаяся доля спроса формировалась за счет представителей группового и индивидуального туризма. Отметим, что среди интеграционных тенденций развития гостиничного бизнеса в Украине существенным фактором является присутствие международных гостиничных цепей. В 2014 году на столичный гостиничный рынок вышел отель «Hilton», в 2013 г. – «Radisson Blu Podil», в 2012 г. – «Ramada Encore» и «Fairmont», а в 2011 г. – «Ibis». В 2015 году в столице не было введено ни одной гостиницы под управлением международных операторов, однако оператор «Ibis» открыл гостиницу во Львове [3].

Региональные данные о развитии коллективных средств размещения на юге Украины – в Одесском регионе – показывают, что среднегодовой темп ввода новых средних и малых гостиниц составляет 15% [5]. Рассмотрим современное состояние развития туристической отрасли Одесского региона. В 2015 году пассажиропоток в международных пунктах пропуска через границу в пределах области составил 7,4 млн чел., что на 1,5 млн чел. больше по сравнению с 2014 г., из них иностранцев 4,5 млн чел. (+900,0 тыс. чел.). Объем капитальных инвестиций, освоенных учреждениями временного размещения области, в 2015 г. составил 92,4 млн грн., что на 10% больше, чем в 2014 г. За счет принятых в эксплуатацию в 2015 г. объектов временного размещения общая мощность объектов туристической инфраструктуры области увеличилась на 908 мест и в итоге составила 127 тыс. мест [13]. Одним из показателей эффективности работы туристической и гостиничной сферы является объем поступлений в местный бюджет туристического сбора. Так, за 2015 г. в бюджет города Одессы поступило 2,6 млн грн., что на 1,18 млн грн. больше, чем в 2014 г. По объему туристического сбора в 2015 г. Одесса находится на втором месте в стране после Киева.

В то же время в рейтинге Всемирного банка Doing Business 2015 Украина по показателю легкости ведения бизнеса занимает 96 место среди 189 стран мира. При этом по показателю «уплата налогов» Украина занимает 108 место. Осуществляется хозяйственная деятельность малых отелей как индивидуальных средств размещения без обязательной регистрации их в качестве субъектов предпринимательства, особенно в курортно-рекреационных регионах. Такая практика ведет к «тенизации» доходов и, соответственно, отсутствию поступлений в бюджет в виде налогов. В настоящее время субъекты предпринимательской деятельности – физические лица – ведут малый бизнес в 890 гостиницах, 97 мотелях и 29 хостелах Украины. Больше всего предприятий гостиничного хозяйства находится на территориях Львовской (10,33%), Одесской (8,89%), Закарпатской (8,86%), Ивано-Франковской (8,08%) областей и в г. Киеве (5,94%). Меньше всего гостиничных предприятий расположено в Луганской области – 0,49% от общего числа гостиниц и аналогичных средств размещения [5].

На наш взгляд, предприятиям гостиничного бизнеса при рассмотрении перспектив расширения своей доли на рынке гостиничных услуг следует обратить внимание на тенденции, определяющие выбор средств размещения при организации путешествий семейных туристов из-за рубежа. С этой целью необходимо активизи-

ровать маркетинговые исследования спроса. Так, например, для того чтобы лучше понимать потребности и соответствовать ожиданиям путешествующих семей, в отелях международной сети «Embassy Suites» был проведен опрос среди 2000 гостей, у которых есть хотя бы один ребенок младше 18 лет. Результаты подтвердили желание всех родителей путешествовать вместе с детьми и выявили ключевые особенности, связанные с семейным отдыхом: семьи часто отдыхают, у молодых родителей настоящая страсть к путешествиям. Почти 40% молодых родителей (18–34 лет) путешествуют и останавливаются в отелях вместе со своими детьми 3 раза в год и более; 82% респондентов хотели бы путешествовать вместе со своими детьми еще чаще. Это их главная мотивация для совместных поездок и основной фактор при выборе гостиницы в регионе [16]. Таким образом, данные маркетинговых исследований говорят об определенных тенденциях спроса, обуславливающих необходимость расширения ассортимента дополнительных и анимационных услуг для семейных туристов и их детей, прибывающих в гостиницы регионов.

Подчеркнем, что в настоящее время согласно ДСТУ 4527: 2006 в Украине с целью категоризации определено 15 объектов гостиничного типа, которым может быть присвоена звездная категория: агроотель, акватель, апарт-отель, ботель, гостинично-офисный центр, клуб-отель, конгресс-отель, курортный отель, мотель, отель-люкс, отель-резиденция, дворец-отель, санаторий, флотель, хостел [12]. Специалисты утверждают, что на украинском рынке наиболее востребованы трех и четырех звездочные гостиницы. Согласно данным Реестра свидетельств об установлении категорий гостиниц и другим объектам, предназначенным для предоставления услуг по временному размещению (проживанию), выданных Минэкономразвития Украины, по состоянию на 01.11.2016 г. в стране насчитывается 22 объекта категории «пять звезд», предназначенных для предоставления услуг по временному размещению [14]. Это составляет 1,5% от общего количества зарегистрированных в стране гостиниц (или 11% от всех гостиниц, которым присвоена категория), 48 гостиниц имеют категорию «четыре звезды» (см. табл. 2).

Таблица 2

Гостиницы и аналогичные средства размещения Украины, которые получили свидетельства об установлении категорий, по состоянию на 01.11.2016 г. [14]

Коллективные средства размещения	Категория «пять звезд»	Категория «четыре звезды»	Категория «три звезды»	Категория «две звезды»	Категория «одна звезда»
Гостиница	21	48	75	15	23
Курортная гостиница	1	–	–	–	–
Санаторий	–	–	1	6	3
Всего	22	48	76	21	26

Как видим, среди средств размещения, которым присвоена соответствующая категория, наибольшую долю составляют гостиницы категории «три звезды» (39%), затем следуют гостиницы категории «четыре звезды» – 25% (см. рис.).

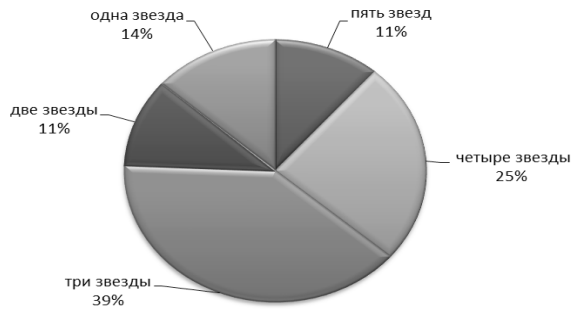

Рис. Распределение средств размещения, согласно данным Реестра свидетельств об установлении категорий гостиниц в Украине по состоянию на 01.11.2016 г., %

В настоящее время соответствие категории подтвердили 183 гостиницы, что составляет 12% от их общего количества в Украине. Анализ исследуемых показателей свидетельствует о том, что доля гостиниц, которые не получили подтверждения соответствия предоставляемых услуг требованиям категоризации в стране, составляет более 80%. Это говорит о недооценке их руководством роли унифицированной гостиничной марки как одного из маркетинговых инструментов в позиционировании стандартизированных услуг гостиниц на туристических рынках. Как утверждает управляющий директор «Colliers International» (Украина), «среди иностранцев традиционно востребованы гостиницы высшего ценового сегмента. Что касается внутреннего туриста, то в первую очередь он ориентируется на невысокую цену, удобное месторасположение и качественный сервис, а предложение качественных бюджетных гостиниц ограничено» [3].

Отметим, что сейчас вносятся изменения в нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность по предоставлению гостиничных услуг и в странах СНГ. Так, на рассмотрении Государственной Думы Федерального Собрания РФ находится проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», который предусматривает введение обязательной классификации средств размещения. Документ устанавливает обязательность прохождения классификации всеми средствами размещения за исключением молодежных туристических лагерей, турбаз, кемпингов, детских лагерей, ведомственных общежитий, железнодорожных спальных вагонов, а также меблированных комнат для сдачи внаем. Согласно текущей редакции законопроекта обязательная классификация средств размещения будет производиться в следующем порядке: с 1 января 2018 г. в отношении гостиниц и иных средств размещения с номерным фондом более 50 номеров; с 1 января 2019 г. в отношении гостиниц и иных средств размещения с номерным фондом более 15 номеров; с 1 января 2020 г. в отношении всех гостиниц и иных средств размещения. Российские специалисты считают, что «лейтмотивом данного изменения в законодательство РФ служит назревшая очевидная необходимость того, чтобы все объекты туристической индустрии соответствовали требованиям системы классификации, разработанной в соответствии с международными стандартами, рекомендациями Всемирной туристской организации при

Организации Объединенных Наций (ЮНВТО) и существующей зарубежной практикой» [8]. По итогам 2015 г. число средств размещения, зафиксированных Росстатом, увеличилось почти на треть (+29,2%) или на 4,5 тыс. Основной прирост за последние 15 лет пришелся на гостиницы (+54%), тогда как количество специализированных средств размещения с 2000 по 2013 г. уменьшалось, заметный рост отмечен только в 2015 г. (+26,7% к 2014 г.) [15]. Как отмечает Н.В. Новичков, в настоящее время можно обозначить проявление целого ряда глобальных трендов, которые уже сейчас оказывают существенное влияние на развитие многих сегментов современного туризма, в том числе в российских регионах (повышение доли индивидуального туризма; повышение роли стран БРИКС и развивающихся рынков на глобальном туристическом рынке) [9, с. 108]. Среди этих трендов, на наш взгляд, ведущим является мультикомплексный характер туристического продукта, что проявляется в появлении и закреплении на рынке международных альянсов туроператоров, авиакомпаний и предприятий гостиничной индустрии.

Практика государственного регулирования гостиничного бизнеса в Беларуси показывает, что в числе основных нововведений систематизация и конкретизация требований к оснащению гостиниц и moteley «без категории», а также к минимальному набору предоставляемых ими услуг. Как считают специалисты, это позволит повысить уровень обслуживания в таких гостиницах и moteley, обеспечит потребителю все необходимые условия для проживания в них. В изменении к ТКП 5.3.02-2007 установлены правила и порядок сертификации гостиниц и moteley «без категории». Также повысились требования к качеству материально-технической базы гостиниц и moteley категорий от одной до трех звезд [1]. Таким образом, как показывают исследования, региональным органам управления, предприятиям гостиничного бизнеса целесообразно изучать и адаптировать к национальным условиям хозяйствования современные технологии менеджмента и территориального маркетинга гостеприимства, учитывая процессы глобализации рынка гостиничных услуг.

В процессе рыночных преобразований в Украине гостиничный бизнес начал привлекать к себе внимание крупных корпораций, различных объединений, а также небольших компаний и частных предпринимателей. Интеграционные процессы развития гостиничного бизнеса в стране связаны с деятельностью международных гостиничных цепей. Исследования рынка показывают, что наибольшей популярностью на рынке гостиничных услуг пользуются так называемые мини-отели, а не большие гостиничные комплексы. В связи с этим, многие владельцы домов, коттеджей, различных зданий начинают рассматривать идею превращения своей недвижимости в небольшие мини-отели вместимостью от 7 до 50 номеров. При этом отдается предпочтение как заведениям, расположенным в экологически чистых районах вдали от городского шума, так и отелям для бизнесменов в деловом центре города. Однако, несмотря на все успехи в развитии гостиничного бизнеса, существует ряд проблем: нестабильность среды ведения бизнеса, бюрократия и коррупция, правовая незащищенность предпринимателей, отсутствие стимулов к добровольной категоризации частных средств размещения гостиничного типа. Предприниматели испытывают трудности при планировании своего бизнеса даже в краткосрочной перспективе. Отсутствуют целевые государственные программы, направленные на поддержку,

развитие и защиту данной сферы. На наш взгляд, основная проблема заключается в отсутствии современной нормативно-правовой базы в области регулирования предпринимательской деятельности малых форм гостиничного бизнеса. Необходимо активизировать взаимодействие государства и бизнеса в вопросах упрощения процедуры регистрации средств размещения, их категоризации, привлечения внутренних инвестиций для развития малого бизнеса в сфере гостеприимства.

Список литературы

1. В Беларуси систематизированы требования к услугам гостиниц и мотелей [Электронный ресурс]. URL: <http://news.tut.by/society/166409.html> (дата обращения: 14.10.2016).
2. Галасюк С.С., Шикіна О.В. Організаційно-економічні засади функціонування малих готелів. Одеса: Атлант, 2015. 279 с.
3. Гостиничный рынок Украины: прогноз на 2016 год [Электронный ресурс]. URL: <http://marketing.rbc.ua/news/24.03.2016/8129> (дата обращения: 14.10.2016).
4. Кізима В.Л., Бортнік Н.В. Маркетингове дослідження ринку туристичних і готельних послуг України. // Науковий вісник Херсонського державного університету. Сер.: Економічні науки. 2016. №. 17 (2). С. 37–40.
5. Колективні засоби розміщування в Україні у 2015 році: статистичний бюлетень. – Київ: Державна служба статистики України, 2016. 200 с.
6. Коллективные средства размещения Украины в 2015 году [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/druk/publicat/.htm> (дата обращения: 14.10.2016).
7. Кузнецова Н.М., Нездойминов С.Г. Регіональний вимір розвитку туристичного та готельного бізнесу. Одеса: Астропринт, 2010. 256 с.
8. Лайко М.Ю., Кошелева А.И., Евстегнеева Д.К. Международный опыт и российская практика эффективного управления гостиничными предприятиями // Региональная экономика и управление: электрон. науч. журн. 2016. № 4 (48) [Электронный ресурс]. URL: <http://eee-region.ru/article/4801/> (дата обращения: 22.11.2016).
9. Новичков Н.В. Экономика туризма региона: основные особенности и тенденции. Ars Administrandi (Искусство управления). 2015. № 2. С. 105–120.
10. Остапенко Я.О. Статистичний аналіз підприємств готельного господарства та прогнозування його розвитку // Глобальні та національні проблеми економіки. 2015. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.global-national.in.ua/archive/8-2015/256.pdf> (дата обращения: 11.11.2016).
11. Подлепіна П. Тенденції розвитку готельного господарства України в умовах турбулентності // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Сер.: «Міжнародні відносини. Економіка. Країнознавство. Туризм». 2016. № 5. С. 154–159.
12. Послуги туристичні. Засоби розміщення. Терміни та визначення: ДСТУ 4527:2006. Видання офіційне. Розроблено Держтурадміністрацією спільно з ДП НДІ «Система», м. Львів. [Чинний від 2006-01-10]. Київ: Держспоживстандарт України, 2006. 28 с.

13. *Регіональна доповідь* про стан навколишнього природного середовища в Одеській області у 2015 р. [Електронний ресурс]. URL: http://ecology.odessa.gov.ua/files/ecology_portal/reg_onal_na_dopov_d_2015 (дата обращения: 24.10.2016).

14. *Реєстр* свідочств про встановлення категорій готелям та іншим об'єктам, що призначаються для надання послуг з тимчасового розміщення (проживання), виданих Мінекономрозвитку [Електронний ресурс]. URL: <http://www.me.gov.ua/Documents/List?lang=uk-UA&id=7f89dba2-0fdc-40e6-b870-a413e1063d3a&tag=RestrSvidotstvProVstanovlenniaKategorii> (дата обращения: 24.11.2016).

15. *Росстат*: Гостиничная индустрия России за 15 лет [Електронний ресурс]. URL: <http://hotelier.pro/tourizm/item/1842-rosstat> (дата обращения: 14.11.2016).

16. *Секреты «семейного отдыха»* от известной сети отелей Embassy Suites [Електронний ресурс]. URL: <http://prohotelia.com.ua/2015/04/family-travel-hacks/> (дата обращения: 14.10.2016).

Статья получена 28.11.2016

References

1. Tut.by (2010), "Requirements for the services of hotels and motels are systematized in Belarus", available at: <http://news.tut.by/society/166409.html> (Accessed 14 October 2016).
2. Galasyuk, S.S. and Shykina, O.V. (2015), *Organizatsiyno-ekonomichni zasady funktsionuvannya malih gotelliv* [Organizational and economic principles of functioning of small hotels], Atlant, Odessa, Ukraine.
3. Marketing.rbc.ua (2016), "Market place Hotel Ukraine: the forecast for 2016 year", available at: <http://marketing.rbc.ua/news/24.03.2016/8129> (Accessed 14 October 2016).
4. Kizima, V.L. and Bortnik, N.V. (2016), "Marketing research travel and hotel services in Ukraine", *Naukovij visnik Hersons'kogo derzhavnogo universitet, series "Ekonomichni nauki"*, vol. 17, no. 2, pp. 37–40.
5. The official site of the State Statistics Service of Ukraine (2016), "Collective accommodation facilities in Ukraine", available at: <http://www.ukrstat.gov.ua/druk/publicat/.htm> (Accessed 14 October 2016).
6. *Kolektivni zasobi rozmishhuvannya v Ukraïni u 2015 roci: statistichnij bju-leten'* [Collective accommodation facilities in Ukraine in 2015: Statistical Bulletin] (2016), the State Statistics Service of Ukraine, Kiev, Ukraine.
7. Kuznetsova, N.N. and Nezdoyminov, S.G. (2010), *Regional'nyj vymir rozvytku turystychnogo ta gotel'nogo biznesu* [Regional dimension of the tourism and hospitality industry], Astroprint, Odessa, Ukraine.
8. Layko, M.Y., Kosheleva, A.I. and Evstegneeva, D.K. (2016), "International experience and Russian practice of effective hotel management" [Online], *Regional Economy and Management: electronic scientific journal*, no. 4, available at: <http://eee-region.ru/article/4801/> (Accessed 22 November 2016).

9. Novichkov, N.V. (2015), "Tourism economy of region: the main features and trends", *Ars Administrandi*, no. 2, pp. 105–120.
10. Ostapenko, Ja.O. (2015), "Statistical analysis of the business hotel industry and forecasting its development" [Online], *Global'ni ta nacional'ni problemi ekonomiki*, no. 8, available at: <http://www.global-national.in.ua/archive/8-2015/256.pdf> (Accessed 11 November 2016).
11. Podlepina, P. (2016), "Trends in the Hotel Industry of Ukraine in conditions of turbulence", *Visnyk Harkivs'kogo nacional'nogo universytetu imeni V.N. Karazina, series "Mizhnarodni vidnosyny. Ekonomika. Krai'noznavstvo. Turyzm"*, no. 5, pp. 154–159.
12. Poslugi turistichni. Zasobi rozmishhennja. Terminy ta viznachennja: DSTU 4527:2006. Vidannja oficijne. Rozrobleno Derzhturadministracieju spil'no z DP NDI "Sistema", m. Lviv [Touristic services. Accommodation facilities. Terms and definitions: ISO 4527:2006. Publication of the official] (2006), Derzhspozhyvstandart Ukraïny, Kiev, Ukraine.
13. The official site of the Department of environment and natural resources of Odessa regional state administration (2015), "The regional report on the state of the environment in the Odessa region in 2015", available at: http://ecology.odessa.gov.ua/files/ecology_portal/regonal_na_dopov_d_2015 (Accessed 24 October 2016).
14. ProHotelia (2015), "Secrets of a family holiday by the well-known hotel chain Embassy Suites", available at: <http://prohotelia.com.ua/2015/04/family-travel-hacks/> (Accessed 14 October 2016).
15. The official site of the Ministry of Economic Development and Trade of Ukraine (2016), "Register of certificates establishing categories of hotels and other facilities intended for the provision of temporary accommodation (accommodation), issued by the Ministry of Economic Development", available at: <http://www.me.gov.ua/Documents/List?lang=uk-UA&id=7f89dba2-0fdc-40e6-b870-a413e1063d3a&tag=RestrSvidotstvProVstanovlenniaKategorii> (Accessed 24 November 2016).
16. Hotelier.pro (2016), "Federal State Statistics Service: Russian hotel industry in 15 years", available at: <http://hotelier.pro/tourizm/item/1842-rosstat> (Accessed 14 November 2016).

Received 28 November 2016

HOTEL BUSINESS OF UKRAINE IN CONDITIONS OF MARKET REFORMS

Sergey G. Nezdoyminov

*Odessa National Economic University, 8 Preobrazhenskaya str., Odessa, 65082, Ukraine
E-mail: 2072945@gmail.com*

The article deals with the problems of hotel business development in the context of market reforms in Ukraine. A medium-term goal of the reforms in this area is to create a favorable business environment, to develop small and medium enterprises, to invest, and to promote international trade, and to enhance labor market efficiency. The potential of the hotel industry in Ukraine is revealed. The state and progress

of hotel industry trends are analyzed. It reflects the integration processes development of hotel business in Ukraine with its significant factor, which is the presence of international hotel chains. It describes the role of the hotel industry enterprises in the development of tourism. The factors that determine the motivation to choose the appropriate placement in organizing the foreign families' trips are defined. It is concluded that there is a need to expand the marketing tools in positioning the hotels in the tourist market. Measures to enhance the interaction between government and business to simplify registration procedures of placement, to categorize them, to attract inward investment for the development of small scale hospitality business are given.

Key words: hotel business; market reforms; market of hotel services; region; investments; accommodation facilities; tourism

CONTENTS

I. THEORIES OF POLITICS, ECONOMICS AND MANAGEMENT	
Borisova N.V. The Concept of Linguistic Territorial Regime.	5
Sukhanova P.A. Efficient Cluster Models in Conditions of Innovative Economy: The Review of Foreign and Domestic Approaches.	17
II. FEDERAL POLITICS AND GOVERNMENT	
Yakimova M.N. The role of Project Management in the Implementation of State Policy in the Presidency of Dmitry A. Medvedev.	29
Kapoguzov E.A. and Chupin R.I. Social Control of the Public Service Quality: Neo-Institutional Approach.	41
III. INNOVATION MANAGEMENT	
Novichkov N.V., Bashkirova O.V. and Novichkova A.V. Behavior Strategies in International Market of Innovative Products: Patent Pool vs Single Ownership of Patent Portfolio.	52
IV. ECONOMIC POLICY AND ECONOMIC DEVELOPMENT MANAGEMENT	
Guseva M.S. and Amelkina D.V. State Support for Small Innovative Entrepreneurship in the Cluster: Needs, Resources and Opportunities.	66
Pinkovetskaia J.S. Regularities of Distribution Enterprises in the Dependence of Employees Quantity.	85
Nezdoyminov S.G. Hotel Business of Ukraine in Conditions of Market Reforms.	108
RULES FOR AUTHORS.	

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

Общие условия опубликования

Автор предоставляет Издателю журнала (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его статьи в составе публикаций журнала, а также на включение полнотекстовых вариантов статьи в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит Издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Объем прав Издателя на использование журнала в целом соответствует объему принадлежащего автору исключительного права, предусмотренного ст. 1270 ГК РФ. Издатель вправе также разрешить использование Издания в целом другим лицам на определенных условиях по его усмотрению.

Авторское вознаграждение за предоставление автором Издателю указанных выше прав не выплачивается.

Автор включенной в журнал статьи сохраняет исключительное право на нее независимо от права Издателя на использование журнала в целом.

Направление автором статьи в журнал означает его согласие на использование статьи Издателем на указанных выше условиях и свидетельствует о том, что он осведомлен об условиях ее использования. В качестве такого согласия рассматривается также лицензионный договор на право использования научного произведения в научном журнале «Ars Administrandi», направляемый автором (соавторами) в адрес редакции после получения подтверждения о принятии статьи к публикации.

Редакция включает полнотекстовые варианты статей, а также фамилию, инициалы, ученую степень и звание, должность, место работы, электронный адрес автора (соавторов), название, аннотацию, ключевые слова статьи в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), размещает их на сайте журнала: <http://www.ars-administrandi.com>.

Гонорар за публикации не выплачивается. Плата за публикацию рукописей не взимается. Авторский экземпляр высылается автору (соавторам) по указанному им (ими) адресу.

Полученные редколлегией статьи не возвращаются.

Обязательные требования к оформлению рукописей¹

1. Для публикации в журнале принимается статья объемом до 1 п.л. (40 000 знаков) в печатном или электронном варианте, оформленная согласно требованиям редакционной коллегии.

2. Основной текст статьи может быть написан на русском и английском языках.

3. Статьи представляются в электронном виде в форматах *.doc, *.docx, *.rtf. Размер листа – А4. Ориентация – книжная. Поля – 2 см. Шрифт только Times New Roman (необходимость использования другого шрифта специально оговаривается в письме, нужный шрифт прилагается). Кегль – 12. Междустрочный интервал – одинарный. Все таблицы и рисунки приводятся в черно-белом исполнении в основном тексте статьи; таблицы – редактируемые, табличные рамки не должны выделяться жирной чертой. Переносы в статье не ставятся.

4. В начале статьи должен быть указан автор (соавторы), а также его (их) ученые степень и звание, место работы, должность, почтовый и электронный адрес.

5. Название статьи, информация об авторе / авторах, аннотация и ключевые слова обязательно должны быть представлены как на русском, так и на английском языках.

6. В аннотации должна быть отражена следующая информация: введение, основная идея и цель, методы и подходы, новизна, полученные результаты исследования, выводы. Размер аннотации – 1000–1500 печатных знаков. Количество ключевых слов (словосочетаний) – от 5 до 15.

7. В конце статьи помещается список литературы, который оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 без использования тире с указанием после каждого источника номеров страниц статьи или общего количества страниц книги и приводится в алфавитном порядке. Имена авторов (до трех) не повторяются в сведениях об ответственности.

На все приведенные в библиографическом списке источники должны быть ссылки в статье.

8. Список литературы, составленный в соответствии с российским ГОСТом, должен быть продублирован на латинице под заголовком References по стандарту «Harvard».

Инструкцию по оформлению References, а также стандарт «Harvard» можно найти на сайте журнала в разделе «Условия публикации».

9. К каждой статье должны быть приложены Сведения об авторе. В данном документе должно быть отражено следующее: фамилия, имя, отчество; место работы (полное название вуза, кафедры); должность; ученая степень, ученое звание; почтовый адрес, по которому следует выслать авторский экземпляр; номер контактного телефона; адрес электронной почты. Образец сведений об авторе можно скачать на сайте журнала в разделе «Условия публикации».

¹ Указанные требования содержатся: ГОСТ Р 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления; ГОСТ Р 7.0.7-2009 Статьи в журналах и сборниках; Регламент включения научных журналов в Российский индекс научного цитирования. М., 2008.

10. Статьи рецензируются по системе двойного слепого рецензирования. При отклонении статьи из-за несоответствия тематике, нарушения сроков или требований оформления и при наличии отрицательной рецензии рукописи не публикуются и не возвращаются.

Подробные правила оформления рукописей помещены в файле «Форма», с которым можно ознакомиться на сайте журнала в разделе «Условия публикации».

Желающие получить экземпляр журнала или консультацию редакционной коллегии могут обращаться по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, Пермский государственный национальный исследовательский университет, кафедра государственного и муниципального управления. Ответственный редактор – Елизавета Александровна Троицкая. Тел./факс (342) 2-396-830. Сайт: ars-administrandi.com, e-mail: arsadmag@yandex.ru.

Научное издание

ARS ADMINISTRANDI (Искусство управления)

2016. № 3

Редактор *Л.В. Хлебникова*

Корректоры *И.Р. Саматов*

Компьютерная верстка – *Р.И. Березина, Н.С. Кнутовой*

Дата выхода в свет 27.12.2016. Формат 70x100 1/16.

Усл. печ. л. 9,1. Тираж 500 экз. Заказ № 115009.

Редакция научного журнала «Ars Administrandi» («Искусство управления»)

614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Тел. (342) 2396830

ars-administrandi.com

E-mail: arsadmag@yandex.ru

Редакционно-издательский отдел

Пермского государственного национального исследовательского университета

614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в ООО «АСТЕР ДИДЖИТАЛ»

614000, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, 5

тел. (342) 206-06-86

Распространяется бесплатно